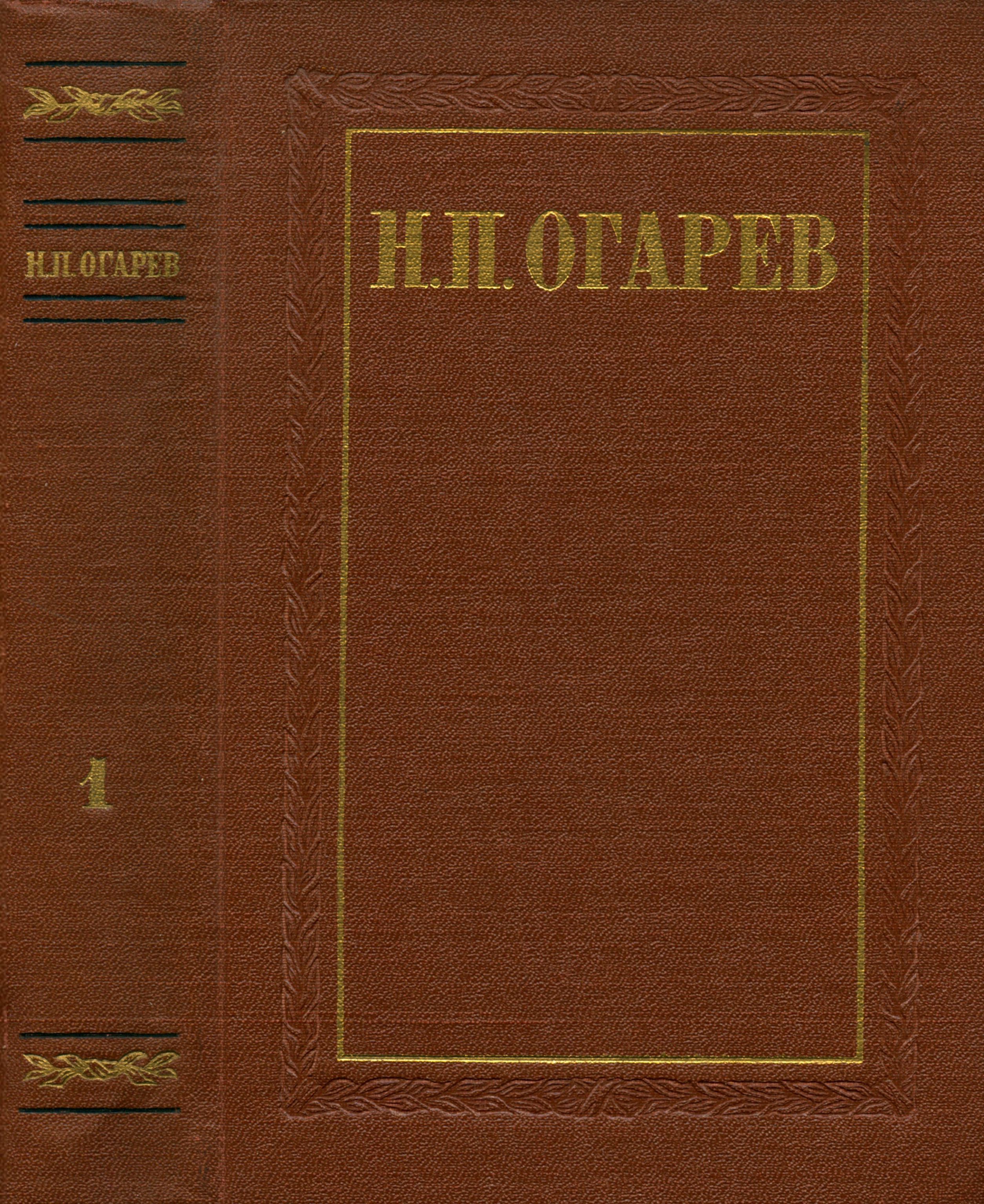

Н.П. ОГАРЕВ
Н.П. ОГАРЕВ
1

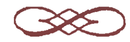
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Н. П. ОГАРЕВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

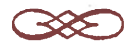

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

Н. П. ОГАРЕВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

Вступительная статья В. А. Путинцева
Подготовка текста и примечания
Н. М. Гайденкова

Н. П. ОГАРЕВ

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧ ОГАРЕВ

1

Сто лет назад, отмечая появление первого сборника стихотворений Н. П. Огарева, Чернышевский писал, что грядущими поколениями нашего народа «с любовью будет произноситься и часто будет произноситься» имя замечательного русского поэта и революционера. Чернышевский говорил о поэзии Огарева как об одной из самых «блестящих и чистых страниц» в развитии русской литературы и предсказывал, что она «останется достоянием истории»[1]. Огарев всей своей деятельностью поэта-борца, писателя и публициста оправдал высокую оценку великого демократа.

Научное изучение жизни, мировоззрения и творческого наследия Огарева стало возможным только после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Только в работах советских ученых, после настойчивых архивных изысканий, в полной мере раскрылось историческое место Огарева в развитии русского освободительного движения, литературы и общественной мысли.

Ближайший друг и соратник Герцена, Огарев вместе с ним принадлежал к поколению русских дворянских революционеров. Преодолев ограниченность их политической мысли, глубоко связав свои идейные искания с борьбой самого народа, Огарев в 60-х годах XIX века вслед за Герценом безбоязненно встал на сторону революционной демократии. Он был одним из зачинателей русской гражданской поэзии, непосредственным предшественником великого певца крестьянской демократии Некрасова.

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. III, М. 1947, стр. 562, 563, 565.

Николай Платонович Огарев родился 24 ноября (6 декабря нов. ст.) 1813 года в Петербурге в семье богатого помещика. Раннее детство будущего поэта прошло в пензенской деревне отца, где он близко общался с крепостными крестьянами. В автобиографических «Записках русского помещика» в 70-х годах Огарев писал, что он рос на чувстве «ненависти крепостного человека к барству».

В 1820 году Огарева привезли в Москву, где он вскоре познакомился, а затем подружился со своим дальним родственником Герценом — будущим великим писателем и революционным демократом. Рука об руку с ним Огарев прошел весь свой дальнейший жизненный путь.

Непосредственные впечатления от русской крепостнической действительности, горячий интерес к передовой русской литературе и общественной мысли в период бурного патриотического подъема, вызванного Отечественной войной 1812 года, изучение революционных традиций и наследия прогрессивных писателей и мыслителей Западной Европы способствовали раннему созреванию свободолюбивых настроений Огарева. Еще мальчиком он вместе с Герценом принес на Воробьевых горах, «в виду всей Москвы», знаменитую клятву пожертвовать жизнью на избранную борьбу[1]. Этот день Огарев впоследствии назвал «днем сознания своей дороги».

Исключительно важное значение для формирования мировоззрения Огарева имело восстание декабристов. «Для нас, мальчиков,— вспоминал он,— это было нравственным переворотом и пробуждением». «Мы — дети декабристов»,— говорил Огарев о своем поколении в «Исповеди лишнего человека» (1858—1859).

В стихотворении «Памяти Рылеева» (1859) поэт писал:

Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов —
Могучих деятелей племя
И сеяло благое семя
На почву юную умов...
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась.
Вот пять повешенных людей...
В нас молча сердце содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась,
И путь означен жизни всей.

Позднее Огарев писал в «Моей исповеди», обращаясь к Герцену: «Всю эту эпоху мы с тобой переживали вместе, постоянно подталкивая друг друга в развитии и стремлении к одной и той же, великой,

---

[1] См. А. И. Герцен, Былое и думы, Гослитиздат, Л. 1947, стр. 43.

для нас еще неясной цели... С этого времени не оставалось надо мной ни одного влияния, которое бы перечило моим политическим тенденциям, и они становились на первый план».

Вместе с Герценом Огарев учился в Московском университете. Первоначально он посещал лекции в качестве вольного слушателя. В январе 1832 года ему было «дозволено слушать лекции» по нравственно-политическому (то есть юридическому) факультету, но будущий поэт посещал также лекции профессоров словесного и физико-математического факультетов, где учился Герцен. В журнале профессора Московского университета, известного критика Н. И. Надеждина «Телескоп» студент Огарев опубликовал свои переводы философских статей, впервые выступив в печати.

В студенческих кружках университета свободолюбивые мечтания Огарева вырастали в твердую решимость посвятить жизнь борьбе за свободу родного народа. Огарев играл видную роль в деятельности кружка, группировавшегося в университете вокруг Герцена и выделявшегося глубоким интересом к важнейшим политическим вопросам русской действительности, к передовым общественным теориям Запада, в особенности — к учению утопических социалистов. Правительство Николая I, напуганное восстанием декабристов, беспощадно подавляло всякое проявление «политических тенденций» в передовых кругах русской дворянской молодежи. Но преследования со стороны царизма лишь обостряли ненависть молодого Огарева к самодержавно-крепостническому строю. Он сближается с революционно настроенными студентами, в частности устанавливает связь с участниками студенческого кружка Сунгурова, в 1831 году разгромленного царскими властями.

Начиная с 1833 года, за Огаревым был установлен секретный полицейский надзор. В ночь на 10 (22) июля 1834 года он был арестован по «делу о лицах, певших пасквильные стихи». Согласно определению следственной комиссии Огарев обвинялся, помимо участия в «пении дерзких песен», в том, что «вел с титулярным советником Герценом переписку, наполненную свободомыслием». «В показаниях своих,— говорилось в обвинительном заключении,— замечен упорным и скрытным фанатиком».

В апреле 1835 года Огарев был сослан в Пензенскую губернию.

Поэт тяжело переносил ссылку, разлуку с друзьями. «Ты сам живешь в провинции,— писал он Герцену,— ты знаешь, что это за общество: собрание каких-то уродов между обезьяной и человеком, отуманенных предрассудками, ленивых умом, развратных душою... Что же я тут буду делать?»

Годы ссылки стали для Огарева периодом его дальнейшего революционного и идейного роста. Новые впечатления от жизни крепост-

ной России глубоко западали в душу молодого поэта. «Я ненавижу аристократию,— гневно восклицает Огарев в своем письме к Герцену и московским друзьям, написанном в Пензе осенью 1836 года.— С чего вы взяли, что ее давят. Какое заблуждение! Давят идеи в юных умах, а вам кажется, что давят аристократию, потому что из них некоторые аристократического происхождения. Поживите в провинции, послушайте вопль утесненных, посмотрите на жестокость даже либералов-помещиков... вы увидите, что аристократию не давят, а поддерживают. Но, несмотря на то, она очень упала».

Из душной атмосферы провинциального быта Огарев всеми силами рвется на свободу. Летом 1838 года ему удается получить разрешение для поездки на Кавказские минеральные воды. Большое впечатление в сознании молодого Огарева оставила встреча на Кавказе с ссыльными декабристами. «Встреча с Одоевским и декабристами,— вспоминал Огарев,— возбудила все мои симпатии до состояния какой-то восторженности. Я стоял лицом к лицу с нашими мучениками, я — идущий по их дороге, я — обрекающий себя на ту же участь...» («Кавказские воды», 1861).

В 1839 году Огареву было разрешено проживание в Москве, откуда он вскоре переехал в Петербург. Здесь и во время последовавших затем длительных заграничных поездок Огарев постоянно мечтает о литературной деятельности. Его письма той поры рассказывают о разнообразных творческих замыслах; в планах Огарева — повести, автобиография, философские работы, исторические драмы, статьи, преимущественно по вопросам искусства, и т. п. Правда, все эти начинания, как правило, оставались незавершенными, постоянно отодвигаясь в литературных занятиях Огарева его интересом к поэзии и поэтическому творчеству.

Еще в 1840 году в «Отечественных записках» и «Литературной газете» появились первые стихотворения Огарева («Старый дом», «Кремль», «Деревенский сторож», переводы из Гейне), сразу обратившие на поэта внимание читателей и критики. В статье «Русская литература в 1841 году» В. Г. Белинский писал о появившихся к тому времени в печати «пьесах» Огарева, что они отличаются «особенною внутреннею меланхолическою музыкальностию» и «почерпнуты из столь глубокого, хотя и тихого чувства, что часто, не обнаруживая в себе прямой и определенной мысли... погружают душу именно в невыразимое ощущение того чувства, которого сами они только как бы невольные отзывы, выброшенные переполнившимся волнением»[1]. Высоко оценил Белинский ранние реалистические стихотворения Ога-

[1] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. V, изд. АН СССР, М. 1954, стр. 579—580.

рева, усматривая в них залог будущего идейного развития поэта. Письма Белинского сохранили положительные, порою восторженные отзывы о таких стихотворениях Огарева, как «Старый дом» (конец 1839 — начало 1840), «Кабак» (1841), «Характер» (конец 1841 — начало 1842), «Обыкновенная повесть» (1842) и другие. «В душе этого человека есть поэзия»,— восклицал великий критик под впечатлением стихотворения «Деревенский сторож» (1840) [1].

Глубокое воздействие на поэзию Огарева оказало поэтическое наследие декабристов и прежде всего Рылеева.

Рылеев мне был первым светом...
Отец! по духу мне родной —
Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой.

(«Памяти Рылеева»)

Живой, всесторонний интерес к деятельности дворянских революционеров 20-х годов был присущ Огареву на протяжении всей его жизни. Как и Герцен, он рано осознал себя наследником декабристских традиций. Тема декабризма стала одним из основных мотивов поэзии Огарева,— от раннего стихотворения «Я видел вас, пришельцы дальних стран...» (1838) до стихотворений Огарева-эмигранта «Памяти Рылеева», «И, если б мне пришлось прожить еще года...» (1861), «Героическая симфония Бетховена» (1874) и других. Мужественный обаятельный облик «первенцев свободы», чей подвиг останется «святыней в памяти народной на все грядущие года», с большой силой и теплотой запечатлен в этих стихотворениях.

Вольнолюбивый пафос передовой русской поэзии 20—30-х годов XIX века, гражданские мотивы творчества Пушкина, Рылеева, Одоевского, Лермонтова органически определили ведущие, основные принципы эстетики Огарева. Преемственность поэтических традиций отчетливо сознавалась самим поэтом. Весьма характерно в этом отношении его стихотворение «На смерть поэта» (1837), вызванное гибелью Пушкина и близкое своей страстной обличительной силой, как и яркой эмоциональной окрашенностью, знаменитому стихотворению Лермонтова, несомненно хорошо знакомому Огареву.

Молодой Огарев глубоко переживает гибель великого поэта:

Зачем душа тоски полна,
Зачем опять грустить готова...

Однако смерть Пушкина вызывает в его душе не только скорбь, но и ненависть к «черному хору клеветников большого света», погубившему поэта. Врагов поэта,— предсказывает Огарев,—

---

[1] В. Г. Белинский, Письма, т. II, Спб. 1914, стр. 173 (письмо к В. П. Боткину, 25 октября 1840 г.).

В могилах праведный укор
Отыщет в будущие лета,
И кости этих мертвецов,
Уж подточенные червями,
Вздрогнут на дне своих гробов
И под согнившими крестами
Истлеют, прокляты веками.

Среди врагов Пушкина поэт особо выделяет Николая I:

Он зло, и низостно, и больно
Поэта душу уязвил,
Когда коварными устами
Ему он милость подарил
И замешал между рабами
Поэта с вольными мечтами.

В стихотворении «На смерть Лермонтова» (1842) Огарев глубоко и проникновенно воплотил свои переживания в связи с новой утратой русской литературы — убийством великого поэта, своего «бедного брата» и «товарища»:

Еще дуэль! Еще поэт
С свинцом в груди сошел с ристанья.
Уста сомкнулись, песен нет,
Все смолкло... Страшное молчанье!

Стихотворение содержало яркую характеристику поэзии Лермонтова, выразительно оттенявшую те ее стороны, которые были особенно близки и понятны самому Огареву:

...века своего герой,
Вокруг себя печальным взором
Смотрел он часто — и порой
Себя и век клеймил укором,
И желчный стих, дыша враждой,
Звучал нещадным приговором...
Любил ли он, или желал,
Иль ненавидел — он страдал.

Отзвуки гражданской поэзии декабристов слышны в ранней поэме Огарева «Дон» (1838—1839), особенно в романтическом образе казака, мучительно переживающего бесправие своего родного края.

Но скоро минет угнетенье,
Терпенье лопнет. Слышал я,
Поверье есть, что всем спасенье
Донская принесет земля.
Пускай казак теперь страдает,
Пусть дня восход и дня закат
Теперь печалью он встречает
И молча точит свой булат;

Близка пора: мы бурной тучей
За вольность встанем, за права,
Дадим врагам отпор могучий,
Их пошатнется голова...

Идейные искания передовой дворянской молодежи 30-х годов нашли свое выражение в прозаическом отрывке Огарева «Толпа», до последнего времени ошибочно приписывавшемся Герцену. В диалогах этого отрывка запечатлелись утопические мечтания Герцена, Огарева и их друзей о будущем «гармоничном» обществе, о таком идеальном социальном устройстве, при котором «перевес имели бы одни качества души, где не ползали бы пред богатым, где бы не трепетали сильного, но где труд для блага общего был бы единым уровнем людей, и это благо их единой целью». Герой отрывка Леонид, глубоко веря в «час лучшего пробуждения» толпы, связывает свои надежды с родным народом, призванным указать дорогу в лучшее будущее всем людям: «Неужели в этих остроумных физиономиях, в этой огромной способности понимать и производить, в этой оборотливости ума не заключается достаточных элементов, чтобы созиждить стройное гармоничное целое, чтобы человечеству показать чудный пример общественной жизни, выказать его прекрасное назначение?» Мысль Огарева напряженно работает над решением вопросов общественной жизни, но социалистические мечты его утопичны.

Понять дальнейший революционный и творческий путь Огарева можно только на основе ленинского учения о преемственности поколений в истории русского освободительного движения. В поэзии Огарева отразился важнейший исторический момент в развитии русской революции — кризис первого, дворянского периода и затем наступление периода разночинского, или буржуазно-демократического. Подобно Герцену, Огарев не видел тогда революционного народа в России и не мог верить в него. Ощущение безнадежности борьбы передового русского общества с победившей реакцией, чувство бессилия, доходящего порою до полного отчаяния,— эти настроения романтической и философской лирики молодого Огарева, тесно переплетаясь с мотивами протеста и обличения существующего строя, отражали тягостное сознание поэтом своей оторванности от народа, одиночества. Проявления этого «гамлетовского направления» в поэзии Огарева решительно осуждал Белинский [1]. Однако настроения тоски и обреченности в поэзии Огарева, ее отвлеченно философские, условные образы преодолевались поэтом.

В идейно-политической борьбе 40-х годов Огарев, вслед за Бе-

[1] В. Г. Белинский, Письма, т. III, стр. 161—162 (письмо к В. П. Боткину, 29 января 1847 г.)

линским и Герценом, решительно размежевался с буржуазно-дворянскими либеральными кругами. Реакционная легенда о якобы примиренческих настроениях Огарева в эту пору «генерального межевания» русской интеллигенции, о его мнимом стремлении к компромиссу в спорах и борьбе Белинского и Герцена с западниками полностью разоблачена в работах советских литературоведов. В одном из писем к Т. Н. Грановскому, написанном перед самым отъездом Герцена из России, 17 января 1847 года, Огарев говорил: «...если придется в книге или в аудитории вести спор, мы найдем в себе силу биться с неумолимым упорством, но не как человек с человеком, а как убеждение с убеждением». С «неумолимым упорством» Огарев на протяжении нескольких десятилетий отстаивал передовые общественные идеи, выстраданные демократическими кругами России под гнетом царизма, в напряженной борьбе с реакционерами всех видов.

Почетное место принадлежит Огареву в развитии русской материалистической философии. Философские искания Огарева, после кратковременного увлечения идеалистическими и мистическими учениями, завершились стройной материалистической системой взглядов на природу. «Разум взял свое,— писал Огарев еще в начале 40-х годов,— мистицизм растаял, как воск на свечке» (письмо к М. Л. Огаревой, 1841). Поэт оценил революционное значение диалектического метода: в поэме «Юмор» он писал о передовых философских идеях, что, «если б понял их народ, наверно б был переворот».

Непосредственное участие Огарева в общественно-политических исканиях русской передовой мысли 40-х годов явилось могучим источником социального оптимизма его поэзии, принимавшей ярко выраженный реалистический характер.

Правдивые, реалистические зарисовки жизни русской деревни, образы крепостных крестьян в стихотворениях и поэмах Огарева 40-х годов, продолжая великие традиции пушкинского реализма, предвосхищали поэзию Некрасова. «Сколько реализма в его поэзии и сколько поэзии в его реализме!» [1]—говорил о стихотворениях Огарева Герцен. «Мне многое и многое хочется схватить из поэтической грусти и жизни России,— писал Огарев жене в декабре 1841 года.— Наша народность довольно оригинальна и содержит довольно глубокий поэтический элемент, чтоб трудиться представить ее в поэтических образах. И именно надо спуститься в низший слой общества. Тут-то истинная народность, всегда трагическая». Стихотворения Огарева «Деревенский сторож», «Кабак», «Дорога» (1841), «Изба» (1841—1842)

---

[1] А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем под редакцией М. К. Лемке, т. V, стр. 282 (письмо к Т. Н. Грановскому, сентябрь 1849 г.).

и многие другие наглядно показывают, что его социальные и эстетические искания уже в начале 40-х годов не только не замыкались в кругу романтически абстрактных проблем его ранней философской лирики, но решительно вели поэта к широким реалистическим обобщениям.

Огарев зло высмеивал представителей правящих дворянских кругов крепостнической России:

Как эти люди скучны, глупы,
Как их бессмысленны слова,
Как шутки их несносно тупы
И как пуста их голова!
Как сердце их черство и вяло,
Как пышет холодом от них!

(*«Gute Gesellschaft»*)

Поэт глубоко скорбит о том, что его родина находится под гнетом самодержавного деспотизма, и обещает все свои силы отдать борьбе за свободу народа:

Но мир, который мне, как гнусность, ненавистен,
Мир угнетателей, обмана и рабов —
Его, пока я жив, подкапывать готов
С горячим чувством мести или права,
Не думая о том — что — гибель ждет иль слава.

(*«Совершеннолетие»*)

В своих стихотворениях 40-х годов Огарев отразил напряженную идейную борьбу, активным участником которой он был, мучительные поиски передовой русской общественной мыслью правильной революционной теории («Монологи», 1844—1847; «Искандеру», 1846; «Друзьям», 1840—1841, и другие). Недаром Чернышевский впоследствии отмечал, что «лицо, чувства и мысли которого вы узнаете из поэзии г. Огарева,— лицо типическое...»[1]. Особенно высоко Чернышевский оценил в этом отношении «прекрасную пьесу» Огарева — цикл «Монологи» с его утверждением революционной силы разума, действенного отрицания, разрешающего противоречия «внутренней тревоги» и борьбы человека:

Теперь товарищ мне иной дух отрицанья;
Не тот насмешник черствый и больной,
Но тот всесильный дух движенья и созданья,
Тот вечно юный, новый и живой.

Как на пример передовой русской литературы прошлого, на «Монологи» Огарева указывал М. И. Калинин[2].

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. III, стр. 565.
[2] М. И. Калинин, Славный путь комсомола, М. 1948, стр. 7.

Могучий прилив творческих сил, бодрости и жизнерадостности вызвало у Огарева известие о революционных событиях 1848 года в Западной Европе:

О! из глуши моих родных степей
Я слышу вас, далекие народы,—
И что-то бьется тут, в груди моей,
На каждый звук торжественной свободы...
...Уж гордый Рейн восстал,
От долгих грез очнулся тих, но страшен,
Упрямо воли жаждущий вассал
Грозит остаткам феодальных башен,
На западе каким-то новым днем,
Из хаоса корыстей величаво,
Как разум светлое, восходит право,
И нет застав, земля всем общий дом.

(«Упование. Год 1848»)

Крайне важно заметить при этом, что подъем революционного движения на Западе тесно связывается Огаревым с вопросом о дальнейшем развитии освободительной борьбы в России. Поэт-демократ и патриот, Огарев глубоко убежден в историческом предназначении родного народа — активного участника общей борьбы свободолюбивых народов за «новый мир», против насилия и деспотизма:

И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тут
Знал сердцу светлых несколько минут,
Еще за то, что, вместе изнывая,
С тобою я и плакал и страдал
И цепью нас одною рок связал,—
И ты под свод дряхлеющего зданья,
В глуши трудясь, подкапываешь взрыв?
Что скажешь миру ты? Какой призыв?
Не знаю я! Но все твои страданья
И весь твой труд готов делить с тобой
И верю, что пробьюсь,— как наш народ родной,—
В терпении и с твердостию многой
На новый свет неведомой дорогой!

(«Упование. Год 1848»)

Поражение революции 1848 года оставило глубокий след в идейном развитии Огарева. «Крах *буржуазных иллюзий* в социализме», о котором писал в связи с духовной драмой Герцена В. И. Ленин [1], переживался поэтом с неменьшей остротой, чем его другом — непосредственным очевидцем торжества буржуазной реакции в Западной Европе:

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 10.

Вы знаете: победа дряхлой власти
Свершилася. Погибло, как мятеж,
Свободы дело, рушилось на части,
И деспотизм помолодел и свеж.

(«1849»)

Огарев в эти годы пристально изучает русскую народную жизнь, особенно остро воспринимая черты зреющего в массах революционного протеста.

О несомненном углублении реализма в творчестве Огарева, связанном с ростом его революционных настроений, свидетельствовали поэмы Огарева 40—50-х годов: начальные части «Юмора», повести в стихах «Деревня» (1847), «Господин» (конец 40-х годов) и «Зимний путь» (1854—1855).

Поэма «Юмор», начатая Огаревым в 1840 году, продолжала привлекать творческое внимание поэта на протяжении более трех десятилетий. Первые две части поэмы впервые были напечатаны отдельным изданием в Лондоне в 1857 году; в предисловии Герцен писал: «Поэма эта — не новость; писанная в 1840 и 1841 годах, она тогда же была очень известна в кругу читателей письменной русской литературы» [1].

Написанная в форме лирического дневника, поэма содержала отклики на явления общественной жизни России середины XIX века. В ней отразились сдвиги в идейно-политическом развитии Огарева начала 40-х годов. Первая часть «Юмора» представляет собою ряд лирических размышлений поэта, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» (эти пушкинские строки Огарев поставил эпиграфом к первой части). Вторую часть поэмы характеризуют резкие социально-обличительные настроения. Ее лиризм принимает ярко выраженный политический характер. Одно из лучших мест — известное контрастное сопоставление Зимнего дворца и Петропавловской крепости, приобретающее у Огарева символическое значение:

Дворец! Тюрьма! Зачем сквозь тьму
Глядите вы здесь друг на друга?
Ужель навек она ему
Рабыня, злобная подруга?
Ужель, взирая на тюрьму,
Дворец свободен от испуга?
Ужель тюрьмою силен он
И слышать рад печальный стон?

И как бы перекликаясь с этими строками, сурово звучит в другом месте предостережение поэта:

Бедой грозит народный стон,
Падешь ты, гордый Вавилон!

[1] А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. VIII, стр. 559.

Поэма «Юмор» — выдающийся памятник революционных настроений русской интеллигенции прошлого, поныне сохраняющий свое большое историческое и художественное значение.

В стихотворной повести «Деревня», автобиографический характер которой несомненен, Огарев рассказал о своих неудачных попытках хозяйственных «преобразований» на основе утопических проектов организации фабрики с вольнонаемным трудом крепостных крестьян:

Я думал — барщины постыдной
Взамен введу я вольный труд,
И мужики легко поймут
Расчет условий безобидный.

Убедившись в невозможности в условиях крепостнического строя осуществить свои планы, герой поэмы Юрий по существу приходит к мысли о революционной эмиграции.

Поэма, разумеется, не могла быть напечатана в России. Не увидела тогда света и другая повесть в стихах — «Господин», впервые опубликованная Огаревым лишь в «Полярной звезде» на 1857 год (кн. III). Повесть содержала резко сатирическое освещение образа «лишнего человека», русского помещика Андрея Потапыча. Как бы предваряя по своему характеру поэму Некрасова «Саша», повесть «Господин» свидетельствовала о растущем критическом отношении Огарева к дворянской интеллигенции. Андрей Потапыч быстро оставляет свои попытки просветить крестьян, облегчить их положение, улучшить быт:

Хозяйству посвящая день,
Андрей Потапыч был намерен
Изгнать обычной жизни лень
И плану был сначала верен;
Но скоро убедил его
Кузьма Терентьев, что напрасно
Вводить оброк и для чего?
Что мужики народ опасный
И не заплатят ничего...
В отчетах верность увидав
И цифры все встречая те же,
Андрей Потапыч вышел прав,
Что стал заглядывать в них реже.

Капитуляция Андрея Потапыча перед крепостной действительностью закономерна. Огареву глубоко чужд тот трагический отпечаток, который будет сопутствовать конфликту «лишнего человека» и среды, например, в повестях Тургенева. Яркой иронией проникнут весь последующий рассказ о «барском романе» Андрея Потапыча с

дочерью лакея Катей. Развенчивая своего героя. Огарев выдвигает на первый план бедственное, бесправное положение русского крестьянства. Повесть по праву должна быть отнесена к лучшим произведениям гоголевской школы в русской литературе 40-х годов, посвященным жизни крепостной деревни.

Глубоко правдивыми картинами народного быта отмечена поэма «Зимний путь», имевшая большой успех в русских литературных кругах.

Поэзия Огарева 40-х — начала 50-х годов пользовалась широкой популярностью у передового русского читателя, ценившего ее прежде всего за политическую остроту и реализм, глубину философского содержания, проникновенный лиризм.

Реакционные и либеральные буржуазно-дворянские критики стремились представить творческое развитие Огарева в ложном, искаженном свете и тем самым сбить поэта с его пути, ослабить общественное значение его творчества. Они пытались утвердить в сознании читателей вымышленный ими образ Огарева как поэта «безвременья», наступившего после поражения декабристского движения, как «чистого лирика», чуждого общественной жизни и политической борьбы своего времени. Извращая сложный путь дворянского революционера Огарева к революционной демократии, они замалчивали *демократические* устремления поэта.

В 1850 году в «Современнике» В. Боткин писал, что «для тех, которые ищут в поэзии только мыслей и образов, стихотворения г. Огарева не представляют ничего замечательного». Ценность стихотворений Огарева Боткин видел в «беззвучной музыкальности чувства»: «...они, как музыкальные мелодии, понятны только чувству и так мало говорят анализирующему уму». Творчество Огарева противопоставлялось передовой русской поэзии. Ап. Григорьев в «Москвитянине» (1853) характеризовал Огарева как «поэта сердечной тоски»; в «Наблюдениях Эраста Благонравова над русской литературой и журналистикой», опубликованных в 1852 году в том же «Москвитянине», Б. Алмазов утверждал, что стихотворения Некрасова «представляют совершенный контраст с стихотворениями Огарева». В ряду «чистых лириков» рассматривал Огарева Н. Щербина, напечатавший в «Библиотеке для чтения» большую статью о поэте (1857). В рецензиях на первый сборник стихотворений Огарева, изданный в 1856 году, постоянно отмечалось, что от него веет «безотрадным чувством» и «безысходной тоской». В связи с выходом в свет поэмы «Зимний путь» А. Дружинин, упрекая Огарева в «однообразии», «бессилии», «недостатке в поэтической энергии», усматривал художественность поэмы лишь в описании природы и резко осуждал ее сатирические страницы: «...не бросаются ли поэты нашего времени в другую крайность,

то есть в стремление к сатире и юмору, там, где по ходу дела ни того, ни другого не требуется?» («Библиотека для чтения», 1856). Буржуазно-дворянские историки литературы впоследствии приложили немало усилий, чтобы в своих трудах канонизировать подобные оценки наследия Огарева.

Против реакционного и либерального искажения идейного содержания и исторического места поэзии Огарева в развитии русской литературы выступил Н. Г. Чернышевский на страницах боевого органа революционной демократии — «Современника» (1856) [1]. Сила статьи Чернышевского заключалась прежде всего в том, что она глубоко характеризовала именно *историческое* значение поэзии и всей деятельности Огарева. Жизнь и произведения Огарева, писал Чернышевский, принадлежат истории. В той же книжке «Современника» была напечатана знаменитая шестая глава «Очерков гоголевского периода русской литературы», где с большой силой подчеркнута преемственная связь разночинно-демократической интеллигенции с революционным поколением Герцена — Огарева. Оценки поэта и его круга в статье и «Очерках» полно и всесторонне раскрывали мысль Чернышевского об историческом своеобразии поэзии Огарева. Чернышевский ставит в своей статье задачу показать в поэзии Огарева «отпечаток школы, в которой воспитывался его талант». Произведения поэта рассматриваются им как отражение идейной жизни передового русского общества 30—40-х годов. В то время, как дворянская критика ограничивала содержание поэзии Огарева узким миром личных, интимных переживаний, Чернышевский в лирических стихотворениях поэта видит «выражение важного момента в развитии нашего общества».

Статья великого демократа была полна смелых намеков на революционную деятельность Герцена, имя которого было строжайше запрещено упоминать в печати. Для читателей 50-х годов было совершенно очевидно, что высокая оценка поэзии Огарева тесно связывается Чернышевским с признанием больших революционных заслуг Герцена и Огарева перед русской литературой и освободительным движением. Он называет поэта «одним из представителей своей эпохи»; именно поэтому ему «принадлежит почетное место в истории русской литературы — слава, которая суждена очень немногим из нынешних деятелей».

Вместе с тем Чернышевский отчетливо сознавал известную идейную ограниченность поэзии Огарева, обусловленную исторической ограниченностью того этапа развития русского освободительного

---

[1] См. Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. III, стр. 561—568.

движения, представителем которого был поэт. «Быть может,— писал он,— многие из нас приготовлены теперь к тому, чтобы слышать другие речи, в которых слабее отзывалось бы мученье внутренней борьбы... речи человека, который становится во главе исторического движения с свежими силами...» В высшей степени знаменательно, что в рукописи статьи Чернышевский явно указывал на Некрасова, как на одного из преемников Огарева, которые «идут вперед, по всей вероятности поведут за собою и литературу» [1].

2

Статья Чернышевского совпала с важнейшим переломом в жизни и творчестве Огарева — началом его революционной эмиграции.

Огарев с каждым годом острее и болезненнее ощущал гнет и произвол самодержавия, но он не сдавался и продолжал борьбу. В середине 40-х годов он осуществляет смелое в тех условиях начинание, отпустив на волю своих крепостных — белоомутских крестьян. Усиление реакции после поражения революции 1848 года в Западной Европе привело к новым преследованиям поэта со стороны царского правительства. В 1850 году Огарев по доносу пензенского губернатора был арестован по обвинению в участии в «коммунистической секте», за поэтом был снова установлен полицейский надзор.

Весной 1856 года Огарев навсегда уехал из России и присоединился в Лондоне к Герцену. Он принимает самое горячее участие в деятельности Вольной русской типографии. В. И. Ленин видел великую революционную заслугу Герцена в организации вольной русской прессы за границей. Огарев с полным правом делит с Герценом эту заслугу. Именно ему принадлежала мысль о создании «Колокола»; стихами поэта открывался первый лист знаменитой газеты (1857); по инициативе Огарева выходило приложение к «Колоколу» — «Общее вече» (1862—1864). На страницах вольной русской печати в полной мере развернулся замечательный публицистический талант Огарева, автора большого количества статей, брошюр, листовок, революционных прокламаций. Исключительно велика была роль Огарева в собирании и публикации русской «потаенной» литературы начала XIX века и прежде всего поэзии декабристов. С его предисловиями в 1860—1861 годах в Лондоне были изданы «Думы» Рылеева и сборник «Русская потаенная литература XIX столетия».

В начале 60-х годов Огарев деятельно участвовал в организации тайного революционного общества в России. Новейшие исследования советских ученых убедительно показали видную роль Огарева в

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. III, стр. 567, 847.

создании и деятельности «Земли и воли» 60-х годов. Он настойчиво искал возможности совместной работы с «молодыми эмигрантами» из революционных разночинцев, после смерти Герцена пытался возобновить издание «Колокола». В свете материалов так называемой «пражской коллекции» Герцена — Огарева, недавно поступивших в архивохранилища нашей страны, неизмеримо возрастает значение Огарева, и прежде всего его публицистики, во всей общественно-политической борьбе 60—70-х годов.

К деятельности Огарева полностью приложим гениальный ленинский тезис о победе демократизма над либеральными колебаниями в мировоззрении Герцена. Период жизни в эмиграции ознаменовался в идейном развитии Огарева переходом на позиции революционной демократии.

При всех либеральных колебаниях, за которые Герцена и Огарева справедливо упрекало новое поколение революционеров-разночинцев, поэт-эмигрант настойчиво стремился к сближению с революционным народом в России. В самоотверженной борьбе за освобождение родины от феодально-помещичьего произвола и насилия он оказался в состоянии преодолеть ограниченность дворянского революционера.

В эмиграции Огарев приходит к выводу о бессилии буржуазной Европы после поражения революции 1848 года осуществить социалистический идеал. «История,— писал поэт,— слишком истощила ее почву, зерно не идет в рост, и все живое каменеет в известной форме собственности» (предисловие к «Думам» К. Ф. Рылеева, 1859).

Стихотворения, поэмы и публицистические статьи Огарева содержали резкую критику буржуазно-мещанских отношений на Западе. В буржуазном строе он усматривает «новый вид рабства, при котором для большинства народонаселения гражданская свобода равна нулю» («Русские вопросы. Крестьянская община», 1858). Буржуазия, по мысли Огарева, развивалась «на счет народа», «противупоставив свою власть капитала его нищенству». Свобода труда, свобода приобретать, широко рекламировавшаяся буржуазной пропагандой, «оказалась больше насмешкою, чем правом». «В сущности...— пишет Огарев,— власть принадлежит буржуазии», тому сословию, которое, «разжившись на счет народа, опрокинуло феодализм, а само отделилось от народа» («Ответ на письмо малороссийского помещика», 1859).

Огарев пишет о «мнимой свободе европейского нищего» («Русские вопросы», 1856), «страшной нищете», свидетелем которой он был в странах Западной Европы, и иронически заключает, что трудящимся массам там в действительности предоставлена лишь «полная свобода лица умереть с голоду». «Суд и правосудие», «все судебные

и административные места», «наука и грамотность», «свобода печати и мнения»,— пишет Огарев,— при буржуазном строе существуют «только для меньшинства» («Русские вопросы. Крестьянская община»).

В статье «Письмо к автору «Возражения на статью «Колокола» (1859) Огарев подверг резкой критике европейскую колонизаторскую политику. «Мы никак не можем сочувствовать с тем воззрением,— писал он,— которое английского солдата в Индии и австрийского жандарма в Галиции боготворит как цивилизаторов». Огарев раскрывает далее подлинный облик «цивилизаторской» миссии англичан в Индии: «Они имеют силу делать насилие, предполагая в этом диком поступке рациональную методу распространения цивилизации».

Русского поэта глубоко возмущали «ужасы рабства, которые совершаются в Южных штатах» Америки. Сравнивая тяжелые условия жизни крепостных крестьян в России с произволом плантаторов-рабовладельцев, Огарев писал: «Даже и у нас никогда не доходили, например, до того, что хозяева собирают женщин и девок негритянок в одно место и приглашают равно черных и белых мужчин для приплоду, чтобы умножить число своих рабов вновь родящимися». Именно в рабстве негров он видел «причину косности и отсталости» этих штатов. «Буржуазное стремление к отдельной собственности, признав и негра за собственность, не останавливается ни перед каким средством распространить власть своего уродливого своеволия...»

Буржуазное развитие, заключает Огарев, «привело человеческое общество к нечеловеческому образу» («Русские вопросы. Крестьянская община»).

В стихотворении «К ***» («Когда в цепи карет...», 1858) поэт разоблачает агрессивную сущность буржуазной реакции, стремившейся поработить независимые народы и установить деспотический режим насилия и террора:

И вижу я иные племена —
Тут — за морем... Их жажда — кровь, война,
И хвастая знаменами свободы,
Хоть завтра же они скуют народы.
Во имя равенства все станет под одно,
Во имя братства всем они наложат цепи,
Взамен лесов и нив — всё выжженные степи,
И просвещение штыками решено —
И будет управлять с разбойничьей отвагой
Нахальный генерал бессмысленною шпагой...

Наблюдая картины буржуазной действительности в ряде европейских государств, поэт-демократ вынес из своих впечатлений глубокое убеждение в великом предназначении родного народа.

В «Письмах к соотечественнику» (1860) он писал: «Вы не верите в силы русского народа, потому что вы их не видите; я в них верю, потому что вижу их».

Поэту, по его словам, было «невыносимо скучно и пусто» вдали от родного народа. «Мне тяжело на чужбине,— писал он,— я слишком русский человек и слишком мало верю в Европу, чтобы выносить заграничную жизнь без глубокой тоски по родине» («Третье отделение и барон Бруннов», 1859). Эти настроения Огарева нашли свое выражение в поэме «Ночь» (1857) и в ряде стихотворений. «О моя Россия! — восклицал он в одной из своих статей.— Дорого бы я дал, чтобы ты была избавлена от всех страданий западного развития, бесплодных кровопролитий, раздробления собственности, нищенства... формально законных и человечески несправедливых судов, притеснений, позорного мещанского тиранства, лицемерия» («Русские вопросы. Крестьянская община»).

Поэт-патриот страстно искал путей к счастливому социалистическому будущему родного народа. Следует указать, однако, что социализм Огарева, как и социализм Герцена, был далек от научного социализма Маркса и Энгельса. Вера Огарева в революционную силу народных масс России вскоре после его отъезда в эмиграцию приобрела ярко выраженный народнический характер. Именно утопическая теория «русского социализма», одним из создателей которой, наряду с Герценом, был Огарев, должна была, по его мысли, указать России путь избавления «от всех страданий западного развития». Русский народ, писал он В. С. Печерину в марте 1863 года, «посреди рабства сохранил свою внутреннюю ткань, которая способна перейти в свободное устройство, как скоро царизм и чиновничество отвалятся». Эту «внутреннюю ткань» русского народа, в силу которой Россия могла бы прийти к «свободному устройству», то есть к социализму, Огарев усматривал в крестьянской общине и в общинном землевладении. Если раньше, в 40-х годах, Огарев характеризовал русскую общину как «равенство рабства», то в статье «Письмо к автору «Возражения на статью «Колокола» (1859) он писал: «В форме общинного землевладения социализм становится на почву, потому что при наследственном землевладении почва для него невозможна». Утопические воззрения Огарева на русскую общину отразились также в его статьях 1858 года — «Русские вопросы. Крестьянская община», «Еще об освобождении крестьян» и других.

Как известно, на деле в русском народничестве, по выражению В. И. Ленина, «...нет *ни грана* социализма» [1].

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 11.

Историческое значение революционной проповеди Огарева определялось, однако, не народническими иллюзиями, а боевым демократизмом, которым была пронизана вся деятельность поэта-эмигранта. Вслед за Герценом Огарев разоблачает грабительский характер прославляемого либералами «освобождения крестьян» и так называемой «крестьянской реформы». «Старое крепостное право,— писал Огарев в «Колоколе»,— заменено новым. Вообще крепостное право *не отменено. Народ царем обманут!»* («Разбор нового крепостного права», 1861). Известия о жестоком усмирении крестьянских волнений в России вызывают у поэта гневную характеристику Александра II, как «убийцы и палача»; «разрыв с этим правительством,— утверждает Огарев,— для всякого честного человека становится обязательным».

Борьба Огарева на страницах «Колокола» с «робкой», «золотушной» мыслью русских либералов была отмечена в статье Ленина «Памяти Герцена». «Когда один из отвратительнейших типов либерального хамства, Кавелин, восторгавшийся ранее «Колоколом» именно за его *либеральные* тенденции,— писал Ленин,— восстал против конституции, напал на революционную агитацию, восстал против «насилия» и призывов к нему, стал проповедывать терпение, Герцен *порвал* с этим либеральным мудрецом» [1]. «Колокол»,— пишет далее Ленин,— поместил статью «Надгробное слово», в которой бичевал «профессоров, вьющих гнилую паутинку своих высокомерно-крошечных идеек, экс-профессоров, когда-то простодушных, а потом озлобленных, видя, что здоровая молодежь не может сочувствовать их золотушной мысли». Кавелин сразу узнал себя в этом портрете» [2].

Цитируемая Лениным статья «Надгробное слово» («Колокол», л. 162 от 1 мая 1863 г.) принадлежит перу Огарева.

Поэтическая деятельность Огарева-эмигранта целиком определялась задачами его революционной борьбы. Мотивы борьбы и протеста его поэзии 40-х — начала 50-х годов получают в дальнейшем углубленное и плодотворное развитие. Несравнимо более острую и глубокую критику крепостничества, «народного гнета», «безмолвия страданий» содержала неоконченная поэма «Матвей Радаев» (1857), продолжавшая цикл стихотворных повестей Огарева 40-х годов.

Стихотворения и поэмы Огарева периода его эмиграции призывают к решительной борьбе с самодержавием, причем важнейшей движущей силой этой борьбы поэт начинает рассматривать революционный протест самого народа.

В конце 50-х — начале 60-х годов Огарев пишет поэму «Забытье», завершавшуюся широко популярной впоследствии песней о народном восстании в России:

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 13.
[2] Там же.

Из-за матушки за Волги,
Со широкого раздолья,
Поднялась толпой-народом
Сила русская, сплошная...

Темы борьбы революционного народа в поэзии и публицистике Огарева 60—70-х годов занимают ведущее место. Его поэтические послания к революционной молодежи («Михайлову», 1862, «Сим победиши», 1863, и другие) наряду с такими стихотворениями Огарева, как «Свобода» (1858), «До свиданья» (1867), «Студент» (1867—1868), «На новый год» (1876), как обращения к Герцену-Искандеру, получали широкое распространение в России, в частности в русском революционном подполье, нередко печатались в виде листовок и оказали значительное влияние на демократическую поэзию 60-х годов.

В 1869 году в «Полярной звезде» (кн. VIII) Огарев печатает третью часть поэмы «Юмор», пронизанную антикрепостническими и антимонархическими мотивами. Давно расставшись со своими либеральными иллюзиями, Огарев хорошо знает, что

...не спасут народ от бед
Ни пошлый лоб, назад идущий,
Ни пара истуканных глаз,
Где мысли луч давно погас.

Выразительный портрет царя — «так сказать, освободителя» — дополняется ярким сатирическим образом холопа-дворянина.

Вы так подлы, что царь вперед
Опоры лучшей не найдет,—

заключает поэт.

Преувеличенные надежды на дворянскую интеллигенцию, характеризовавшие первые части поэмы, уступают место утверждению силы революционного народа. Говоря о своем разрыве с либералами, Огарев пишет:

Они от истины моей
Давно, слабея, отступили,
И вот мне с робкой мыслью их
Связей нет больше никаких.

Лирические отступления третьей части «Юмора», воскрешающие в памяти Огарева картины далекой, давно оставленной им родины, полны глубокого драматизма.

Тема революционного патриотизма, столь ярко воплощенная в поэме «Юмор», становится ведущей темой творчества Огарева.

Любви к отчизне и свободе,
Высоких чувств простой язык...—

в этой ранней поэтической формуле Огарева («Дон») в сущности заключена характеристика основной идейной направленности всей творческой деятельности поэта-патриота и гражданина. Чувство любви к родной земле и своему народу придало поэзии Огарева при всем разнообразии ее мотивов, форм и жанров единое патриотическое звучание.

Любовь к родине Огарев понимает как неустанную борьбу за революционное обновление родной страны, как готовность идти ради ее свободы на любые самопожертвования и лишения:

Но если б грозила беда и невзгода
И рук для борьбы захотела свобода,—
Сейчас полечу на защиту народа,
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!

(«Свобода»)

Далеко от родины поэт-демократ до конца своих дней жил общей жизнью с родным народом. Оказались пророческими слова молодого Огарева: «...я дорожу моею естественной... привязанностью к родине; эта теплая любовь к отчизне никогда не погибнет, я проживу и умру с ней... я чувствую, что принадлежу нации, и это чувство есть великая сила в моей душе... Благословляю мою Россию и не оторвусь от нее» (письмо к М. Л. Огаревой, 13 (25) декабря 1841 г.). Как справедливо писал П. А. Кропоткин, он «оставался всю жизнь верным идеалам равенства и свободы, воспринятым им в ранней юности» [1].

Умер Огарев 31 мая (12 июня) 1877 года в небольшом английском городке Гринвиче.

Патриотический пафос поэзии Огарева, органическое единство его поэтической и революционной биографии обусловили художественное своеобразие творческого наследия поэта. Развивая гражданские мотивы творчества поэтов-декабристов, продолжая традиции Пушкина и Лермонтова, Огарев внес большой вклад в развитие русской реалистической поэзии, его творчество оказало могучее воздействие на Некрасова.

Реалистический характер поэзии Огарева нашел свое выражение прежде всего в правдивом изображении жизни русского общества его времени. В реалистических картинах его стихотворений и поэм запечатлен путь русского освободительного движения 40—70-х годов XIX века.

---

[1] П. А. Кропоткин, Идеалы и действительность в русской литературе, Спб. 1907, стр. 300.

Поэзия Огарева глубоко лирична. Однако лиризм ее вместе с общим развитием поэта претерпел серьезные изменения. В период расцвета поэтического таланта Огарева-демократа лиризм его поэзии принимает резко выраженную публицистическую направленность. Философская лирика Огарева отразила в ярких и конкретных образах драматизм его идейных исканий, жизнь передовой русской мысли середины века. Излюбленными жанрами Огарева были стихотворения-послания, обращения или поэма-исповедь, рассказ (характерны самые названия: «Другу Герцену», «К друзьям», «Грановскому» и другие, ряд стихотворений с одинаковым заголовком «К ***», «Монологи», «Раздумье», «Исповедь лишнего человека», «Рассказ этапного офицера» и т. п.). Своеобразие этих жанров открывало перед Огаревым возможность непосредственного разговора с читателем, усиливая тем самым агитационно-пропагандистское звучание его поэзии.

Поэт мечтал «дойти до слога, понятного вообще для простолюдина». «Иначе нам в мире человеческом ни до чего добиться нельзя»,— писал он в наброске статьи в середине 70-х годов. Интересно, что многие стихотворения Огарева еще 40—50-х годов (например, «Арестант», 1850) впоследствии стали песнями, получившими широкую популярность в народе. Дальнейшая демократизация художественных средств, настойчивое обращение поэта в поисках новых литературных форм и образов к русскому фольклору, былинному стиху, речитативу, раешнику (например, «С того берега», 1858; «За столом сидел седой дедушка», конец 50-х годов; «Восточный вопрос в панораме», 1869, и другие) вызывались растущей революционно-демократической направленностью его творческой деятельности.

Лирика Огарева полна жизнеутверждающих, оптимистических мотивов:

Пусть иногда тоска теснит мне жизнь мою,
И я шепчу проклятья или пени,
Но сердцем молод я, еще я жизнь люблю...

(«Совершеннолетие»)

Огарев был выдающимся поэтом-пейзажистом. В его любви к изображению русской природы проявилась патриотическая привязанность демократа и революционера к своей родине. С проникновенным лиризмом и теплотой поэт рисует с детства знакомые и дорогие ему картины — «раздольную роскошь... родных степей», где «взору нет конца до края небосклона», или полей «спокойные равнины с их юной зеленью», или «наш дремучий лес», где «сосен молодых дух свежий и смолистый», где «белые стволы развесистых берез задумчиво в тиши понурились ветвями и робко шепчутся пахучими листами» (см. стихотворения «Весною», середина 50-х годов, «Летом»,

1858, и другие). Отдельные страницы поэтического наследия Огарева (как, например, поэмы «Ночь») принадлежат к лучшим образцам пейзажной живописи в русской классической поэзии.

На протяжении своей литературной деятельности Огарев неоднократно обращался к различным жанрам художественной прозы. К сожалению, из беллетристических опытов и начинаний поэта сохранилась лишь незначительная часть; многие произведения, оставшиеся незаконченными и при жизни им неопубликованные, впоследствии были затеряны и неизвестны до сих пор. Между тем художественное наследие Огарева-прозаика имеет несомненный интерес для характеристики творческого развития писателя, его пути к реализму.

Особенно значительны сохранившиеся отрывки из автобиографических записок Огарева, относящихся к 50—70-м годам и написанных под явным воздействием знаменитых мемуаров Герцена. Недаром, обращаясь к Герцену, Огарев писал: «...раз встретясь, наши жизни не могли не идти вместе; пусть же моя исповедь будет для твоего «Былого и дум» дополнением до двух прямых». Правда, по словам поэта, он ставил перед своими записками несколько иную задачу, чем Герцен в «Былом и думах». «Я не могу писать исповедь сердца, жизни, поступков,— признавался Огарев.— Не могу — у меня на это не хватает храбрости». Поэт определяет свои мемуары как преимущественно «умственное, теоретическое развитие», как «историю личного пути», по которому он «искал верований, убеждений, истины».

В лучших своих страницах — «Кавказские воды», фрагменты из «Моей исповеди», «Записки русского помещика» и др.— воспоминания Огарева стали исповедью поколения, яркой летописью его идейных исканий. Они показывают пробуждение первых революционных настроений Огарева и Герцена, воздействие на поэта и его окружение передового общественного движения 20-х годов, влияние декабристской идеологии и гражданской поэзии тех лет.

В литературном наследии Огарева его опыты в области беллетристического и особенно мемуарного повествования по праву заняли видное место, свидетельствуя в то же время о разносторонних творческих интересах выдающегося русского поэта.

3

Большое значение имела литературно-критическая деятельность Огарева. Развернувшаяся в годы его революционной эмиграции, она отвечала задачам борьбы русской демократии за идейное, целенаправленное искусство. Статьи-предисловия Огарева к лондонскому

изданию «Дум» Рылеева (1859) и к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861), статья «Памяти художника» («Полярная звезда» на 1859 г., кн. V), написанная в связи со смертью А. А. Иванова, содержали развернутое изложение его эстетических воззрений и взглядов на русский историко-литературный процесс.

Продолжая традиции передовой русской эстетической мысли, Огарев глубоко связывал развитие литературы, возникновение великих произведений искусства с общественными условиями времени. В статье «Памяти художника» Огарев утверждал, что «сама теория искусства ради искусства могла явиться только в эпоху общественного падения». На разнообразных примерах мирового искусства он доказывал, что «великие мастера связаны с общественной жизнью... возникают из нее и говорят за нее», что «великие художники слова проникнуты участием к своей современной общественности».

Разложение буржуазного искусства Огарев выводил из разложения общественной жизни: «Искусство пало, потому что общественная жизнь выдохлась»,— писал он.

Огарев неоднократно развивает эти мысли, которые служили исходным пунктом для всей его эстетической концепции. В письме Герцена к В. В. Стасову от 5 сентября 1862 года, например, сохранилось краткое изложение затерявшегося письма — «диссертации» Огарева, в котором, по словам Герцена, говорилось, что «великие произведения искусства совпадают с великими общественными движениями и великой верой в религию или верой в скептицизм (Гомер, Данте, Шекспир),— нынче нет ни великой веры, ни великого отрицания» [1].

Исходя из этих общеэстетических позиций, Огарев оценивал различные явления русской литературной жизни. В той же статье «Памяти художника» он с большой страстью обрушился на тех русских литераторов, которые «сердятся на обличительные сочинения и находят, что после их *удушливого наплыва зловонных паров* литература посвежела посредством повестей, лишенных общественного содержания». Подобную проповедь Дружинина Огарев непосредственно связывал с защитой политической реакции в стране: «Провозглашать *благотворную реакцию, совершающуюся дружно, последовательно и энергично,*— реакцию, которая хочет выбросить из изящной литературы общественное страдание и общественный интерес, ярко пробивающийся в современной жизни, провозглашать такую реакцию — значит проповедовать вообще реакцию; в прошлое царствование за это дали бы владимирский крест».

---

[1] А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 467.

С горячей проповедью действенного, активного искусства «животрепещущего глагола» поэт выступает в стихотворении «Напутствие» (1858). В предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия» Огарев писал: «И кто же может верить, чтобы живое стремление к общественному благу, лирическая перестройка общественных отношений и сопряженные с ними политические ненависти и восторги были недоступны для художественной формы?» Подлинное искусство должно вдохновляться «современным интересом общества», который в конечном счете является выражением народных стремлений. С этой точки зрения Огарев оценивает русскую литературу XVIII и первой половины XIX веков. Он подчеркивает национальное, народное значение Пушкина, «родоначальника и высшего представителя русской литературы XIX столетия». «Для русских Пушкин имеет мировое значение: в нем отозвался весь русский мир», он «глубоко уловил русский народный мотив, народную песню, народные образы... и выразил с гениальным мастерством». Роль, которую Пушкин сыграл в жизни русской литературы, Огарев исторически объясняет общественными событиями той эпохи, прежде всего Отечественной войной 1812 года и декабристским движением; из декабристской идеологии им выводятся и некоторые слабые стороны политического мировоззрения Пушкина, например, «конституционная неясность» в его «Вольности» и т. д. Связь с декабризмом обусловила силу влияния Пушкина. Интересно, что Рылеева Огарев рассматривает как ученика Пушкина по стиху, но «равносильным по влиянию». Рылеев «сосредоточивал свою деятельность на политической мысли»,— именно в этой «исключительности направления» Огарев видел силу влияния и односторонность Рылеева, «святую односторонность», как он ее дважды называет.

В Рылееве он ценит «поэта общественной жизни своего времени» — и «столько же поэта, как и гражданина». «Страстно бросившись,— писал Огарев в предисловии к «Думам»,— на политическое поприще, с незапятнанной чистотой сердца, мысли и деятельности, он стремился высказать в своих поэтических произведениях чувства правды, права, чести, свободы, любви к родине и народу, святой ненависти ко всякому насилию».

Из своей оценки Рылеева Огарев делал далеко идущий общий вывод о критерии художественности в поэзии, направленный против «искусства для искусства». «Нам кажется,— писал он,— что приходит пора свести эстетическую критику с метафизических подмостков на живое поле истории, перестать уклоняться от живого впечатления, навеянного поэтическим произведением, искажая это впечатление мыслью, что произведение не подходит под вечные условия искусства; пора объяснить себе силу этого впечатления силой, с которой

исторические и биографические данные вызвали в душе поэта его создание». Отражение эпохи, исторической обстановки, живой личности поэта определяет силу впечатления и художественное значение произведения. Положив этот принцип в основу своего обзора русской «потаенной», в сущности всей передовой, литературы, Огарев рассматривает важнейшие литературные явления первой половины века. В частности, он останавливается на Полежаеве как поэте, по его мнению, закончившем первую, неудачную битву свободы с самодержавием. Большой интерес представляют высказывания Огарева о Грибоедове, Кольцове, Гоголе и особенно Лермонтове — поэте, во многом близком и созвучном Огареву. «Мне трудно оторваться от его стихов, как от какой-то собственной страсти — хорошей или дурной — все равно, только никогда не солганной»,— писал Огарев в неоконченном отрывке «С утра до ночи» (70-е годы).

Лучшие традиции русской литературы Огарев отстаивал в современной ему литературной борьбе. Он высоко оценил «истинный и сильный» талант Некрасова. «Картина ли родных полей и деревень, роскошь ли столицы, страдание женщины, страдание мелкого чиновника и мужика,— писал он,— у него все облито одной скорбью, скорбью перед властью чиновника». Огарев подчеркивает революционный пафос «жесткого лиризма» Некрасова: «его задача была лишена идеала вне общественности», «он любит народ, теснимый чиновником, и все теснящее возбуждает в нем ненависть», «его «суровый стих» полон поэзии сухого горя». С творчеством Некрасова Огарев связывал новый этап в развитии русской поэзии.

В гоголевской школе русских реалистов Огарев выделял «два самобытных таланта, достойных стать рядом с учителем». Еще в начале 1849 года он писал о Тургеневе, ознакомившись с его пьесой «Где тонко, там и рвется»: «Тут столько наблюдательности, таланта и грации, что я убежден в будущности этого человека. Он создаст что-нибудь *важное* для Руси». И в предисловии к «Русской потаенной литературе XIX столетия» Огарев отмечал, что, «истинный художник по объему и силе впечатлительности», Тургенев «преимущественно доканчивал помещичество и брал из жизни светлые образы простолюдинов, любя и лелея их». Вторым писателем был Островский, который «ударил по болячке, до него пропущенной в литературе,— по купеческому быту...»

Резко отзывался Огарёв о «греческой поэзии Щербины», «вытянутой» из «небывалого чувства»: «Почитайте ее подольше, и вам невольно будет слышаться, как автор себя подлаживал и вытягивал на одну тему, которая далека от сердца поэта и читателя».

Огарев стремился быть постоянно в курсе литературной жизни на родине, внимательно следил за развитием русской демократиче-

ской литературы 60—70-х годов и горячо радовался каждому ее успеху. Из его переписки с Герценом видно, что поэт сочувственно отнесся к роману Чернышевского «Что делать?». В откликах на новые книжки «Отечественных записок» он неоднократно отмечает «замечательные статьи» Щедрина, особенно «Признаки времени»; его «Дикого помещика» он называет «совершенством» и «перлом»; внимание поэта привлекло «Разоренье» Глеба Успенского — «чрезвычайно оригинально», «сильно меня волнует»...

Огарев верил в великое будущее передовой русской литературы, неразрывно связавшей свою судьбу с революционным движением народных масс. В предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия» он писал: «Где они, поэты будущего, поэты России бессословной, России народной? Существуют ли теперь, или еще не родились? И откуда они выйдут — из среды ли барства, себя отрицающего, из среды ли чиновничества, себя отвергающего, или из среды народа, наследника всех сословий? Не знаю. Я знаю одно — что они будут!»

Огарев занял почетное место в истории русской литературы и общественной мысли, как крупный деятель освободительного движения нашего народа, талантливый поэт и публицист русской революционной демократии, выдающийся философ-материалист.

Подчеркивая жизнеутверждающую устремленность поэзии Огарева в будущее, в отличие от глубоко ошибочных представлений буржуазных литературоведов и критиков относительно ее пессимистического характера, большевистская «Правда» в столетие со дня рождения поэта (1913) писала: «Огарев ценен как поэт, у которого наряду с грустной лирикой столько бодрых призывов и веры в несомненно грядущую яркую, свободную, счастливую жизнь для всех людей» [1].

Наследие Огарева неразрывно связано в сознании нашего народа с лучшими традициями русской культуры прошлого. Оправдалось пророчество Чернышевского: все чаще и чаще имя поэта звучит на его освобожденной родине, с любовью и гордостью произносимое советским человеком.

Вл. Путинцев.

---

[1] Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе, Гослитиздат, 1937, стр. 105.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Другу Герцену

Прими, товарищъ добрый мой!
Души мечтающей признанья,
Съ тобой связалъ я жребій свой,
Мои — и радость и страданья.
Другъ! всѣ мои надежды удѣлъ ты
И къ миру лучшему стремленья,
О небѣ сладкія мечты
И на землѣ — разувѣренья.

«Другу Герцену»

Институт русской литературы
(Пушкинский дом) Академии наук СССР

ДРУГУ ГЕРЦЕНУ

Прими, товарищ добрый мой,
Души мечтающей признанья,
С тобой связал я жребий свой,
Мои — и радость и страданья.
Друг! все мое найдешь здесь ты,
И к миру лучшему стремленья,
О небе сладкие мечты
И на земле — разуверенья.

А. ГЕРЦЕНУ

Друг! весело летать мечтою
Высоко в небе голубом
Над освещенною землею
Луны таинственным лучом.
С какою бедною душою,
С каким уныньем на челе
Стоишь безродным сиротою
На нашей низменной земле.
Здесь все так скучно, скучны люди,
Их встрече будто бы не рад;
Страшись прижать их к пылкой груди,—
Отскочишь с ужасом назад.
Но только тихое сиянье
Луна по небу разольет,
И сна тяжелое дыханье
Людей безмолвьем окует:
Гуляй по небу голубому
И вольной птичкою скорей
Несись к пределу неземному.
Ты волен стал в мечте своей;
Тебя холодным изреченьем
Не потревожит злой язык;
Ты оградился вдохновеньем,
Свою ты душу им проник.
О! дай по воле поноситься
В надземных ясных сторонах:
Там свет знакомый мне светится,
Мне все родное в небесах;
Прощусь с землей хоть на мгновенье,

С туманом скучным и седым,
И из-за туч, как из боренья
Между небесным и земным,
Я полечу в пределы света,
И там гармония миров
Обворожит весь ум поэта.
Там проблеснет любимых снов
Давно желанная разгадка.
В восторга полный, светлый час
Перестает нам быть загадкой —
Что было тайного для нас.

CRESCENDO AUS DER SYMPHONIE MEINES ICHS IM VERHÄLTNISSE ZU SEINEN FREUNDEN

I

ОЖИДАНИЕ

Tempo ad libitum

Чего я ждал среди полей
В тиши родного крова,
Когда мечтал я вместе с ней,
Что за спасение людей
На жертву жизнь готова?

Чего я ждал, как думал я
В минуты вдохновенья,
Плоды небесного огня,
Узнать начало бытия
И путь и цель творенья?

Чего я ждал, как к цели той,
Из тьмы в обитель света,
Мечтал подвигнуть род людской
Бесстрашно — мощною рукой
И языком поэта?

Я ждал привета от друзей:
«Любовь жены с тобою,
Но знаем мы, в душе твоей
Есть место, чтоб любить людей
И жертвовать собою.

И слезы есть для слез чужих,
Есть также сила воли
Стереть с лица страдальца их,
Исторгнуть силой рук своих
Его из горькой доли...»

II

СОМНЕНИЕ

Adagio doloroso

Дождался я... но горестный привет
Свинцом упал на грудь, мне душно стало,
Я голос подал им, а их ответ
Вонзил в меня отравленное жало.
За что же? Что, скажите, сделал я?
Или я стал, с тех пор как провиденье
Дало подругу мне, отступник? Я?..
И вот закралось в душу мне сомненье...
Отступник я? Да! Жизнь моя
Не сонною ль течет волною,
Как жизнь ленивца?— Много ль я
Трудился? — Бурною толпою
Сбежались тучи, меркнет свет,
И будущность закрыта предо мною,
И, может, жизни лучший цвет
Измят моею же ногою.
Я мрачен был — а на меня
Она глядела — и сомненью
Укор во взоре встретил я
И снова верил провиденью,
И снова верил, что оно
В иных душах не даром сеет
Плодоносящее зерно,
Цветок взойдет, и плод созреет.

III

ОПРАВДАНИЕ

Allegro

Быть может, я не прав! Без дел
Ничтожна вера!.. Но видали ль
Вы врозь их? Где, когда тот был,

Кто б много делал и не верил?
Иль тот, кто б твердою душой
Без задних мыслей, без условий,
Без колебаний веровал —
И оставался без стремленья
К предмету веры? — Нет, друзья,
Нет, каждый шаг того, [кто верит],
Есть действие, есть шаг вперед,
И каждый миг все ближе к цели.
Очи в даль устремлены,
С каждым днем она яснеет,
С каждым днем возрождены,
С каждым днем растут и зреют
Мысли новые толпой,
И я полон уверенья,
Что не призрак лишь пустой
В дымном виде сновиденья
Пролетает надо мной...
Да, верю я, толпа идей
Не есть обман в душе моей,
И верю я, что можно мне
Овеществить их на земле.
Мне вера жизнь, во мне она
Началом дел положена,
И кто над верою святой
Насмешке место даст пустой,
Безумен тот, исчезнет он
Без славных дел в ночи времен.

IV

Agitato forte fortissimo

Я думал, что мои друзья,
Любя орудье в бурях века
Во мне — любили и меня,
Любили также человека.
Ошибся я, но я не знал,
Что удостоился сомненья,
И что за то, что счастлив стал,
Сорвал улыбку подозренья.
Они мне гибель предрекли,
И то, что сладко душу греет,

Как эгоизм превознесли,
В котором преданность немеет,
Так вы не знаете любви,
Или у вас в воображенье
Она минутный жар в крови,
Мечты нечистой заблужденье...
Нет! Плод душевной чистоты,
Она вмещает все святое,
Полна какой-то доброты,
Весь мир как что-то ей родное
Готова пламенно обнять,
И все и все за то отдать,
Все, с бескорыстной простотою,
Чтоб средь людей воздвигнуть вновь
Себе подобную любовь.
За что ж укор? За счастье, что ли?
Оно влечет к добру меня —
За праздность! други, я в неволе,
Здесь делать нечего, но я
Не празден мыслящей душою,
Звезда надежды из-за туч
Над отчужденного судьбою
Бросает свой приветный луч;
И закален среди страданий,
Очищенный любовью к ней,
С запасом мыслей и желаний
Я возвращусь в семью друзей.
Беда, когда грызет чью грудь
Тщеславья червь ненасытимый.
Я бескорыстен, и мой путь
Достоин истины любимой.
За что ж укор? За что сомненье?
Иль прежний огнь во мне угас
И нет к добру во мне стремленья?
Так знайте же, я больше вас,
Поставлен выше я судьбою,
Вам нечем жертвовать, а я,
Я буду жертвовать семьею,
Всем, что люблю, и для меня
Ужасны жертвы, но душою
Я тверд, и нету жертв таких,
Которых не отдам с собою
Я за спасение других.

Но дайте спасть моим затворам,
И не дерзнет же ваш язык
Звучать неправедным укором
Тому, кто прежде вас привык
Страдать за то, его мечтою
Одной что было с юных лет,
Чему он с верою слепою
Давно дал жертвовать обет.
А вы что сделали? Молчанье
На ваших вижу я устах,
Как прежде: теплится *желанье* —
И только — в избранных душах!..

* * *

Проходит день, и ночь проходит,
Ни сна, ни грез в ночи немой,
И утро новый день приводит
Такой же скучный и пустой.
И то же небо с облаками,
Бесцветное — как жизни путь,
Где упований нет пред нами,
Былое не волнует грудь.
И люди те ж — смешные люди!
Их встрече будешь ты не рад,
Не прижимай их к пылкой груди,
Отскочишь с ужасом назад.
Ты глас любви подашь собрату,
Ответа нет на голос твой,
И сердце каждый раз утрату
С слезой в дневник запишет свой.
Так полный жизнию цветок
И горд и пышен средь полей,
Но дунул ветер, и листок
Упал на землю — и на ней,
Что день — то новою грозою
Лишен листка увялый цвет,
И обнаженной головою
Считает, скольких листьев нет.

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

(По перечтении Е. О.)

Зачем душа тоски полна,
Зачем опять грустить готова,
Какое облако волна
Печально отразила снова?
Мечтаний тяжких грустный рой
Поэта глас в душе поэта
Воззвал из дремоты немой.
Поэт погиб уже для света,
Но песнь его еще звучит,
Но лира громкими струнами
Звенит, еще с тех пор звенит,
Как вдохновенными перстами
Он всколебал их перед нами.

И трепет их в цепи времен
Дойдет до позднего потомства,
Ему напомнит скорбно он,
Как пал поэт от вероломства.
И будет страшный приговор
Неумолим. Врагов поэта
В могилах праведный укор
Отыщет в будущие лета,
И кости этих мертвецов,
Уж подточенные червями,
Вздрогнут на дне своих гробов
И под согнившими крестами
Истлеют, прокляты веками.

Но, что ж! но, что ж! поэта нет!
Его ж убийца — он на воле,
Красив и горд, во цвете лет,
Гуляет весел в сладкой доле.
И весь, весь этот черный хор
Клеветников большого света,
В себе носивший заговор
Против спокойствия поэта,
Все живы, все,— а мести нет.
И с разъяренными очами
Им не гналась она вослед,
Неся укор за их стопами,
Не вгрызлась в совесть их зубами...

А тот, чья дерзкая рука
Полмир цепями обвивая,
И не согбенна, и крепка,
Как бы железом облитая,
Свободой дышащую грудь
Не устыдилась своевольно
В мундир лакейский затянуть,—
Он зло, и низостно, и больно
Поэта душу уязвил,
Когда коварными устами
Ему он милость подарил
И замешал между рабами
Поэта с вольными мечтами.

Из лавр и терния венец
Поэту дан в удел судьбою,
И пал он жертвой наконец
Неумолимою толпою
Ему расставленных сетей.—
Земля, земля! зачем ты губишь
Прекрасных из твоих людей!
Одну траву растишь и любишь,
И вянет злак среди полей;
Или враждуя с небесами
Враждой старинною твоей,
Ты имя избранных меж нами
Гнетешь страдальчества цепями.

Пускай теперь слеза моя,
И негодуя и тоскуя,

Как дар единый от меня
Падет на урну гробовую;
И если в форме неземной,
Перерожденный дух поэта
Еще витает над страной
Уж им покинутого света —
Мою слезу увидит он
И незаметными перстами
Мне здешней жизни краткий сон
Благословит с его скорбями
И благородными мечтами.

УДЕЛ ПОЭТА

«Страдай и верь,— сказало провиденье,
Когда на жизнь поэта воззвало,—
В твоей душе зажжется вдохновенье,
И дума рано омрачит чело,
И грустно ты пройдешь в земной юдоли,
Толпа все дни несносно отравит,
Но мысли светлой, благородной воли
В тебе никто ничем не укротит,
И ты с презреньем взглянешь на страданья,
Толпе грозящим словом прогремишь,
Погибнешь тверд и полон упованья,
И песнь свою потомству завестишь».

* * *

С моей измученной душою
Слился какой-то злобы яд,
И непрерывной чередою
В ней с своенравием кипят
Тоска и желчь негодованья,
В ней дух смирения истлел
И ангел божий отлетел
От недостойного созданья.

Где ж вера в будущий удел,
В мое святое назначенье —
Свершить чредою смелых дел
Народов бедных искупленье?
Где мир любви, в котором я
Пил чашу наслаждений рая,
В котором жизнь была моя,
Как утро радостного мая?

О нет! еще в душе моей
И вера и любовь святая
Таятся, ввек не угасая,
Как звезды в сумраке ночей.
Но в ней тоска негодованья,
Но дух смиренья в ней истлел,
Но ангел божий отлетел
От недостойного созданья.

К ДРУЗЬЯМ

Я по дороге жизни этой
Скачу на черном скакуне,
В дали, густою мглой одетой,
Друзья, темно, не видно мне.
Со мною рядом что за лица?
Куда бегут? Зачем со мной?
Скучна их пестрая станица,
Несносен говор их пустой.
В моих руках моя подруга,
Одна отрада на пути,
Прижалась, полная испуга,
К моей трепещущей груди.
Куда нас мчит бегун суровый?
Где остановит он свой бег?
И где приют для нас готовый?
Нам в радость будет ли ночлег?

Я по дороге жизни этой
Скачу на черном скакуне,
В дали, густою мглой одетой,
Друзья, темно, не видно мне.
Когда ж, случится, взор усталый
Назад бросаю я порой,
Я вижу радости бывалой
Страну далеко за собой.
Там ясно утро молодое,
Там веет свежею весной,
Там берег взброшен над рекою
И шумен город за рекой.

Но ту страну душе родную
Уже давно оставил я,
Там пел я вольность удалую,
Там были вместе мы, друзья,
Там верил я в удел высокий,
Там было мне восьмнадцать лет,
Я лишь пускался в путь далекий —
Теперь былого нет как нет.
И по дороге жизни этой
Я мчусь на черном скакуне,
В дали, густою мглой одетой,
Друзья, темно, не видно мне.

СМУТНЫЕ МГНОВЕНЬЯ

Есть в жизни смутные, тяжелые мгновенья,
Когда душа полна тревожных дум
И ноша трудная томящего сомненья
Свинцом ложится на печальный ум;
И будущность несется тучей издалека,
Мрачна, страшна, без меры, без конца,
Прошедшее встает со взорами упрека,
Как пред убийцей призрак мертвеца.
Откуда вы, минуты скорбных ощущений,
Пришельцы злобные, зачем с душой
Дружите вы ряды мучительных видений
С их изнурительной тоской?
Но я не дам вам грозной власти над собою,
И бледное отчаянья чело
Я твердо отгоню бестрепетной рукою —
Мне веру провидение дало;
И малодушия ничтожные страданья
Падут пред верой сердца моего,
Священные в душе хранятся упованья,
И этот клад — я сберегу его.

ШЕКСПИР

«На землю ступай,— провиденье сказало,—
И пристально там посмотри на людей,
Дела их твоя чтоб душа замечала
И в памяти ясно хранила своей.
Ты вырви в них душу и в смелом созданьи
Ее передай им ты в звучных словах,
И эти слова не исчезнут в преданьи
И вечно в людских сохранятся умах.
Иди же, мой сын, безбоязненно, смело,
Иди же, иди ты, мой избранный, в мир,
Иди и свершай там великое дело...»
Сказало, решило — явился Шекспир.

* * *

Я видел вас, пришельцы дальних стран,
Где жили вы под ношею страданья,
Где севера свирепый ураган
На вас кидал холодное дыханье,
Где сердце знало много тяжких ран,
А слух внимал печальному рыданью.

Скажите мне: как прожили вы там,
Что грустного в душе вы сохранили
И как тепло взывали к небесам?
Скажите: сколько горьких слез пролили,
Как прах жены вы предали снегам,
А ангела на небо возвратили?

Скажите мне: среди печальных дней,
Не правда ль, были светлые мгновенья?
И, вспоминая, как среди людей
Страдал Христос за подвиг искупленья,
Вы забывали ль гнет своих скорбей,
Вы плакали ль тогда от умиленья?

Я видел вас! Тогда клонился день,
Седая туча по горе ходила,
Бросая вниз причудливую тень,
И сквозь нее с улыбкою светила
Заря, сходя на крайнюю ступень,
Как ясный луч надежды за могилой.

А между тем кипели суетой
Беспечно жители земного мира,
Поклонники — с заглохшею душой —
Тщеславия бездушного кумира,—
И только музыка звучала той порой,
Как бы с небес заброшенная лира.

Я видел вас! Прекрасная семья
Страдальцев, полных чудного смиренья,
Вы собрались смотреть на запад дня,
Природы тихое успокоенье,
Во взоре ясном радостно храня
Всепреданность святому провиденью.

Я видел вас в беседе ваших жен.
Я видел их! Страдалицы святые
Перенесли тяжелый жизни сон!..
Но им чужды проклятия земные,
Любовь, смиренье, веру только он
Им нашептал в минуты роковые.

Я видел вас и думал: проблеск дня,
Исполненный святого упованья,
Поля в лучах вечернего огня
И музыки и гром и замиранье —
Не для детей земного бытия,
Для вас одних, очищенных в страданьи.

И ты, поэт с прекрасною душой,
С душою светлою, как луч денницы,
Был тут,— и я на ваш союз святой,
Далеко от людей докучливой станицы,
Смотрел, не знал, что делалось со мной —
И вот слеза пробилась на ресницы.

МОЯ МОЛИТВА

Молю тебя, святое бытие,
Дай силу мне отвергнуть искушенья
Мирских сует; желание мое
Укрыть от бурь порочного волненья
И дух омыть волною очищенья.

Дай силу мне трепещущей рукой
Хоть край поднять немого покрывала,
На истину надетого тобой,
Чтобы душа, смиряясь, созерцала
Величие предвечного начала.

Дай силу мне задуть в душе моей
Огонь себялюбивого желанья,
Любить, как братьев, как себя,— людей,
Любить тебя и все твои созданья.—
Я буду тверд под ношею страданья.

* * *

Среди могил я в час ночной
Брожу один с моей тоской,
С вопросом тайным на устах
О том, что дух, о том, что прах,
О том, что жизнь и здесь и там,
О всем, что так безвестно нам.
Но безответен предо мной
Крестов надгробных темный строй,
Безмолвно кости мертвецов
Лежат на дне своих гробов,
И мой вопрос не разрешен,
Стоит загадкой грозно он.

Среди могил еще одна
Разрыта вновь — и вот она
Недавний труп на дно взяла.
Еще вчера в нем кровь текла,
Дышала грудь, душа жила;
Еще вчера моим отцом
Его я звал — сегодня в нем
Застыла кровь, жизнь замерла,
И где душа, куда ушла?
Боялась робкая рука
Коснуться трупа хоть слегка,
Так страшен холод мертвеца,
Так бледность мертвого лица,
Закрытый взор, сомкнутый рот
Наводят страх на ум. А вот
И гроб — и тело в нем

Закрыто крышкой и гвоздем
Три раза крепко по бокам
Заколочено... Душно там,
В могиле душно под землей...
Ничтожество!.. О боже мой,—
Ничтожество! И вот конец,
И вот достойнейший венец
Тому, кто силен мыслью жил,
И кто желал, и кто любил,
Страдал и чувствовал в свой век
И гордо звался: Человек!

А я любил его. Меж мной
И им таинственной рукой
Любви завязан узел был.
Отец! о,— я тебя любил.
Скажи ж, мертвец, скажи же мне,
Что есть душа? И в той стране
Живешь ли ты? Нашел ли там
Ты мать мою? Пришлось ли вам
Обняться снова и любить?
И вечно ль будете вы жить?

Сомненье вечно! Знанья нет!
Все сумерки — когда же свет?
Сомненье! Боже, как я мал,
Ничтожен! Тот, кто умирал
Когда-то на кресте,— страдал
И верил. Я не верю — я,
Сомненья слабое дитя...
О нет! я верю, верю... Нет,
Я знаю. Для меня есть свет.
Я знаю — вечная душа,
Одною мыслию дыша,
Меняя формы, все живет,
Из века в век она идет
Все лучше, лучше и с тобой
В одно сольется, боже мой!

НОВЫЙ ГОД

Вот год еще прошел, как сновиденье,
Исчез, примкнулся к тьме годов;
Недавний труп нашел успокоенье
Среди истлевших мертвецов.
Остался жить среди воспоминаний,
С толпой утрат, с толпой скорбей,
С толпой возвышенных мечтаний,
С толпой обманов меж людей.
Всегда в борьбе, всегда против теченья
Мы правим нашею ладьей,
За годом год в стремительном движеньи
Бежит обратною волной.
Пусть так, пускай мы каждый год с борьбою
Против течения плывем.
Друзья, начало скрыто за рекою,
Начало жизни мы найдем.
Пусть много бед останется за нами,
Волна обратная пройдет,
А на конце пред нашими глазами
Завеса с истины спадет.

СТАНЦИЯ

Я вспомнил, как ты здесь страдала,
Как сердце билось и чело
Болезни муки выражало,—
И как мне было тяжело!
Как каждый стон подруги милой
Мне скорбно душу волновал,
Я то молился, то, унылый,
Себя отчаяньем терзал.
Но все тогда мне легче было,
Всё были вместе мы с тобой,
И все, что сердце так любило,
Не разлучалося со мной.
Теперь я на дороге снова,
Но я один, и грустен путь,
И не с кем нежно молвить слова,
С любовью не на что взглянуть.
Кругом зима, да ночь, да тучи,
Да вьюга снег метет с земли
И завывает ветр могучий,
Да лес чернеется вдали;
А в сердце тайная тревога,
Душа печальна и мрачна!..
О одинокая дорога,
Как ты мучительно скучна!
И ты одна, моя подруга,
И ты грустишь, и в тяжком сне,
Быть может, горестного друга
Ты видишь в дальней стороне.
О! Тяжело нам разлученье,—
Ведь нас навек в пути земном
Соединило провиденье
Любви негаснущей узлом.

Е. Г. Л<ЕВАШЕВОЙ>

Я с юных лет знал тяжкие гоненья,
И, истины в душе смиренный жрец,
Из рук ее в залог благословенья
Я получил страдальческий венец.
Я отчужден был от моих собратий
В глухих стенах безжалостной тюрьмы;
Но от молвы и от ее проклятий
Уже тогда меня спасали вы.
Уже тогда вы, юному страданью
Сочувствуя прекрасною душой,
Смягчали скорбь и горечь испытанья
Таинственно, неведомой рукой.
И с той поры всегда, как добрый гений,
Носились вы над жизнию моей,
И длили жар высоких вдохновений,
Вводя меня в семью моих друзей.
Благодарю! Вы много мне послали
Минут святых в моем пути земном,
И вы не раз свевали мне печали,
Мой скорбный дух давившие свинцом.
Теперь вас нет! Мне не было судьбою
Вас знать дано,— а я мечтал не раз,
Как хорошо мы братственной толпою
Когда-нибудь стеснились бы вкруг вас.
Теперь вас нет! Вас ждал удел высокой,
Теперь вы там — вы ангел в небесах;
И, может быть, из области далекой
Вы видите меня в земных краях.
Смотрите! Вам душа моя открыта,

Теперь печаль живет уныло в ней,
По вас она вся трауром покрыта,
Грустит, как сын о матери своей.
О, вы меня с небес своих призрите,
Пошлите мир душе в тяжелый час
И тихо вы меня благословите,
Как я теперь благословляю вас.

МАРИИ, АЛЕКСАНДРУ И НАТАШЕ

Благодарю тебя, о провиденье,
Благодарю, благодарю тебя,
Ты мне дало чудесное мгновенье,
Я дожил до чудеснейшего дня.
Как я желал его! В душе глубоко
Я, как мечту, как сон, его ласкал —
Сбылась мечта, и этот миг высокой
Я не во сне, я наяву узнал.
Любовь и дружба! вы теперь со мною,
Теперь вы вместе, вместе у меня —
О боже мой, я радостной слезою
Благодарю, благодарю тебя.
Благодарю! О, с самого рожденья
Ты два зерна мне в душу посадил,
И вот я два прекрасные растенья
Из них, мой боже, свято возрастил.
Одно — то дуб с зелеными листами,
Высокий, твердый, гордою главой
Он съединился дивно с небесами
И тень отрадно бросил над землей.
Другое — то роскошное явленье,
То южных стран душистое дитя,
Магнолия — венец всего творенья...
О, боже мой, благодарю тебя.
Любовь и дружба! — вы теперь со мною.
Друзья! так обнимите же меня.
Вот вам слеза,— пусть этою слезою
Вам скажется, что ощущаю я...

ПЕСНЯ

«Ты откуда, туча, туча,
Пролетаешь над горой?
Не встречался ли могучий
Воин где-нибудь с тобой?

Свеж, как утро молодое,
Прям, как тополь средь полей,
Смел, как лев в отваге боя,
Конь его тебя быстрей
Пролетает средь степей?»

Туча мрачно отвечала:
«Нет, его я не видала».

Плачет дева над рекой:
«Ах! — ему я говорила,—
Не ходи, мой милый, в бой,
Не бросай своей ты милой.
Иль милей тебе война
Тайных в полночи свиданий,
С девой сладостного сна,
С девой пламенных лобзаний?
Но коня он оседлал
И на битву ускакал».

«Ты отколь летишь, орлица?
Не видала ли порой,
В блеске утренней денницы
Скачет воин молодой?

Гордо смотрит под чалмою,
Нет усов его черней,
Брови высятся дугою,
И еще твоих очей
Очи воина ярчей?»

И орлица отвечала:
«Нет, его я не видала».

Плачет дева над рекой:
«Ах! — ему я говорила,—
Не ходи, мой милый, в бой,
Не бросай своей ты милой,
И когда взойдет луна,
Сон мы стражи околдуем,
Ты придешь на ложе сна,
Ты придешь за поцелуем.
Но коня он оседлал
И на битву ускакал».

«Ты отколь в пути летучем,
Буря, мчишься надо мной?
Буря! с витязем могучим
Не встречалась ли порой?

Пылко сердце молодое,
Нет любви его жарчей,
Он спешит на праздник боя,
Конь его тебя быстрей
Пролетает средь степей».

Буря с свистом отвечала:
«В поле мертвого видала».

Плачет дева над рекой:
«Ах! — ему я говорила,—
Не ходи, мой милый, в бой,
Не бросай своей ты милой.
Унесла его война.
Не дождусь его лобзанья!
Так умчи ж меня, волна,
К другу, к другу на свиданье».
И над трупом злобный вал
Белой пеной заплескал.

<А. А.> ТУЧКОВУ

(21-го июля)

Я знаю, друг, что значит слово мать,
Я знаю — в нем есть мир любви чудесный,
Я знаю — мать прискорбно потерять
И сиротой докончить путь безвестный.
Я матери лишился с детских лет,
И нет ее в моем воспоминаньи,
Но сколько раз, забыв земной наш свет,
Носился к ней я в пламенном желаньи!
И знаешь, друг, душе в ее скорбях
Есть тайное, святое утешенье
Знать, что душа родная в небесах
Ее хранит и в горе и в смятеньи.
И вот, когда вечернею порой
Ты взглянешь вдруг на небо голубое —
Подумаешь: вот матери родной
С любовью тень несется надо мною.
И вот, когда толпу людей пустых
Вдруг оскорбил в порыве благородном
Ты правды чистой голосом свободным,—
Тебе не страшны будут козни их:
Ведь на тебя из горнего селенья
Взирает мать с улыбкой одобренья.

* * *

С полуночи ветер холодный подул,
И лист пожелтелый на землю свалился
И с ропотом грустно по ней пропорхнул,
От ветки родной далеко укатился.

С родимой сторонки уносит меня
Безвестной судьбы приговор неизменный,
И грустно, что край оставляю тот я,
Где жил и любил я в тиши отдаленной.

ОТЦУ

Отец! вот несколько уж дней
Воспоминанье все рисует
Твои черты душе моей,
И по тебе она тоскует.
Все помню: как ты здесь сидел,
С каким, бывало, наслажденьем
На дом, на сад, на пруд глядел,
Какую к ним любовь имел,
Про них твердил нам с умиленьем.
«Все это,— ты тогда мечтал,—
Оставлю сыну в достоянье...»
Но равнодушно я внимал,
И не туда несло желанье.
Я виноват перед тобой:
Я с стариком скучал, бывало,
Подчас роптал на жребий свой...
Прости меня! На ропот мой
Набрось забвенья покрывало.
Скажи, отец, где ты теперь?
Не правда ль, ты воскрес душою?
Не правда ль, гробовая дверь
Не все замкнула за собою?
Скажи: ты чувствуешь, что я
Здесь на земле грущу, тоскую,
Все помню, все люблю тебя,
Что падала слеза моя
Не раз на урну гробовую?
О! если все то знаешь ты —
То будь и там мой добрый гений,

Храни меня средь суеты,
Храни для чистых вдохновений —
Молись!.. Но, может, в той стране
Ты сам, раскаяньем гонимый,
Страдаешь. О, скажи же мне —
Я б стал молиться в тишине,
Чтоб бог дал мир душе томимой.
Но нет! Ты все же лучше стал,
Чем я среди греха и тленья,
Ведь ты в раскаяньи страдал
И смыл все пятна заблужденья; —
Так ты молись за жребий мой,
А я святыни не нарушу
Моею грешною мольбой...
Молись, отец, и успокой
Мою тоскующую душу.

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Ты пришло уже, небо туманное,
Ты рассыпалось мелким дождем,
Ты повеяло холодом, сыростью
В опечаленном крае моем.
Улетели куда-то все пташечки;
Лишь ворона, на голом суку
Сидя, жалобно каркает, каркает —
И наводит на сердце тоску.
Как же сердцу-то грустно и холодно!
Как же сжалось, бедняжка, в груди!
А ему бы все вдаль, словно ласточке,
В теплый край бы хотелось идти...
Не бывать тебе, сердце печальное,
В этих светлых и теплых краях,
Тебя сгубят под серыми тучами
И схоронят в холодных снегах.

* * *

В тюрьму я был брошен, отослан в изгнанье,
Изведал я горе, изведал страданье,
Но все же я звал из печальной глуши
Свободу, владычицу твердой души.
Пришла наконец, будто свет среди тьмы,
Как воздух прохладный средь душной тюрьмы,
И голос мне вдруг пробежал близ ушей:
«Вот ключ от затворов тюремных дверей,
Я дам его женщине, тебе их она
Отворит; я буду тебе отдана».
Растворены двери, и что ж вижу я?
О боже! Она, то подруга моя,
Она растворила тюремную дверь,
И весел я с нею и волен теперь.
За волю, за волю тебе, провиденье,
Подругой мне данною — благодаренье.
Но есть еще воля!.. то воля моя
Стремиться к добру — неизменен ей я.

НОЧЬ

Тихо в моей комнатке,
И кругом все спит,
Свечка одинокая
Предо мной горит.

Посмотрю ль в окошечко —
Все темно кругом,
Не видать и улицы
В сумраке ночном.

Звездочки попрятались,
На небе темно,
Тучами подернулось
Черными оно.

Ветер воет жалобно
Под моим окном,
И метель суровая
Все стучит по нем.

Страшно мне смотреть туда,
В сумрачную даль,
И ложится на душу
Тайная печаль.

Тихо в моей комнатке,
И кругом все спит,
Свечка одинокая
Предо мной горит.

* * *

Ночь туманная темна,
    Снег на стогнах тает,
Вкруг немая тишина
    Робость навевает.
Не пугай, зловещий мрак!
    Без того — смущенья
Не сгоню с души никак.

Ты, что волею своей
    Жизнь даешь в отраду —
Дай же мир душе моей,
    Если жить уж надо.

AUGENBLICK

Нет, право, эта жизнь скучна,
Как небо серое бесцветна,
Тоской сжимает грудь она
И желчь вливает неприметно;
И как-то смотрится кругом
На все сердитей понемногу,
И что-то ничему потом
Уже не верится — ей-богу!

GUTE GESELLSCHAFT

Как эти люди скучны, глупы,
Как их бессмысленны слова,
Как шутки их несносно тупы
И как пуста их голова!
Как сердце их черство и вяло,
Как пышет холодом от них!
Какую желчь в меня вливала
Беседа сладостная их!
Подите прочь!.. Вот вам дорога —
Большая,— можете идти!
Меня ж забудьте ради бога
Вы на проселочном пути!

ЖЕЛАНИЕ ПОКОЯ

Опять они, мои мечты
О тишине уединенья,
Где в сердце столько теплоты
И столько грусти и стремленья.

О, хороши мои поля,
Лежат спокойны и безбрежны...
Там протекала жизнь моя,
Как вечер ясный, безмятежный...

Хорош мой тихий, светлый пруд!
В него глядится месяц бледный,
И соловьи кругом поют,
И робко шепчет куст прибрежный.

Хорош мой скромный, белый дом!
О! сколько сладостных мгновений,
Минут любви я прожил в нем,
Минут прекрасных вдохновений.

Опять туда манят мечты,
Все прочь от этой жизни шумной,
От этой пошлой суеты,
От этой праздности безумной.

Опять душа тоски полна
И просит прежнего покоя;
Привыкла там любить она,
Там гроб отца, там все родное.

Опять они, мои мечты
О тишине уединенья,
Где в сердце столько теплоты
И столько грусти и стремленья.

ГОРОД

Смеркаться начинает,
Уж звезды надо мной,—
И вот мы подъезжаем
К заставе городской.

Дома стоят рядами,
Огонь мелькает в них,—
И стук от экипажей
Несется с мостовых.

Вся скука городская
Приходит мне на ум,
И как гнетет здесь душу
Забот вседневных шум.

Скорей! насквозь чрез город,
Ямщик, скачи же ты:
Там — снова бесконечность
И вольный мир мечты.

* * *

В прогулке поздней видел я
Сквозь окны — в пышной зале
Толпу людей и блеск огня
И гости пировали.

А снег валился, в стеклы бил,
И веял ветер смелый,
И кровлю темную покрыл
Печально саван белый.

Сквозь дымных облаков луна,
Туманная, смотрела,
И все казалося, она
Как будто что жалела.

И я глядел ей в бледный лик
С участием, уныло:
Нам так обоим в этот миг
На сердце грустно было!

* * *

Тот жалок, кто под молотом судьбы
　　Поник — испуганный — без боя:
Достойный муж выходит из борьбы
　　В сияньи гордого покоя
И вновь живет — главы не преклоня,—
　　Исполнен вдохновенной пищей;
Так золото выходит из огня
　　И полновеснее и чище.

АЛХИМИК

В убогой келье в час ночной
Сидел один монах седой.
Свеча горела перед ним;
Он пальцем тощим и сухим
В фольанте лист уж пожелтелый
Ворочал тихо и несмело.

Потом реторту робко взял
И горн с усильем раздувал.
Кипела жидкость; смрад и дым
Носились в воздухе над ним.
Но труд, надеждою богатый,
Был тщетен вновь — не вышло злата.

Еще бледнее стал старик
И головой на грудь поник.
«Я целый век мой с юных лет
Жить для науки дал обет.
Я сердца сжал в себе движенья,
Отверг любовь и наслажденье.

Да судит бог! я не искал,
Когда я злато добывал,
Ни денег, ни людских похвал.
В природе лишь узнать желал
Я пульса каждое биенье
И тайный ход всего творенья.

Трудился днем, не спал ночей!
И черный лоск с моих кудрей

Уже давным-давно сбежал,
И ничего я не узнал!
К чему ж я был влеченью верен?
Надежды нет — мой труд потерян!»

Старик средь гнева и тоски
Разбил реторту на куски,
И книгу сжег, и на пол пал,
Закрыл глаза и не вставал...
И только смрадный дым из горна
Над ним носился клубом черным.

МОЛДАВАНЫ

Ночь луною озарило,
Под снегами спит земля,
И белеются уныло
Бесконечные поля.
Едем... Тройка удалая
Снег копытами метет,
И ямщик, кнутом махая,
Песню грустную поет.
У дороги, средь поляны,
Разложенные костры;
Кочевые молдаваны
Здесь раскинули шатры.
Собрался перед огнями
Отвратительной толпой
С распущенными власами
Ряд старух полунагой;
И на палку опираясь,
В хитрых замыслах старик,
Молча, злобно улыбаясь,
Головой на грудь поник;
Дети в рваном одеяньи
И с запачканным лицом
С криком просят подаянья,
Обступив меня кругом.
Стала тройка удалая
И, испугана, храпит,
Молдаванка молодая,
Смуглоликая стоит,
Освещенная огнями,

Освещенная луной,
С яркочерными глазами
И разметанной косой.
Хочет смуглою рукою
Руку взять мою она
И сказать, какой судьбою
Жизнь моя наделена.
Прочь, коварная смуглянка!
Ну, ямщик, пошел живей!
Страшно очи молдаванки
Блещут в сумраке ночей.

КРЕМЛЬ

За тучами чуть видима луна,
Белеет снег в туманном освещеньи,
Безмолвны стогны, всюду тишина,
Исчезло дня бродящее движенье.
Старинный Кремль угрюмо задремал
Над берегом реки оледенелой,
И колокол гудящий замолчал,
Затворен храм и терем опустелый.
Как старый Кремль в полночной тишине
Является и призрачен и страшен,
В своей зубчатой затворясь стене
И вея холодом угрюмых башен!
Лежит повсюду мертвенный покой —
Его кругом ничто не возмущает,
Лишь каждый час часов унылый бой
О ходе времени напоминает.

К <Е. В. САЛИАС>

Вы были девочкой, а я
Уж юношей. Так мы расстались;
С тех пор и молодость моя
И ваше детство миновались.
И вот опять я встретил вас...
Ну, что ж вы делали? как жили?
Не скроете — из ваших глаз
Я узнаю, что вы любили,
Что с сердцем страсть была дружна
И познакомилось страданье,
И жизнь, быть может, лишена
Давно для вас очарованья...
Не правда ль, страшно схоронить
Любовь, которой сердце жило,
И пошло, холодно забыть
И страсть, и грусть, и все, что мило?
Еще страшней сказать себе,
Что все проходит непременно,
Что в человеческой судьбе
Так надо, так обыкновенно...
Но вы, признайтесь,— вам ведь жаль
Души прошедшую печаль?

СТАРЫЙ ДОМ

Старый дом, старый друг, посетил я
Наконец в запустеньи тебя,
И былое опять воскресил я,
И печально смотрел на тебя.

Двор лежал предо мной неметеный,
Да колодец валился гнилой,
И в саду не шумел лист зеленый —
Желтый тлел он на почве сырой.

Дом стоял обветшалый уныло,
Штукатурка обилась кругом,
Туча серая сверху ходила
И все плакала, глядя на дом.

Я вошел. Те же комнаты были;
Здесь ворчал недовольный старик;
Мы беседы его не любили,
Нас страшил его черствый язык.

Вот и комнатка: с другом, бывало,
Здесь мы жили умом и душой;
Много дум золотых возникало
В этой комнатке прежней порой.

В нее звездочка тихо светила,
В ней остались слова на стенах;
Их в то время рука начертила,
Когда юность кипела в душах.

В этой комнатке счастье былое,
Дружба светлая выросла там...
А теперь запустенье глухое,
Паутины висят по углам.

И мне страшно вдруг стало. Дрожал я,
На кладбище я будто стоял,
И родных мертвецов вызывал я,
Но из мертвых никто не восстал.

ИЗ ГЕЙНЕ

Звезды с ножками златыми
Ходят робкою стопой,
Разбудить боятся землю,
Что заснула в тьме ночной.

Лес стоит, вниманья полный,
Чутко лист зеленый спит;
От горы, как будто призрак,
Тень угрюмая лежит.

Но что слышу, что за звуки
Отдались в душе моей?
Голос ли то девы милой,
Или только соловей?

РЫБАЧКА

(Из Гейне)

Прекрасная рыбачка,
Причаль свою ладью,
Приди и сядь со мною,
Дай руку мне свою.
Не бойся и головкой
Склонись на сердце мне.
Ты ж на море беспечно
Вверяешься волне.
Что море — мое сердце,
То тихо, то кипит,
И светлых в нем немало
Жемчужинок лежит.

ЕЕ ПОРТРЕТ

(Из Гейне)

Стоял я в мрачной думе
И на портрет глядел,
И милый лик, казалось,
Жизнь тайную имел.
Чудесная улыбка
Явилась на устах,
И грустно две слезинки
Блеснули на глазах.
И слезы по ланитам
Лилися у меня,
И не могу я верить,
Что потерял тебя.

У МОРЯ

(Из Гейне)

Над морем позднею порой
    Еще лучи блестели,
А мы близ хижины с тобой
    В безмолвии сидели.
Туман вставал, росла волна,
    И чайка пролетала,
А у тебя, любви полна,
    Из глаз слеза упала.
Катилась по руке твоей —
    И на колени пал я,
И медленно с руки твоей
    Твою слезу спивал я.
С тех пор сгораю телом я,
    Душа в тоске изныла —
Ах, эта женщина меня
    Слезою отравила!

ЖЕЛАНИЕ

Дева с свежими устами,
С тихой ясностью очей,
Ты, младенец мой прелестный,
Ты живешь в мечте моей.
Длинен этот зимний вечер,
Быть хотел бы я с тобой
И болтать весь длинный вечер
В тихой комнатке с тобой.
Я к устам моим прижал бы
Ручку белую твою
И слезами обливал бы
Ручку белую твою.

ГОРОД

Под дальним небосклоном
Чернеет город мой,
Туманный образ словно,
Покрыт вечерней мглой.
Сырой вздувает ветер
Седую пену вод,
Рыбак однообразно
В ладье моей гребет.
Еще раз вспыхнул запад
И грустно озарил
То место, где оставил
Я все, что я любил.

ДВОЙНИК

Тихо все ночью и стогны в покое,
В доме здесь прежде живала она,
Город покинут ей давней порою,
Дом же остался, как в те времена.
Кто-то стоит тут и кверху взирает,
Руки ломает, измучен тоской.
Страшно мне! Месяц его озаряет —
Боже! то сам я стою пред собой.
Ты — мой двойник, ты — товарищ мой бледный,
Что передразнивать вздумал меня,
Так же томиться, как некогда, бедный,
В долгие ночи томился и я.

РАЗЛАД

Есть много горестных минут!
Томится ум, и сердцу больно,
Недоумения растут,
И грудь стесняется невольно.
В душе вопросов длинный ряд,
Все тайна, нету разрешенья,
С людьми, с самим собой разлад,
И душат горькие сомненья.
Но все ж на дне души больной
Есть вера с силою могучей...
Так солнце бурною порой
Спокойно светит из-за тучи.

* * *

Мне было скучно в разговоре
Натягивать мой бедный ум,
Чтоб толковать о всяком вздоре,
Как ни попало, наобум...
И я урвался одинокой
К зеленым рощам и полям,
И там бродил в тиши глубокой
Печальным преданный мечтам.
Мне было грустно — вспоминал я
Другие рощи и поля,
Где, милый друг, с тобой блуждал я
И сладко так любил тебя.
О! тяжело забыть душою
Любви пленительный привет,
И день и ночь с одной тоскою
Себе твердить: ее здесь нет;
И отвыкать от женской ласки,
И ночью тихо не лобзать
Полузатворенные глазки,
Лобзаньем утра не встречать,
Проститься с тем, что было мило,
Грустить безмолвно каждый час...
О! тяжело... слеза уныло
Рукой стирается не раз.

ДЕРЕВЕНСКИЙ СТОРОЖ

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.

Вдоль по улице широкой
Избы мужиков —
Ходит сторож одинокой,
Слышен скрип шагов.

Зябнет сторож; вьюга смело
Злится вкруг него,
На морозе побелела
Борода его.

Скучно! радость изменила,
Скучно одному;
Песнь его звучит уныло
Сквозь метель и тьму.

Ходит он в ночи безлунной,
Бела утра ждет
И в края доски чугунной
С тайной грустью бьет,

И, качаясь, завывает
Звонкая доска...
Пуще сердце замирает,
Тяжелей тоска!

* * *

Туман над тусклою рекой,
Туман над дальними полями,
В тумане лес береговой
Качает голыми ветвями.
А было время — этот лес
Шумел зелеными ветвями,
И солнце с голубых небес
Блестело ярко над волнами;
И бесконечна и ясна
Долина тихая лежала...
О! помню я — в те времена
Душа для жизни расцветала.

ВОДОПАД

(Из Мюллера)

Не одну слезу из глаз я
В снег холодный уронил,
И видал уже не раз я,
Как тоску мою он пил.
Хочет травка выйти в поле —
Ветер теплый зашумит,
Тает лед, и снег по воле
Шумной речкой побежит.
Знает снег мое стремленье,
И куда же ты потек?..
За слезой направь теченье:
С ней вольешься в ручеек,
В город он тебя потянет,
С ним ты в улицы войдешь,—
Где слеза теплее станет —
Домик милой ты найдешь.

* * *

Там на улице холодом веет,
Завывает метель под окном;
Еще ночь над землей тяготеет,
И все спит безмятежно кругом.

Я один до рассвета проснулся
И безмолвно камин затопил,
И трескучий огонь встрепенулся,
И блуждающий отблеск разлил.

Тяжело мне и грустно мне стало,
И невольно на память пришло,
Как мне в детские годы бывало
У камина тепло и светло.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Ночь темна, ветер в улице дует широкой,
Тускло светит фонарь, снег мешает идти.
Я устал! а до дому еще так далеко...
Дай к столбу прислонюсь, отдохну на пути.

Что за домик печально стоит предо мною!
Полуночники люди в нем, видно, не спят;
Есть огонь, заболтались, знать, поздней порою!..
Вон две свечки на столике дружно горят.

А за столиком сидя старушка гадает;
И об чем бы гадать ей на старости дней?..
Возле женщина тихо младенца качает;
Видно, мать! Сколько нежности в взоре у ней!

И как мил этот ангел, малютка прелестный!
Он с улыбкой заснул у нее на руках;
Может, сон ему снится веселый, чудесный,
Может, любо ему в его детских мечтах.

Но старушка встает, на часы заглянула,
С удивленьем потом потрясла головой,
Вот целуется, крестит и будто вздохнула...
И пошла шаг за шагом дрожащей стопой.

Свечки гасят, и в доме темно уже стало,
И фонарь на столбе догорел и погас...
Видно, в путь уж пора, ночь глухая настала.
Как на улице страшно в полуночный час!

А старушка недолго побудет на свете,
И для матери будет седин череда,
Развернется младенец в пленительном свете,—
Ах! бог весть! я и сам жив ли буду тогда.

ПРОЩАНЬЕ С КРАЕМ, ОТКУДА Я НЕ УЕЗЖАЛ

Прощай, прощай, моя Россия!
Еще недолго — и уж я
Перелечу в страны чужие,
В иные, светлые края.
Благодарю за день рожденья,
За ширь степей и за зиму,
За сердцу сладкие мгновенья,
За горький опыт, за тюрьму,
За благородные желанья,
За равнодушие людей,
За грусть души, за жажду знанья,
И за любовь, и за друзей,—
За все блаженство, все страданья;
Я все люблю, все святы мне
Твои, мой край, воспоминанья
В далекой будут стороне.
И о тебе не раз вздохну я,
Вернусь — и с теплою слезой
На небо серое взгляну я,
На степь под снежной пеленой...

<К М. Л. ОГАРЕВОЙ>

18 декабря, вечером

1

Хочу еще письмо писать
От делать нечего и скуки
И время длинное разлуки
Стихом причудливым занять.
Я здесь один и словно в пытке:
Тоска, и на сердце темно;
Сижу на месте, а давно
Мне быть хотелось бы в кибитке.
Как все живут, и я живу:
Все недоволен всем на свете;
Зимой скучаю я об лете,
А летом зиму я зову;
В Москве разладил я с Москвою,
В деревне грустно по Москве,—
Кататься буду по Неве —
И стану рваться в степь душою.
Что делать? — так устроен свет!
У всех неясное стремленье,
Все ищут с жизнью примиренья,
И я ищу — да, видно, нет.
Порою люди надоели,
Там недоволен сам собой;
Тоскуешь часто день-деньской
И ночь не спится на постеле.
Грустить, желать! — к чему желанья?
Что надо, то устроит бог,

Желал же Фауст — да не мог
Объехать с солнцем мирозданья!..
Но все мне на груди твоей
Бывает сладко так, Мария.
О! есть мгновения святые,
Где я далек тоски моей.
Есть сладость — сладость поцелуя,
Есть в мире счастие — любовь —
И в этом жизнь для сердца вновь
И веру юную найду я.

2

Попозже

Дай расскажу тебе, мой друг,
Всю жизнь мою. «Зачем? — ты скажешь,—
Ты нового мне не расскажешь,
Я знаю все. К тому же вдруг
Сказать всю жизнь — как это много!»
Да так хочу — что ж делать с тем?
Потребность не уймешь ничем,—
Итак, послушай, ради бога,
Я не могу не говорить,
Здесь много так воспоминаний,
Здесь осужден былых преданий
Я в память много приводить.
Здесь был ребенком я. Тогда
Я молчалив, как ныне, был,
Бродить я по саду любил;
Сидеть на берегу пруда,
Когда на запад день склонялся,
По лону вод, как жар горел,
А я все на воду смотрел,
Где тихо поплавок качался,—
Смотрел и ждал, когда придет,
Крючок обманчивый лаская,
Играть им рыбка золотая
И быстро с ним ко дну мелькнет.

МНОГО ГРУСТИ!

Природа зноем дня утомлена
И просит вечера скорей у бога,
И вечер встретит с радостью она,
Но в этой радости как грусти много!

И тот, кому уж жизнь давно скучна,
Он просит старости скорей у бога,
И смерть ему на радость суждена,
Но в этой радости как грусти много!

А я и молод, жизнь моя полна,
На радость мне любовь дана от бога,
И песнь моя на радость мне дана,—
Но в этой радости как грусти много!

ДРУЗЬЯМ

Мы в жизнь вошли с прекрасным упованьем,
Мы в жизнь вошли с неробкою душой,
С желаньем истины, добра желаньем,
С любовью, с поэтической мечтой,
И с жизнью рано мы в борьбу вступили,
И юных сил мы в битве не щадили.
Но мы вокруг не встретили участья,
И лучшие надежды и мечты,
Как листья средь осеннего ненастья,
Попадали и сухи и желты,—
И грустно мы остались между нами,
Сплетяся дружно голыми ветвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувств, и образов, и дум
В душе глубоко погребли... И что же?
Упрек ли небу скажет дерзкий ум?
К чему упрек?.. Смиренье в душу вложим
И в ней затворимся — без желчи, если можем.

FASHIONABLE

Я люблю, мой fashionable,
Ваши речи и ухватки;
Ваши речи уж, конечно,
И остры и очень сладки.

Как вы мило говорите,
Сидя близ аристократки,—
Каламбуры, анекдотцы,
Комплименты и загадки.

Если вы в лорнет глядите,
То вдруг смело, то украдкой —
Я любуюсь вашей ручкой,
Вашей лайковой перчаткой.

Но нельзя ли издали мне
Наслаждаться речью сладкой,
И не жмите вы руки мне
Вашей лайковой перчаткой!

В АЛЬБОМ

Хотя живу я и давно,
Душа привычке не послушна
С людьми встречаться холодно
И расставаться равнодушно.

Я имя темное в альбом
И грустный стих вам на прощанье
Пишу, чтобы оставить в нем
Вам о себе воспоминанье.

В часы надменной суеты,
В часы тщеславного веселья,—
Альбома этого листы
Вы не тревожьте от безделья

И не ищите строк моих —
Они покажутся вам скучны;
Вы взор уроните на них
И отведете равнодушно.

Но если будет грустно вам,
Тогда альбом вы разверните,
Рукой тревожною вы там
Страницу эту отыщите,

И на печальный ваш призыв,
На голос тайного недуга
Найдете вы себе отзыв
И теплое участье друга.

SERENADE

Песнь моя летит с мольбою
Тихо в час ночной.
В рощу легкою стопою
Ты приди, друг мой.
При луне шумят уныло
Листья в поздний час,
И никто, о друг мой милый,
Не услышит нас.
Слышишь, в роще зазвучали
Песни соловья,
Звуки их полны печали,
Молят за меня.
В них понятно все томленье,
Вся тоска любви,
И наводят умиленье
На душу они.
Дай же доступ их призванью
Ты душе своей
И на тайное свиданье
Ты приди скорей!

ПУТНИК

Дол туманен, воздух сыр,
Туча небо кроет,
Грустно смотрит тусклый мир,
Грустно ветер воет.

Не страшися, путник мой,
На земле все битва;
Но в тебе живет покой,
Сила да молитва.

ПОЛДЕНЬ

Полуднем жарким ухожу я
На отдых праздный в темный лес
И там ложусь, и все гляжу я
Между вершин на даль небес.
И бесконечно тонут взоры
В их отдаленьи голубом;
А лес шумит себе кругом,
И в нем ведутся разговоры:
Щебечет птица, жук жужжит,
И лист засохший шелестит,
На хворост падая случайно,—
И звуки все так полны тайной...
В то время странным чувством мне
Всю душу сладостно объемлет;
Теряясь в синей вышине,
Она лесному гулу внемлет
И в забытьи каком-то дремлет.

ЗВУКИ

Как дорожу я прекрасным мгновеньем!
Музыкой вдруг наполняется слух,
Звуки несутся с каким-то стремленьем,
Звуки откуда-то льются вокруг,
Сердце за ними стремится тревожно,
Хочет за ними куда-то лететь —
В эти минуты растаять бы можно,
В эти минуты легко умереть.

ВЕЧЕР

Когда настанет вечер ясный,
Люблю на берегу пруда
Смотреть, как гаснет день прекрасный
И загорается звезда,
Как ласточка, неуловимо
По лону вод скользя крылом,
Несется быстро, быстро мимо —
И исчезает... Смутным сном
Тогда душа полна бывает —
Ей как-то грустно и легко,
Воспоминанье увлекает
Ее куда-то далеко.
Мне грезятся иные годы,
Такой же вечер у пруда,
И тихо дремлющие воды,
И одинокая звезда,
И ласточка — и все, что было,
Что сладко сердце разбудило
И промелькнуло навсегда.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВОИНА

Кругом весь лагерь в тишине,
Объят глубоким сном;
А на сердце так тяжко мне,
Так много грусти в нем.
Я на груди у ней мечтал
Когда-то в тихом сне,
Очаг радушно так пылал,
И было сладко мне.
А здесь, где пламень роковой
Сверкает на мечах,
Я грустен, одинок душой
И слезы на глазах.
Но есть еще надежда мне —
Мне скоро в бой идти,
И я забудусь в вечном сне,
Мой милый друг, прости.

NOCTURNO

Как пуст мой деревенский дом,
Угрюмый и высокий!
Какую ночь провел я в нем
Бессонно, одинокий!
Уж были сумраком давно
Окрестности одеты,
Луна светила сквозь окно
На старые портреты;

А я задумчивой стопой
Ходил по звонкой зале,
Да тень еще моя со мной —
Мы двое лишь не спали.
Деревья темные в саду
Качали все ветвями,
Впросонках гуси на пруду
Кричали над волнами,

И мельница, грозя, крылом
Мне издали махала,
И церковь белая с крестом,
Как призрак, восставала.
Я ждал знакомых мертвецов —
Не встанут ли вдруг кости,
С портретных рам, из тьмы углов
Не явятся ли в гости?..

И страшен был пустой мне дом,
Где шаг мой раздавался,

И робко я внимал кругом,
И робко озирался.
Тоска и страх сжимали грудь
Среди бессонной ночи,
И вовсе я не мог сомкнуть
Встревоженные очи.

NOCTURNO

Волна течет, волна шумит,
И лодка при луне,
Махая веслами, бежит
И плещет по волне.
И в каждой брызге от весла
Мерцает свет луны,
И по реке, где лодка шла,
Еще следы видны.

Кругом все тихо, берег спит...
Но кто же в лодке той
В плаще задумчиво стоит
С открытой головой?
Развиты кудри, бледен вид
Печального лица,
Весь сам в себе — и не глядит
На старого гребца.

Он все глядит туда, туда,
На дальний небосклон,
И если падает звезда,—
Тогда в раздумьи он
Качает грустно головой,
Вздыхает тяжело,
Как будто бы ему с собой
Сравненье в мысль пришло.

Ах! видно, много он страдал,
И много он любил,

И много горя в жизни знал
И счастья схоронил...
Волна течет, волна шумит,
И лодка при луне,
Махая веслами, бежит
И плещет по волне.

ПОХОРОНЫ

Уж тело в церкви. Я взошел
Рассеянно. Толпа народа!
Покойник зрителей навел,
Как падаль воронов.— У входа
Дерутся нищие; тайком
Попы о деньгах в жадном споре.
Один вопрос у всех кругом:
«Кто это умер?» — В каждом взоре
Смешное любопытство.— Я
Досадовал; мне гадко стало,
И злоба тайная меня
В душе взбешенной волновала...
О! люди, люди!.. Мне на ум
Пришли покойного пороки,
И про себя, средь тяжких дум,
Я вымышлял ему упреки.
Взглянул на гроб его потом...
Мне стало грустно... Тощий, бледный,
Лежал покойник тихо в нем
С улыбкой горькой. Бедный, бедный!
Мне стало жаль его, и я
Ему сказал: «Спи, мертвый, с богом!
Тревожить не хочу тебя
Ни в помыслах, ни в слове строгом».
И долго, долго на него
Смотрел я с тихим сожаленьем...
Когда ж в могилу гроб его
Мы опустили с грустным пеньем,—
Я бросил горсть земли туда,
«Прощай,— шепнул ему уныло,—
Ступай же с миром».— Ну куда?..
Не знаю — глухо за могилой.

ОСЕНЬ

Когда осеннею порою
Холодным воздухом пахнет,
И тучи серой пеленою
Угрюмо в небе разовьет,
И тускло станет днем печальным,
И стелется туман кругом,—
Люблю я ехать лесом дальним,
Шаг за шаг, на коне верхом,—
А конь шумит, по листьям сбитым
Ступая кованым копытом.

Люблю я слушать ветра свист,
Следить его опустошенья,
Смотреть, как рвется желтый лист,
И слушать шум его паденья.
Тогда лишь ворон средь лесов
Живет в безмолвьи одиноком;
Услыша с дуба звук шагов,
Глядит кругом он зорким оком,
Махает крыльями и вдруг
В глуши скрывает свой испуг.

Все так печально, так уныло,
Все так прощается со мной
И говорит, что уж отжило...
Воспоминанье той порой
Весну мне прежнюю рисует,
Мечта несется к старине,
И сердце любит и тоскует,
И грустно так бывает мне,
И воскресают из забвенья
Былые люди и виденья.

СТАНСЫ

(Из Байрона)

Ни одна не станет в споре
Красота с тобой,
И, как музыка на море,
Сладок голос твой.
Море шумное смирилось —
Будто звукам покорилось,
Тихо лоно вод блестит,
Убаюкан ветер спит.

На морском дрожит просторе
Луч луны, блестя,
Тихо грудь вздымает море,
Как во сне дитя.
Так душа, полна вниманья,
Пред тобой в очарованьи —
Тихо все, но полно в ней,
Будто летом зыбь морей.

ФАНТАЗИЯ

Свеча горит. Печальным полусветом
Лучи блуждают по стене пустой
Иль бродят по задумчивым портретам.
Закрыл я книгу. С буквою немой
Расстался наконец. Что толку в этом?
Душа бежит учености сухой.
Теперь хочу роскошных наслаждений
И наяву я жажду сновидений.

Какой-то звук, то робкий, то мятежный,
В ночи звучит; я музыкою полн,
Я весь в мелодии теряюсь нежной...
Мне грезится: качаясь, легкий челн
Меня влечет, шумит тростник прибрежный,
И звучен плеск в реке бегущих волн,
Мне с берегов цветы благоухают,
Сквозь тонкий пар с небес луна сияет.

Вот предо мной во мгле лежит Верона...
Чуть дышит воздух теплый, ночь пышна,
Джульетты голос слышен мне с балкона...
Ребенок страстный — вся любовь она.
Но кто поет? Ты ль это, Дездемона?
Как песнь твоя мечтательно грустна!
Душа полна любви, полна желаний,
И с уст невинных жажду я лобзаний.

Я забываюсь в сладком усыпленьи,
И тени милые передо мной
В причудливом несутся сновиденьи.

Я счастлив, я блаженствую душой...
Но будит вдруг внезапное волненье,
Еще ловлю я сон прекрасный мой,
Душа грустит, стремяся и желая,
Трещит свеча, печально догорая...

ТАНТАЛ

Вокруг меня журчит струя,
Но до воды хочу лишь я
Коснуться жаркими устами,—
Она уж льется прочь волнами;
С дерев прибережных ко мне
С плодами ветви гнутся, гнутся,
Но лишь хочу сорвать — оне
Вдруг зашумят и разогнутся,
И, насмехаясь в вышине,
Плоды далеко остаются.
И страшным голодом томим,
И страшной жаждою палим,
Дышу тревожно я, дыханье
Мое — огонь, внутри горит,
Гортань суха, тоска томит,
И даже слез нет на страданье!..
О! если бы когда-нибудь
С своих высот взглянули боги —
Как у меня ввалилась грудь,
Как исхудали руки, ноги,
Наружи ребра, желчина
Покрыла впалые ланиты,
Глаза безумные открыты,
Ни день, ни ночь не зная сна,—
Им стало б жаль... Но без вниманья
К моей страдальческой судьбе
Они едят и пьют себе,
Всегда довольны, без желанья.

А я томлюся день и ночь
И мук не в силах превозмочь,
И в ваш Олимп недостижимый
Проклятье, боги, вам я шлю
За голод мой неутолимый,
За жажду вечную мою!
За то, что вы всегда в покое
И что мученье — жизнь моя,
И наконец проклятье вдвое
За то, что все ж бессмертен я!

* * *

Как жадно слушал я признанья
Любви глубокой и святой!
О, как ты полон упованья!
О, как ты бодр еще душой!
Ты счастлив, друг мой, дай мне руку...
Но, брат, пока ты говорил —
Какую тягостную муку
Я про себя в душе таил!..
И не скажу, о чем тоскую...
Я затворен в себе самом;
Я сердца ран не уврачую,
С участьем буду незнаком.
К чему пишу? И сам не знаю;
Но хочется кому-нибудь
Сказать, что втайне я страдаю
И что тяжел мне жизни путь;
Тебе же внутренних движений
Оттенки так понятны, друг...
Но мне не надо сожалений,
Лекарств не требует недуг.
Не спрашивай, о чем страданье
Души моей и от чего;
Но на меня ты, при свиданьи,
Не говоривши ничего,
Взгляни печально, и, быть может,
Руки пожатье мне поможет.

ПОЭЗИЯ

Когда сижу я ночью одиноко
И образы святые в тишине
Так из души я вывожу глубоко,
И звонкий стих звучит чудесно мне,—

Я счастлив! мне уж никого не надо.
Весь мир во мне! Создание души
Самой душе есть лучшая отрада,
И так его лелею я в тиши...

И вижу я тогда, как дерзновенно,
Исполнен мыслью, дивный Прометей
Унес с небес богов огонь священный
И в тишине творит своих людей...

ДОРОГА

Тускло месяц дальний
    Светит сквозь тумана,
И лежит печально
    Снежная поляна.
Белые с морозу
    Вдоль пути рядами
Тянутся березы
    С голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
    Колокольчик звонок,
Напевает тихо
    Мой ямщик спросонок.
Я в кибитке валкой
    Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
    Сторону родную.

КАБАК

Выпьем, что ли, Ваня,
    С холода да с горя;
Говорят, что пьяным
    По колено море.
У Антона дочь-то
    Девка молодая:
Очи голубые,
    Славная такая.
Да богат он, Ваня:
    Наотрез откажет;
Ведь сгоришь с стыда, брат,
    Как на дверь укажет.
Что я ей за пара? —
    Скверная избушка...
А оброк-то, Ваня,
    А кормить старушку!
Выпьем, что ли, с горя?
    Эх, брат! да едва ли
Бедному за чаркой
    Позабыть печали!

* * *

Тебе я счастья не давал довольно,
Во многом я тебя не понимал,
И мучил я тебя и сам страдал...
Теперь я еду, друг мой! сердцу больно:
И я с слезой скажу тебе — прощай!
Никто тебя так не любил глубоко...
И я молю тебя: ты вспоминай
Меня, мой друг, без желчи, без упрека,
Минутам скорбным ты забвенье дай
И помни лишь, что я любил глубоко
И с грустию сказал тебе — прощай!
Теперь блуждать в стране я стану дальней!..
Мне тяжело. Еще лета мои
Так молоды; но в жизни я печальной
Растратил много веры и любви.
Живу я большей частью одиноко,
Все сам в себе. Но ты не забывай,
Что я, мой друг, тебя любил глубоко
И с грустию сказал тебе — прощай!..

LE CAUCHEMAR

Мой друг! меня уж несколько ночей
Преследует какой-то сон тревожный;
Встает пред взором внутренним очей
Насмешливо и злобно призрак ложный,
И смутно так все в голове моей,
Душа болит, едва дышать мне можно,
И стынет кровь во мне... Хочу я встать,
И головы не в силах приподнять.

То Фауст вдруг, бессменною тоской,
Желаньем и сомнением убитой,
Идет ко мне задумчивой стопой
С погубленной, безумной Маргаритой;
И Мефистофель тут; на них рукой
Он кажет мне с улыбкой ядовитой,
Другую руку мне кладет на грудь,
Я трепещу и не могу дохнуть.

Потом я вдруг Манфредом увлечен;
Тащит меня, твердя о преступленьи,
Которому давно напрасно он
У бога и чертей просил забвенья...
Уж вот на край я бездны приведен,
Стремглав мы вниз летим — и нет спасенья...
Я замираю, и по телу лед
С губительным стремлением идет.

Но вдруг стоит принц Гамлет предо мной,
Стоит и хохотом смеется диким...
Безумный, нерешительный герой
Не мог любить, ни мстить, ни быть великим,—

И говорит, что точно я такой,
С характером таким же бледноликим...
И я мечтой в прошедших днях ношусь,
И сам себе так гадок становлюсь...

Насилу сон слетел с тяжелых век!..
Я Байрона и Гёте начитался,
И мне дался Шекспиров человек —
И только!.. В жизни ж я и не сближался
С их лицами, да и не сближусь ввек...
Но холод долго в теле разливался,
И долго я еще не мог вздохнуть
И в темные углы не смел взглянуть...

ПРОМЕТЕЙ

Прочь, коршун! больно! Подлый раб,
Палач Зевеса!.. О, когда б
Мне эти цепи не мешали,
Как беспощадно б руки сжали
Тебя за горло! Но без сил,
К скале прикованный, без воли,
Я грудь мою тебе открыл,
И каждый миг кричу от боли,
И замираю каждый миг...
На мой безумно жалкий крик
Проснулся отголосок дальний,
И ветер жалобно завыл
И прочь рванулся что есть сил,
И закачался лес печальный;
Испуга барс не превозмог —
Сверкая желтыми глазами,
Он в чащу кинулся прыжками;
Туман седой на горы лег,
И море дальнее, о скалы
Дробяся, глухо застонало...
Один спокоен царь небес —
Ничем не тронулся Зевес!

Завистник! Он забыть не может,
Что я творец, что он моих
Созданий ввек не уничтожит;
Что я с небес его для них
Унес огонь неугасимый...
Ну что же, бог неумолимый,

Ну, мучь меня! Еще ко мне
Пошли хоть двадцать птиц голодных,
Неутомимых, безотходных,
Чтоб рвали сердце мне оне —
А все ж людей я создал! — Твердый,
Смеясь над злобою твоей,
Смотрю я, непокорный, гордый,
На красоту моих людей.
О! хорошо их сотворил я,
Во всем подобными себе:
Огонь небесный в них вселил я
С враждою вечною к тебе,
С гордыней вольною Титана
И непокорностью судьбе.

Рви, коршун, глубже в сердце рану —
Она Зевесу лишь позор!
Мой крик пронзительный — укор
Родит в душах моих созданий;
За дар томительный страданий
Дойдут проклятья до небес —
К тебе, завистливый Зевес!
А я, на вечное мученье
Тобой прикованный к скале,
Найду повсюду сожаленье,
Найду любовь по всей земле,
И в людях, гордый сам собою,
Я наругаюсь над тобою.

* * *

Когда тревогою бесплодной
Моя душа утомлена,
И я брожу в тоске холодной,
И жизнь мне кажется скучна,
И мне случится ненарочно
Увидеть, как в беспечном сне
Лежит младенец непорочный,
Как ангел божий,— легче мне.
Гляжу я долго на ребенка:
Как хорошо, невинно он
Раскинул ножки и ручонки!
Какой он грезит светлый сон!
Легко улыбка сохранилась
На чуть растворенных устах,
И тихо мать над ним склонилась
С такою нежностью в очах...
Мне легче, да! и в умиленьи
Я так глубоко верю вновь,
Что на земле есть наслажденье,
Есть чистота и есть любовь.

МЛАДЕНЕЦ

Сидела мать у колыбели;
Дитя спало, но в странном сне:
Его уста уж не алели,
А будто улыбались мне.
Свеча бросала отблеск бледный,
Ребенок бледен был лицом.
Я думал: спи, малютка бедный,
Пока ты с горем незнаком.

Придет пора — и вспыхнут страсти,
В сомненьях истомится ум,
И станет рваться грудь на части,
И лоб наморщится от дум;
И, может быть, среди обмана,
Надежд напрасных и сует
Ты пожалеешь слишком рано
О том, что был рожден на свет.

И я на мать взглянул уныло —
Увидел слезы на глазах,
Лицо ее так грустно было,
Так много скорби на устах.
Я подошел: передо мною
Лежало мертвое дитя,
А мать качала головою —
И в холод бросило меня...

GASTHAUS ZUR STADT ROM

Луна печально мне в окно
Сквозь серых туч едва сияла;
Уж было в городе темно,
Пустая улица молчала,
Как будто вымерли давно
Все люди... Церковь лишь стояла
В средине площади одна,
Столетней жизнию полна.

Свеча горела предо мной;
Исполнен внутренним страданьем,
Без сна сидел я в час ночной,
Сидел, томим воспоминаньем,
И беспредметною тоской,
И безотчетливым желаньем,—
И сердце ныло, а слеза
Не выступала на глаза.

Но вот коснулись до меня
Из комнаты соседней звуки:
Как вихрь, по клавишам звеня,
Тревожно пронеслися руки;
Потом аккорды слышал я,
И женский голос, полный муки,
Любви тоскующей души,
Мне зазвучал в ночной тиши.

Qual cuor tradesti! Кто же мог
Встревожить женщину обманом?

Кто душу светлую облек
Тоски безвыходной туманом?
Любовь проснулась на упрек,
И совесть встала великаном,
Но слишком поздно он узнал,
Какое сердце разорвал.

Любовь проходит, и темно
Становится в душе безродной;
Былое будишь — спит оно,
Как вялый труп в земле холодной,
И сожаленье нам одно
Дано с небес, как дар бесплодный...
Но смолкла песнь; они потом
Иную песнь поют вдвоем.

И в этой песне дышит вновь
Души невольной умиленье,
И сердца юного любовь,
И сердца юного стремленье;
Не бурно в жилах бьется кровь,
Но только тихое томленье
От полноты вздымает грудь,
И сладко хочется вздохнуть.

Я им внимаю в тишине —
Они поют, а сердцу больно;
Они поют мне о весне,
Как птички в небе — звучно, вольно,
И хорошо их слушать мне,
А все ж страдаю я невольно;
Их песнь светла, в ней вера есть —
Мне сердца ран не перечесть.

Они счастливы, боже мой!
Кто вы, мои певцы,— не знаю,
Но с наслажденьем и тоской
Я, странник грустный, вам внимаю.
Блаженствуйте! я со слезой
Вас в тишине благословляю!
Любите вечно! жизнь в любви —
Блаженный сон, друзья мои.

Живите мало. Странно вам?
Ромео умер, с ним Джульетта —
Шекспир знал жизнь, как бог,— мы снам
Роскошно верим в юны лета,
Но сухость жизнь наводит нам...
Да мимо йдет чаша эта,
Где сожаленье, и тоска,
И грустный холод старика!

Блаженны те, что̀ в утре дней
В последнем замерли лобзаньи,
В тени развесистых ветвей,
Под вечер майский, при журчаньи
Бегущих вод,— и соловей
Им пел надгробное рыданье,
А ворон тронуть их не смел
И робко мимо пролетел.

* * *

Туман упал на снег полей
И утро дышит холодно,
И в небе солнце без лучей
Стоит как бледное пятно.
И горе страннику, чей взор
Не видит дале — близорук! —
И чьи уста твердят укор,
Кто духом пал под ношей мук.
Но верю я, что там лежит
Безбрежно тихий, теплый край,
Где солнце яркое блестит,
Цветет и дышит вечный май.
Сквозь мглу унылую смотрю,—
Душе ясна иная даль,
И бога я благодарю
И за туман и за печаль.

* * *

Я наконец оставил город шумный,
Из душных стен я вырвался на миг;
За мною смолкнул улиц треск безумный,
И вдалеке докучный говор стих,
И вот поля равниною безбрежной
В вечернем блеске дремлют безмятежно.

Люблю я вас, вечерние отливы
И с далью неба слитый край земли,
Цветок лазурный между желтой нивы
И птички песню звонкую вдали.
О, как давно уже в тиши раздольной
Я не дышал беспечно и привольно!

Мне хорошо... но отчего ж так грустно?
Душа мягка и вместе больно ей,
И сельский быт невинный, безыскусный
Меня томит, как память детских дней.
Утратилось невинности значенье,
Тоскует грудь в тяжелом умиленьи.

О́, по душе прошло с тех пор так много —
Гнет истины, ошибок суета,
Порок, страстей безумная тревога,
И сладкой жажды чу́вствовать тщета,
Рассудка власть и грозная работа,
И мелкой жизни мелкая забота.

Поля, поля! ваш мир меня объемлет,
Но кротких чувств он не приносит мне;
Как прежде, сердце в тихом сне не дремлет...
Вы мне теперь, в вечерней тишине,
Растроганность болезненную дали,
Слезу души и внутренней печали.

РАЗОРВАННОСТЬ

Я много думал — и постиг,
Что божий мир спокоен, ясен,
Что в жизни каждый миг прекрасен,
Что в жизни каждый миг велик;
Но тихо шепчет возраженье
Души невольное мученье!
И тщетно примиряет ум
Противуречия без счету —
Тяжел вседневной жизни шум,
Сухая мелкая забота;
Душа не знает, что просить,
И вся она полна желаньем,
И разума с своим страданьем
Ей никогда не примирить.
Спокоен ум, а сердцу больно,
В груди огонь и кровь кипит,
И слезы катятся невольно —
Тоска томит, тоска томит!..
Ты рвешься ль к небу, пламенея,
Земных ли благ желать готов,—
Все злобный коршун Прометея
Вонзает в сердце жадный клёв.

ХАРАКТЕР

Ребенком он упрям был и резов,
И гордо так его смотрели глазки;
Лишь матери его смиряли ласки,
Но не внимал он звуку грозных слов.
Про витязей бесстрашных слушать сказки
Любил в тиши он зимних вечеров,
Любил безбрежие степи раздольной,
Следил полет далекий птицы вольной.

Провел он буйно юные года:
Его везде пустым повесой звали,
Но жажды дел они в нем не узнали
Да воли сильной, в мире никогда
Простора не имевшей... Дни бежали,
Жизнь тратилась без цели, без труда;
Кипела кровь бесплодно... Он был молод,
А в душу стал закрадываться холод.

Влюблен он был и разлюбил; потом
Любил, бросал, но — слабых душ мученья —
Не знал расканья и сожаленья.
Он рано поседел. В лице худом
Явилась бледность. Дерзкое презренье
Одно осталось в взоре огневом,
И речь его, сквозь уст едва раскрытых,
Была полна насмешек ядовитых.

* * *

Она никогда его не любила,
А он ее втайне любил;
Но он о любви не выронил слова:
В себе ее свято хранил.

И в церкви с другим она обвенчалась;
Попрежнему вхож он был в дом,
И молча в лицо глядел ей украдкой,
И долго томился потом.

Она умерла. И днем он и ночью
Все к ней на могилу ходил;
Она никогда его не любила,
А он о ней память любил.

ИЗБА

Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узора
Мерзлого окна.

Вечер зимний длится,
Дедушка в избе
На печи ложится
И уж спит себе.

Помоляся богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу
Стали засыпать.

Только, за работой,
Молодая дочь
Борется с дремотой
Во всю долгу ночь,

И лучина бледно
Перед ней горит.
Все в избушке бедной
Тишиной томит;

Лишь звучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

ДИЛИЖАНС

Уж смерклося почти, когда мы сели,
И различить моих соседей я
Совсем не мог. Они еще шумели,
Беседою несносною меня
Терзали. Все мне так ужасно были
Противны. Треск колес и глупый звук
Бича мне слух докучливо томили.
Печально в угол я прилег. Но вдруг
Из хижин к нам на миг блеснули свечи,
Я женщину увидел близ меня:
Мантильей черной покрывая плечи,
Она сидела, голову склоня;
Глаза ее горели грустью томной,
И бледен был печальный лик ея,
И из-под шляпки вился локон темный...
Какое сходство, боже! Грудь моя
Стеснилась, холод обдал тайный...
Опять оно; виденье давних дней,
Передо мной воскресло так случайно!
И я с нее не мог свести очей;
Сквозь тьму глядя на лик едва заметный,
Тревожно жизнь мою я повторял,
И снова был я молод и приветно
Кругом с улыбкой божий мир взирал,
И я любил так полно и глубоко —
О, как же я был счастлив в этот раз!
И я желал, чтоб нам еще далеко,
Далеко было ехать; чтобы нас
Без отдыха везла, везла карета,
И не имел бы этот путь конца,
И лучшие я пережил бы лета,
Смотря на очерк этого лица!

ВСТРЕЧА

Друзья они смолоду были,
Но рано расстались они
И встретились после случайно
Чрез долгие годы и дни.

И как же они удивились!
Уж лица наморщены их,
И головы были седые,
И сгорблены спины у них.

Старик старику подал руку
И молча смотрел — и никто
Из них не сказал, сколько было
Им внутренних бурь прожито.

* * *

Когда среди людей стою я одинок
И взор нечаянно встречает в их собраньи
Красавицу — едва раскрывшийся цветок,
Грациозно-легкое, роскошное созданье,
Мне вдруг становится так страшно за нее!
Я думаю — как локон русый поседеет,
Чело наморщится, согнется стан ее,
Померкнет ясный взор и жизнь оцепенеет...
И мало ли с чего нам можно постареть!
Есть тайная тоска, с нее стареют рано;
И мало ли с чего нам можно умереть,
Есть скорби тайные, с них умирают рано.

АМЕРИКА

Среди океана
Лежала страна,
И были покойны
Ее племена.
Под небом лазурным
Там пальмы росли
На почве обильной
Прекрасной земли.
Беспечны и вольны
Там были — отцы,
И жены, и дети,
И мужи — бойцы.
Пришли европейцы:
Земля им нужна —
И стали туземные
Гнать племена.
И всех истребили,—
Последний бежал,
В лесах проскитался,
Без вести пропал.
Нет даже преданий!
Прошло время то,
И как оно жило —
Не знает никто.
И знаем мы только:
Теперь его нет!
Зачем оно было?
Кто даст мне ответ?

* * *

Я помню робкое желанье,
Тоску, сжигающую кровь,
Я помню ласки и признанье,
Я помню слезы и любовь.
Шло время — ласки были реже
И высох слез поток живой,
И только оставались те же
Желанья с прежнею тоской.
Просило сердце впечатлений,
И теплых слез просило вновь,
И новых ласк, и вдохновений,
Просило новую любовь.
Пришла пора — прошло желанье,
И в сердце стало холодно,
И на одно воспоминанье
Трепещет горестно оно.

СОСЕДКЕ

В деревне, в мирном уголке,
Я помню, в детстве мы играли
В саду весною на песке,
По вечерам осенним — в зале.
Меня в столицу увезли;
Я вырос — вы большие тоже,
Но вы в деревне расцвели
На бледный цвет полей похоже.
Я не забочусь о себе —
Нет нужды, что б со мной ни сталось;
Но в вашей будущей судьбе
Прочесть страницу бы желалось.
Что? влюблены вы или нет?
Мечтаете ли ночью звездной?
Иль без любви, не зная свет,
Взросли вы барышней уездной,
И просто надо наконец
Вам замуж — и без нежной страсти
Вы побредете под венец,
Покорны папенькиной власти?
Гадали ль вы про женихов?
Кто ж вышел? Тот ли сердцу близкий,
Или сосед, что любит псов,
Плечами дюжий, ростом низкий?
Да в нашей грустной стороне —
Скажите — что ж и делать боле,
Как не хозяйничать жене,
А мужу с псами ездить в поле!

ОБЫКНОВЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели —
Река была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пели;
Тянулся за рекою дол,
Спокойно, пышно зеленея;
Вблизи шиповник алый цвел,
Стояла темных лип аллея.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели —
Во цвете лет была она,
Его усы едва чернели.
О, если б кто увидел их
Тогда, при утренней их встрече,
И лица б высмотрел у них
Или подслушал бы их речи —
Как был бы мил ему язык,
Язык любви первоначальной!
Он, верно б, сам, на этот миг,
Расцвел на дне души печальной!..
Я в свете встретил их потом:
Она была женой другого,
Он был женат, и о былом
В помине не было ни слова.
На лицах виден был покой,
Их жизнь текла светло и ровно,
Они, встречаясь меж собой,
Могли смеяться хладнокровно...

А там, по берегу реки,
Где цвел тогда шиповник алый,
Одни простые рыбаки
Ходили к лодке обветшалой
И пели песни — и темно
Осталось, для людей закрыто,
Что было там говорено
И сколько было позабыто.

ДЯДЕ КРОНОСУ

(Из Гёте)

Ну, скорей, Кронос!
Шумною рысью вперед!
Вниз по горе все дорога.
Что ж?... Голова у меня
С тихой езды закружилась.
Живо, хоть тряско, вперед
Рысью по камням и кочкам
В жизнь поскорей выезжай!

Ну! уж опять ты
Шагом несносным с трудом
В гору поехал, ленивый!
Ну же, проснись и пошел
Кверху, стремясь и надеясь!

Взгляд необъятный, но чудный,
Взгляд, открывающий жизнь,—
Вдаль, вниз и вверх через горы
Вечный проносится дух
С предчувствием вечныя жизни.

В сторону манит тебя
Тень под навесом,
Манит живительный взор
Девы, что тут у порога.
Здесь наслаждайся — о, мне,
Дева, шипящий напиток!
Мне жизни исполненный взор!..

Вниз поскорее поедем —
Солнце садится, смотри!
Едем, пока меня, старца,
Холод не обдал болот,
Кости дрожать не заставил,
Зубы об зубы стучать.

Ты меня, светом последним
Дня упоенным, вези;
Море огня перед взором
Мутным моим ты разлей —
Пусть ослепленный доеду
К тартара мрачным вратам.

Дядя! труби же ты в рог свой,
Громкую рысь протруби,
Оркус чтобы слышал: мы едем,
Тотчас у двери бы нас
Принял радушный хозяин.

* * *

К подъезду! — Сильно за звонок рванул я —
Что, дома? — Быстро я взбежал наверх.
Уже ее я не видал лет десять;
Как хороша она была тогда!
Вхожу. Но в комнате все дышит скукой,
И плющ завял, и шторы спущены.
Вот у окна, безмолвно за газетой,
Сидит какой-то толстый господин.
Мы поклонились. Это муж. Как дурен!
Широкое и глупое лицо.
В углу сидит на креслах длинных кто-то,
В подушки утонув. Смотрю — не верю!
Она — вот эта тень полуживая?
А есть еще прекрасные черты!
Она мне тихо машет: «Подойдите!
Садитесь! рада я вам, старый друг!»
Рука как желтый воск, чуть внятен голос,
Взор мутен. Сердце сжалось у меня.
«Меня теперь вы, верно, не узнали...
Да — я больна; но это все пройдет:
Весной поеду непременно в Ниццу».
Что отвечать? Нельзя же показать,
Что слезы хлынули к глазам от сердца,
А слово так и мрет на языке.
Муж улыбнулся, что я так неловок.
Какую-то я пошлость ей сказал
И вышел. Трудно было оставаться —
Поехал. Мокрый снег мне бил в лицо,
И небо было тускло...

ИСПОВЕДЬ

Мой друг, тебе хотел бы я
Сказать, что душу мучит;
Я знаю, исповедь моя
Тебе ведь не наскучит.
Да только лишь сказать хочу,
Как вдруг в лице я вспыхну,
Займется дух, и я молчу
И головой поникну.
А все бы я сказал тебе:
Люблю иль ненавижу,
Как я не верую судьбе,
Как мало в жизни вижу;
Да стыдно жаловаться мне,
А в том, что как-то чудно
Живет в душевной глубине,
Мне высказаться трудно.

* * *

Когда встречаются со мной
Под парчо́вой пеленой
И с упряжью печальной дроги,—
А мне нельзя свернуть с дороги,—
Мне мысль о смерти тяжела.
Не то, чтоб жизнь была мила;
Жить скучно — горе да сомненье,
Беда извне, внутри мученье,—
Да вот, когда воображу,
Что мертвый я в гробу лежу,
Что крышкою его накрыли,
И в крышку гвозди вколотили,
И в землю гроб спустили мой,
Да и засыпали землей,—
Душе обидно так и больно,
И тело дрожь берет невольно.

* * *

Что мне в сей жизни скучной?
Я лучше же уйду,
У лошади подручной
Взяв тонкую узду.
Не хуже подседельной
Она меня домчит
Туда, где неподдельно
Сияет жар ланит;
Где дева — coeli lumen —
Невинностью дыша,
Точь-в-точь святой игумен,
Не любит антраша;
Бежит от шума света,
Одну любовь любя,
Огнем души согрета,
Живет внутри себя
И чувствует оттуда,
Что пуст залог небес
И путь укажет чуда
В безвестный край чудес.

* * *

Гуляю я в великом божьем мире
И жадно впечатления ловлю,
И все они волнуют грудь мою,
И струны откликаются на лире.
Взойдет ли день, засветит ли луна,
Иль птица в роще темной встрепенется,
Или промчится с ропотом волна,—
Мне весело и хорошо поется.

Я слушаю, уходят взоры вдаль,
И вдруг в душе встает воспоминанье,
И воскресает прежняя печаль,
И ноет сердце, полное страданья.
Взойдет ли день, засветит ли луна,
Иль птица в роще темной встрепенется,
Или промчится с ропотом волна,—
И грустно мне и хорошо поется.

РЕЙН

Рейна широкого воды зеленые
Блещут в ночной тишине,
Светом задумчивым луны золоченые,
Льются и плещут оне.

Замков развалины, скалы пустынные
Дремлют в тумане ночном;
Веют таинственно саги старинные
В их запустеньи глухом.

Люди могучие, латы железные,
Копья, щиты и мечи,
Песни влюбленные, страстные, нежные,
Тихо воскресли в ночи.

Слушаю, слушаю с тайным волнением...
Песнь Лорелеи слышна!
Вот на верху скалы светлым видением,
Вижу, явилась она.

Очи лазурные, русые волосы,
Лик, озаренный луной,
Звуки волшебные звонкого голоса
Страстно владеют душой.

Хочется броситься в волны мне шумные,
К ней я плыву и тону,
Гибну — и сладко мне, с негой безумною
Пью студеную волну.

НА СМЕРТЬ Л<ЕРМОНТОВА>

Еще дуэль! Еще поэт
С свинцом в груди сошел с ристанья.
Уста сомкнулись, песен нет,
Все смолкло... Страшное молчанье!
Тут тщетен дружеский привет...
Все смолкло — грусть, вражда, страданье,
Любовь,— все, чем душа жила...
И где душа? куда ушла?

Но я тревожить в этот миг
Вопроса вечного не стану;
Давно я головой поник,
Давно пробило в сердце рану
Сомненье тяжкое,— и крик
В груди таится... Но обману
Жить не дает холодный ум,
И веры нет, и взор угрюм.

И тайный страх берет меня,
Когда в стране я вижу дальней,
Как очи, полные огня,
Закрылись тихо в миг прощальный,
Как пал он, голову склоня,
И грустно замер стих печальный
С улыбкой скорбной на устах,
И он лежал, бездушный прах.

Бездушней праха перед ним
Глупец ничтожный с пистолетом

Стоял здоров и невредим,
Не содрогаясь пред поэтом,
Укором тайным не томим,
И, может, рад был, что пред светом
Хвалиться станет он подчас,
Что верны так рука и глаз.

А между тем над мертвецом
Сияло небо, и лежала
Степь безглагольная кругом,
И в отдалении дремала
Цепь синих гор — и все в таком
Успокоеньи пребывало,
Как будто б миру жизнь его
Не составляла ничего.

А жизнь его была пышна,
Была роскошных впечатлений,
Огня душевного полна,
Полна покоя и волнений;
Все, все изведала она,
Значенье всех ее мгновений
Он слухом трепетным внимал
И в звонкий стих переливал.

Но века своего герой,
Вокруг себя печальным взором
Смотрел он часто — и порой
Себя и век клеймил укором,
И желчный стих, дыша враждой,
Звучал нещадным приговором...
Любил ли он, или желал,
Иль ненавидел — он страдал.

Сюда, судьба! ко мне на суд!
Зачем всю жизнь одно мученье
Поэты тягостно несут?
Ко мне на суд — о провиденье!
Века в страданиях идут,
Или без всякого значенья
И провиденье и судьба —
Пустые звуки и слова?

А как бы он широко мог
Блаженствовать! В душе поэта
Был счастья светлого залог:
И жар сердечного привета,
И поэтический восторг,
И рай видений, полных света,
Любовью полный взгляд на мир,
Раздолье жизни, вечный пир...

Мой бедный брат! дай руку мне,
Оледенелую дай руку,
И спи в могильной тишине.
Ни мой привет, ни сердца муку
Ты не услышишь в вечном сне,
И слов моих печальных звуку
Не разбудить тебя вовек...
Ты глух стал, мертвый человек!

Развеется среди степей
Мой плач надгробный над тобою,
И высохнет слеза очей
На камне хладном...— И порою,
Когда сойду я в мир теней,
Раздастся плач и надо мною,
И будет он безвестен мне...
Спи, мой товарищ, в тишине!

* * *

На севере туманном и печальном
Стремлюся я к роскошным берегам
Иной страны — она на юге дальнем.
Лечу чрез степь к знакомым мне горам —
На них заря блестит лучом прощальным;
Я дале к югу — наконец я там,
И, нежась, взор гуляет на просторе,
И Средиземное шумит и плещет море.

Италия! опять твой полдень жаркий,
Опять твой темносиний небосклон,
И ропот волн немолчный, блеск их яркий,
При лунной ночи пахнущий лимон,
Рыбак на море тихом с утлой баркой,
И черный локон смуглолицых жен.
И все там страсть, да песни, да картины,
Да Рима старого роскошные руины.

В Италии брожу и вновь тоскую:
Мне хочется опять к моим снегам,
Послушать песню грустную, родную,
Лететь на тройке вихрем по степям,
С друзьями выпить чашу круговую,
Да поболтать по длинным вечерам,
Увидеть взор спокойный, русый локон,
Да небо серое сквозь полумерзлых окон.

ВЕСНА

Еще лежит, белеясь средь полей,
Последний снег и постепенно тает,
И в полдень яркий солнце вызывает
Понежиться в тепле своих лучей.
Весною пахнет. Тело лень объемлет,
И голова и кружится и дремлет.
Люблю я этот переход: живешь,
Как накануне праздника, и ждешь,
Как колокол пробудит гул далекий,
Народ пойдет по улице широкой,
И будет радость общая — и крик
И песни не умолкнут ни на миг.

И жду я праздника: вот снег сольется,
Проглянет травка нежным стебельком,
И ласточка, щебеча, принесется
В гнездо, свитое над моим окном
Давным-давно... Я птичку каждый год
Встречаю; спрашиваю: где летала?
Кто любовался ей? какой народ?
Не в стороне ль прекрасной побывала,
Где небо ясно, вечная весна,
Где море плещет, искрясь и синея,
И лавров гордых тянется аллея?
Далекая, волшебная страна!..

И жду я праздника. На ветке гибкой
Лист задрожит, и будет шумен лес,
Запахнет ландыш у корней древес;

И будет утро с светлою улыбкой
Вставать прохладно, будет жарок день
И ясен вечер; и ночная тень
Когда наляжет, будет месяц томный
Гулять спокойно по лазури темной;
Над озером прозрачный пар взойдет,
И соловей до утра пропоет.

И я пойду на берег одиноко,
Сквозь говора кочующей волны
Рыбачью песнь услышу издалека,
И время вспомню я другой весны...
Наполнит душу смутное томленье,
И встанут вновь забытые виденья.

* * *

Небо да море. Волна за волной
Плещет в разгульном стремленьи
Звучно и вольно, и чужд им покой,—
Вечно немолчно движенье.
Кажется, море бездонно глубоко.
Взоры над морем уходят далеко.

Быстро корабль мой несется стрелой,
Парус вздувается белый;
Вот и навстречу корабль нам другой
Ветру противится смело.
Добрый же путь вам к родимому краю!
Кланяйтесь дома, а я уезжаю.

* * *

Стучу — мне двери отпер ключник старый.
Я знал, что нет хозяйки, что давно
Она уже уехала далеко
И странствует теперь под небом чуждым;
Но мне на дом хотелось посмотреть.
Как все знакомо! Зала длинная,
Где поздним вечером, при слабом свете,
Какие-то таинственные тени
Уныло бродят; кабинет безмолвный,
Где часто мы вдвоем сидели близко...
Я молча темным локоном играл
Иль говорил, что было на душе,
А на душе тогда так было полно!
И все на том же месте, как и было:
Диван в углу, перед камином кресло,
Цветы на окнах, на стенах портреты,
А на столе развернутая книга.
Я взял и пыль с нее обтер рукой,
Скамейку шитую толкнул к дивану
И у окна гардину белую
Расправил. Солнце зимнее светило
Печально... Уходя, спросил я: есть ли
Оттуда письма? — Нет-с, не получаем.—
Она меня теперь забыла, верно;
А я? — и у меня любви нет в сердце,
Одно воспоминанье!

НА МОРЕ

Бутылка выпита до дна —
    Ее я брошу в море,
И долго будет плыть она
    С волной в бессильном споре.
А может быть, когда-нибудь
    Попутный вал повалит,
Она, свершая дальний путь,
    К родным брегам причалит;
К ней склонится знакомый лик,
    И взор знакомый взглянет,
И сердце близкое в тот миг
    О страннике вспомянет.

РАЗГОВОР

(Из Мицкевича)

Мой друг, для нас что могут разговоры значить?
Что я так чувствую — к чему мне говорить?
Когда нельзя всю душу в душу перелить,
К чему в словах ее дробить и тратить?
Еще до слуха и до сердца не касаясь,
Слова уже остынут, с уст моих сдыхаясь.

Люблю, люблю тебя! сто раз я повторяю;
Ты сердишься, и хочешь ты бранить
Меня, что я любви моей совсем не знаю,
Ни высказать, ни выразить, ни в песнь излить,
И будто в летаргии не имею силу
Иной дать признак жизни, как сойти в могилу.

Мой друг, уста скучают тщетным излияньем,
А я хочу мои уста с твоими слить,
Хочу с тобой биеньем сердца говорить,
Да вздохом только, да лобзаньем,
И так проговорю часы, и дни, и лета,
И до скончания и по скончаньи света.

СЛОВА СТАРЦА

(Из Уланда)

Ко мне, мое дитя, ты жизнь моя...
Нет, нет! ко мне, дитя, моя ты смерть.
Ведь все, что горько, жизнию зову я,
И все, что сладко, называю смертью.

<Т. Н. ГРАНОВСКОМУ>

Твое печальное посланье
Я принял к сердцу, и опять
В святую даль воспоминанья
Я взором начал проникать —
И стало грустно! Сквозь тумана
Безмолвно прошлое встает;
Больней и глубже сердце жжет
Незатворяемая рана!..
Зачем же скорбь, когда в былом
Так много счастливых мгновений,
И светлых лиц так много в нем,
И задушевных впечатлений,
И свежей жизнь блестит красой —
Цветок под утренней росой?
Иль только знаем в горькой думе
О прошлом мы, что нет его,
Что жизнь все гаже и угрюмей,
И впредь не видим ничего?
Иль все теперь иначе мерим,
И в прежнем счастьи, горе тож,
Обидную мы видим ложь
И даже прошлому не верим? —
Мечтаний тщетных грустный ряд,
Надежды, полные измены,
Да скорбных несколько утрат,
Которым больше нет замены,—
Ужель из странствия сего
И все тут — больше ничего?
Ужель и вправду нам осталось
Одно лишь только, чтоб душа

Im Allgemeinen затерялась,
Для жизни личной не дыша?
Чтоб мы бежали ежедневно
От наших чувств, от наших грез,
Воспоминаний или слез,
Ото всего, что задушевно —
Затем, что стали мы стары,
В том, что нам лично, жить устали,
И нас болезненной хандры
Волнуют смутные печали?
Да уж и самый общий мир
Не есть ли с жизнью ложный мир?
Не может быть, мы юны вечно,
И о былом твоя тоска
Не есть нисколько знак предтечный
Увядшей жизни старика.
Нет! скорбь над тяжкою утратой,
О прошлом чувстве, прежних днях,—
Она любовь у нас в душах
К тому, что в жизни было свято.
Когда же значила любовь
Не юность сердца? Из страданий
Для нас спокойно встанет вновь
Череда надежд и упований!
Мой друг, поверь, они не лгут —
Нас много светлых ждет минут.
Но ты, в столице философской
Учившись с молодых годов,
Отрекся, может быть, Грановский,
От дидактических стихов.
Прости мне их! Я в поученьи
Хотел утешить лишь тебя,
Как утешаю сам себя
Среди тяжелого волненья.
Я, может, прав,— да дело в том,
Что жизнь-то мучит — и жалеешь
Невольно пуще о былом,
Его болезненно лелеешь,
Как мать безумная в слезах
С младенцем мертвым на руках.
Но мне-то что ж тужить так много
О прежнем? Светлого найти
Что я, скажи мне, ради бога,

Могу на пройденном пути?
Что? Дружбу?.. Но она есть вечность;
Она была, она и есть
И не пройдет. Мы вместе несть
Должны всю жизни бесконечность.
Еще я тихим был дитей,
Когда она меня сыскала,
Взяла доверчивой рукой
И приютила, приласкала,
И первый симпатии миг
Навек всю жизнь мою проник.
Из всех же тех, что смертью взяты,
Я только матери моей
Глубоко чувствую утрату,
Хотя не знал ее. Но в ней
Привык я видеть, будто свыше
Мне кто-то смотрит в жизни путь,
И как-то легче дышит грудь,
И скорби делаются тише.
Привык я с мыслию о ней
Соединять еще мечтанье,
Что за пределом жизни сей
Нам будет новое свиданье...
Оно, быть может, неумно,
Да так мне чувствовать дано.
Воспоминанье жизни дальней
Не о любви ль мне шлет печаль,
И стало череды печальной
Ошибок глупых сердцу жаль?
Но укорять себя в забвеньи,
Будить отжившую мечту
И видеть прошлых чувств тщету —
Все это, друг мой, оскорбленье.
Кто виноват? Я ль не обрел
Того, чего искал так нежно?
Иль ветрен был и только шел
За ложью прихоти мятежной?
Ужель во мне лишь пышет кровь
И недоступна мне любовь?
О, нет! Ошибки, увлеченье —
Во мне нелегкий пыл в крови,
Но задушевное стремленье,
Потребность истинной любви.

Что ж делать?.. Жаль! Случайно рану
То в жизни сердцу нанесло,
Что жизни быть венцом могло...
Но верить я не перестану!
То было суждено судьбой,
Смешно роптанье и бесплодно!
А все же к двери гробовой
Я не приду с душой холодной,
Сомненьям уха не склоню
И веру гордо сохраню.
Но пусть случайных оскорблений
Молчит болезненный язык,
Уж наших светлых отношений
Им не один отравлен миг.
Мне в жизни жаль святых мгновений,
Когда проснулись все мечты,
Так простодушны, так чисты,
Полны надежд и убеждений!
Мне жалко радости былой
И даже прошлых жаль страданий,
Знакомых мест, любимых мной,
И наших кунцевских скитаний,
Да жаль еще мне новых грез
Под склоном трепетных берез.
Все это, друг мой, продолжая,—
Хоть ad absurdum,— наконец,
Я пожалею, умирая,
Что нашей жизни есть конец.
Пусть я брожу как бы усталый
Пусть мучусь вечною тоской,
Пусть для забвения, друг мой,
Я упиваюся марсалой;
Но я теперь попал на след
И то скажу, что уж уныло
Сказал любимый наш поэт:
Все, что пройдет, то будет мило!
Я в этом тайны, наконец,
Иной не вижу, мой мудрец!
С благоговейною слезою
Благословим мы, что прошло,
И перед урной гробовою
Преклоним скорбное чело;

Но нам не надо падать духом,
Не надо веры в жизнь терять,
И глас грядущего внимать
Доверчивым должны мы слухом.
Пускай печали иль порок
Нам душу ржавчиной покрыли,
Пусть сожаленье иль упрек
Нас долго внутренно томили;
Но, духа вечного сыны,
Всегда воскреснуть мы властны.

Еще на счастье в жизни личной
Надежд я светлых не терял
И на него в хандре привычной
Я прав моих не отдавал.
Придет ли с свежею улыбкой
Оно когда навстречу мне,
Иль я признаюсь в тишине,
Что только был знаком с ошибкой?
Все это случай мне решит.
Быть может, жизнь мою тревожа,
Судьба мне бедствие сулит;
Но будет смерть моя похожа
На ясный вечер после гроз,
Улыбку мирную сквозь слез.

За стихотворное посланье
Меня, Грановский, не брани
И рифм плохое сочетанье
Ты терпеливо извини.
Мне нужен стих, когда тревожно
Пишу я робкие листы
Туда, куда меня мечты
Влекут мучительно и ложно.
Мне также нужен стих к тебе:
Душевный мир и сердца муки
В твоей душе нашли себе
Так странно родственные звуки,
Как будто свыше нам одна
Обоим жизнь была дана.

Мы одинаково здоровы
И одинаково больны,
И оба жребием сурово
Одной хандрой наделены.
Я радостно в твоем посланьи

Прочел, что говорить со мной
Ты можешь только да с женой
О тайном внутреннем страданьи.
Одно, что я в себе ценю,
Основу дружбы вашей вижу
(Хоть слабость глупую мою
Всегда бесплодно ненавижу):
То женски тихий, нежный нрав,
Не знаю, прав я иль неправ?
Одно пристрастье я с тобою
Питаю к Пушкину. И что ж?
С его больною стороною
Мы, может, дружны? Он похож
На нас болезненно. А, может,
К нему у нас пристрастья нет,
А просто ни один поэт
Души так верно не тревожит.
Ведь не болезнь его печаль,
И порицать мы станем ныне —
Из современности — едва ль,
Что находили в нем святыней,
Чем наслаждались мы в тиши —
И грусть и свет его души!
А Таня! Милое созданье,
Поэта лучший идеал,
Не раз ему в пустом блужданьи
Я воплощения искал,—
Так он мне близок! Но, признаться,
Я идеалов всех моих —
Хоть не могу отстать от них —
А стал ужасно как бояться.
Дано в числе мне божьих кар
То, что я вместе стар и молод,
Что сохранил я юный жар,
А жизнь навеяла мне холод...
Еще довольно скорби даст
Мне сей безвыходный контраст!
Как я живой бы речи снова
Хотел из уст твоих внимать
(Которые, чтоб молвить слово,
Ты странно любишь раскрывать)!
При этом я желал бы кстати
Созвучьем усладить хандру,

Тебя за чаем поутру
Заставши в ваточном халате.
Твоих волос увидеть тож
Хочу я грустное спаданье
(В чем на меня ты не похож,
И, несмотря на все старанье,
И сколько ты ни берегись,
Как Боткин, скоро будешь лыс).
Однако вижу: ямб усталый
Уж начинает,— боже мой! —
В строфе натянутой и вялой
Хромать измученной ногой.
Но я желаю на прощанье
Еще размеренной строкой
Тебя прижать к груди, друг мой,
И скорбно молвить: до свиданья!
Прощай! Ну! Кланяйся жене,
Будь здрав, не пьянствуй слишком много
И, вспоминая обо мне,
Суди меня не слишком строго,
Но, полный мира и любви,
Мой трудный путь благослови.

КРЕЙЦНАХ 8 АВГУСТА

(Брату Сатину)

Вчера на горе мы два друга блуждали,
Блуждали в полуночный час;
Зеленые дубы уныло шептали,
Качая ветвями вкруг нас.

Внизу под туманом, ложася широко,
Долина при бледной луне
Дремала спокойно, а волны потока
Шумели в ночной тишине.

Вчера на горе мы два друга блуждали,
Блуждали в полуночный час,
И сердца надежды и сердца печали
Таилися в каждом из нас.

Под дуб одинокий тревожно мы сели
И долго молчали в тиши,
И долго промолвить уста не хотели
Святыню и скорби души.

Друг друга невольно к груди мы прижали
И канули слезы из глаз,
И стало нам легче, и все мы сказали,
Что на сердце было у нас.

Какие нас в жизни не встретили б грозы.
Мы врозь или вместе пойдем,—

Слова задушевные, теплые слезы
Мы вспомним и легче вздохнем.

И было так тихо душе и глубоко,
Как шли мы домой при луне...
А дуб все шептал, и волны потока
Шумели в ночной тишине.

ХАНДРА

Бывают дни, когда душа пуста;
Ни мыслей нет, ни чувств, молчат уста,
Равно печаль и радости постылы,
И в теле лень, и двигаться нет силы.
Напрасно ищешь, чем бы ум занять —
Противно видеть, слышать, понимать,
И только бесконечно давит скука,
И кажется, что жить такая мука!
Куда бежать? чем облегчить бы грудь?
Вот ночи ждешь — в постель! скорей заснуть!
И хорошо, что стало все беззвучно...
А сон нейдет, а тьма томит докучно!

НА СОН ГРЯДУЩИЙ

Ночная тьма безмолвие приносит
И к отдыху зовет меня.
Пора, пора! покоя тело просит,
Душа устала в вихре дня.
Молю тебя, пред сном грядущим, боже:
Дай людям мир; благослови
Младенца сон, и нищенское ложе,
И слезы тихие любви!
Прости греху, на жгучее страданье
Успокоительно дохни,
И все твои печальные созданья
Хоть сновиденьем обмани!

LIVORNO

Подъезжая под Livorno,
Видел я, как Апеннины
Цепью длинной и узорной
Растянулись вкруг равнины.

Выезжая из Livorno
С сигаретами в кармане,
Был обыскан я позорно
На предательской догане.

Экой дьявол ты проворной!
Экой ты мошенник скверный,
Возле города Livorno
Надзиратель доганьерный!

ПРОЩАНИЕ С ИТАЛИЕЙ

На море тихое ложится мрак ночной,
И небо синее усеялось звездами;
Шумит колесами и пену под собой
Взбивает пароход, качаясь над водами;
За ним волна, кипя, бежит двумя браздами,
И вьется черный дым густою полосой,
И чайка поздняя вкруг мачты с криком вьется,
А море звучное чуть плещется и льется.

На палубе умолк докучный разговор,
Товарищей моих в каютах сон объемлет;
У борта я один. Печально ищет взор
Знакомой стороны, где дальний берег дремлет,
Но песен рыбака уже мой слух не внемлет.
Едва чернеется цепь отдаленных гор,
Как смутная черта... она исчезнет вскоре,
И только небеса останутся да море.

Италия, мне жаль твоих роскошных стран!
Картины дальние еще воспоминанье
Рисует тихо мне. То, сквозь ночной туман,
В Сорре́нто веет мне садов благоуханье,
То Рима предо мной унылая Кампанья
И лица строгие надменных поселян;
То слышен весел плеск, и дожей дом угрюмый
Наводит на душу таинственные думы.

Но я бегу от вас, волшебные места!
Еще в ушах моих все звуки южных песен,
Но жизнь людей твоих, Италия, пуста!

В них дух состарился, и мир твой стал мне тесен:
Везде развалина немая, смерть да плесень!
Лепечут о былом бессмысленно уста,
А головы людей в тяжелом сне повисли...
Теперь бегу искать движенья новой мысли.

И примет странника иная сторона,
Где жизнью все кипит и в людях дышит сила,
И труд приносит плод, и нива их пышна,
И ясно разум их наука озарила,
И жажда в каждом есть, чтоб всем им лучше было.
Туда, мой пароход! Но вот уже луна
Взошла над влажною пустынею печально —
Прощай, Италия! исчез твой берег дальний...

И все ж мне жаль тебя! Любил я созерцать
Тебя, как мертвую красавицу влюбленный:
И взор уже потух и краски не видать,
А роскошь веет с уст в улыбке сохраненной,
И будто то не смерть, а час покоя сонный,
И негу, кажется, объятья могут дать
Еще так сладостно, томительно, тревожно,
Что, миг проживши в них, и умереть бы можно.

Италия! не раз хотеться будет мне
Вновь видеть яркость дня и синей ночи тени,
Забыться и забыть в прозрачной тишине
И старость детскую заглохших поколений
И скорбь моей души, усталой от волнений.
Прощай! да берег твой почиет в мирном сне,
Меж тем как ухожу я в путь мой бесконечный
Среди бродячих волн и дум, не спящих вечно!

* * *

Я поздно лег, усталый и больной,
Тревожимый моей печальной жизнью;
Но тихо сон сомкнул мои глаза...
И вот внезапно я себя увидел
Среди ее семьи. Кругом стола
Мы все в большой сидели зале,
Она сидела близ меня. Невольно
Встречались наши взоры; трепетно
Касалися друг друга наши руки.
Семья ее смотрела на меня
С учтивостью какою-то холодной.
Потом все уходили понемногу,
Я наконец остался с ней один.
И нежно мы глядели друг на друга.
Склонясь ко мне головкою, она
Сказала, что давно меня уж любит...
Я чувствовал, как по щеке моей
Скользит ее развитый мягкий локон,
Уста коснулись уст, мы обнялись
И плакали, блаженствуя в лобзаньи.
Потом опять мы оба чинно сели,
Пришли ее родные и на нас
Смотрели косо. Но что мог значить нам
Их скрытый гнев? Мы так глубоко жили
Всей бесконечной полнотой любви...
Проснулся я, и верить сну хотелось,
И рад я был, как глупое дитя,
И знал, что это невозможно...

BUCH DER LIEBE

(Отрывки из автобиографии)

I

Du Tor, du Tor! du prahlender Tor!
Du kummergequälter!

Heine

К Д<УШЕНЬКЕ СУХОВО-КОБЫЛИНОЙ>

Как все чудесно, стройно в вас —
Ваш русый локон, лик ваш нежный,
Покой и томность серых глаз
И роскошь поступи небрежной!
Увидя вас, конечно б, мог
Любить вас тот, чья мысль далеко
От страсти знойной и тревог,
Кто любит тихо и глубоко.
Он, в созерцанье погружась,
От вас отвесть не мог бы взора...
Но страшно мне глядеть на вас!
Завесть не смею разговора,
Боюсь узнать, что вы пусты,
Что вы ничтожной суетою
В холодном сердце заняты;
Боюсь я в памяти с собою
Унесть прекрасные черты
С сухой и мелкою душою.

II

Прощайте! В сердце это слово
Теперь мне врезано одно,
Едва ли не приучит снова
Мои глаза к слезам оно.

Я вашу беленькую руку
Тревожно вам сожму рукой,
Но все ж вы не поймете муку,
Знакомую с моей душой.

И дай бог, чтоб всегда печали
Шли мимо вас бы далеко,
Чтоб всех вы весело встречали
И провожали бы легко.

Благодарю вас за участье,
Хотя и малое, ко мне,
При виде вашем знал я счастье
И наслаждался в тишине.

Я вас люблю! но не скажу вам
Ни слова про любовь мою,
И этих строк не покажу вам
И все в себе я затаю.

К чему слова? Люблю я тщетно,
Любовь моя вам не нужна,
И лучше, если незаметна
Для вас останется она.

Вы будете моей мечтою...
И заплачу я в жизни сей
Моей безвыходной тоскою
За тщетный сон любви моей.

III

По тряской мостовой я ехал молча,
Усталый от дневных забот и шума.
Мне день, утраченный в пустом чаду,
Холодным падал на душу упреком,

И ночь мне не была отрадна...
На месяц бледный облако нашло —
Он сквозь него просвечивал печально;
Пустые улицы безмолвны были,
И только пес с досадою впросонках
Навстречу мне сквозь зубы проворчал.
При повороте белый дом угрюмо
Ряд окон темных на меня уставил.
Знакомый дом!.. Но вот свеча блеснула
И в комнатах задвигалася тихо...
Я встрепенулся. Сердце билось сильно —
Я видел платье белое
И чей-то медленно идущий образ.
Свеча исчезла — я проехал мимо,
И тяжело мне было на душе...

IV

Уж было поздно: надо было мне
Пускаться в дальний путь. А мы сидели
Еще вдвоем. Я с ней не мог расстаться;
Мне был еще так дорог каждый миг,
В который на нее глядеть я мог.
Ночное небо было в темных тучах,
И соловей в саду уныло пел.
Мне было грустно, и она печальна
Казалася. А я не смел сказать,
Как я люблю, как мне страшна разлука;
Не смел я верить, что меня ей жаль.
Но отчего ж тревожна и печальна
Она была?.. Уж не любовь ли это?..
Не верю! Может быть, участье, дружба —
И только...

V

Вдали от вас я только тем живу,
Что брежу вами в снах и наяву.
Что вкруг меня — того как будто нет,
Все призраки; действительность — мой бред,
И у меня все вы перед глазами,
И долго, долго я любуюсь вами.

Мне кажется: наедине со мной
Сидите тихо вы рука с рукой
И так глубоко любите меня,
И мягкий локон ваш целую я,
И нежно ваши сладостные взоры
Ведут со мной немые разговоры.

Улыбка ваша, ваш спокойный лик —
Я забываюсь, созерцая их!
Тут мир блаженства, и я в нем
Тону душой, как в небе голубом,
Живу и гасну в этом сновиденьи,
И думать страшно мне о пробужденьи.

VI

А вы меня забыли!.. Что вам я?
Вы не любили никогда меня...
Любили, может быть, как всех других,
За то, что я учтив, не глуп и тих,
Что с детства знали вы меня такого,
Что зла я вам не сделал никакого.

Быть может, вы теперь в стране родной
Окружены поклонников толпой.
Вам с ними весело, и вы, шутя,
Смеетесь с ними, резвы, как дитя.
Вам мил один из них, быть может.
И ревность робкая меня тревожит.

Я вечера того забыть не мог,
Когда, прижавшись молча в уголок,
Смотрел я, как, не отходя от вас,
Занятый разговором длинный час,
Стоял прекрасный юноша пред вами
С блестящими, орлиными очами.

Как в этот раз вы были хороши!
А я, бессмысленный, внутри души,
Я ревность дикую едва таил,
И сам себе тогда смешон я был.
Я ревновал! меж тем как не дерзаю
Сказать вам, как люблю и как страдаю!

VII

А помните, как амазонкою вы смелой
Летели на коне; я ехал возле вас;
Зеленый ваш вуаль порхал вкруг шляпки
белой...
Но вот испуганный ваш конь, остановясь,
Вдруг ринулся назад. За вами поскакал я
И бледен был, как смерть, и в страхе весь
дрожал я.

Вы тут любовь мою невольно увидали,
И в этот вечер стали вы со мной нежней,
И как-то ласковей вы на меня взирали...
Да! вы меня жалели!..— В комнате моей
Сырой был холод по ночам: вы это знали —
И вы укрыться мне свою мантилью дали.

О! как же я, нарядом странным облеченной,
Был счастлив и смешон! Как жарко целовал
Мантилью вашу я! Как я в ночи бессонной
Ее к груди моей безумно прижимал!
А к утру я заснул так сладко, так раздольно,
Как будто б ангел сон напел мне песней
вольной.

VIII

Как часто я, измученный страданьем,
Любовь мою вам высказать хотел;
Но ваш покой смутить моим признаньем,
Благоговея, никогда не смел.

Не потому, чтобы оно невольно
Могло любовь вам в сердце заронить;
Но вы жалели б, вам бы стало больно,
Что вы меня не можете любить.

А втайне я желал, чтоб вы узнали...
Чего-то ждал, чему-то верил я,
И тешила надежда сквозь печали
Обманчивой улыбкою меня!

IX

А часто не хотел себе я верить,
Хотел не верить, что я вас люблю.
Я думал: если искренно проверить
Всю жизнь прошедшую мою —

Ведь я уже не раз любил,— и что же?
Горела, гасла, длилась, гасла вновь,
На сны в ночи бродячие похожа,
Моя тревожная любовь.

И к вам любовь, быть может, так же точно
Фантазии недолговечный плод,
В душе возникнув как-то ненарочно,
Меня помучит и пройдет.

Так я, глупец! напрасным утешеньем
Хочу добыть обманчивый покой,
Но сердце не знакомится с забвеньем
И не расходится с тоской.

Бывало, я, в ребяческой отваге,
Мечты любви стихам вверять желал,
Но был ленив; теперь же от бумаги
Пера бы я не оторвал.

Теперь же, только лишь тогда дышу я,
Тогда лишь я могу существовать,
Когда страницы эти к вам пишу я,
Хотя вам ввек их не видать.

И не любил еще я так глубоко,
Как вот, когда, с капризною враждой,
Томя меня любовью одинокой,
Судьба хохочет надо мной.

X

Я сорвал ветку кипариса
С могилы женщины святой,

И слезы теплые лилися,
И дух исполнился мольбой.

И тень ее на помощь звал я,
И, изнывая в скорби, ей
Тревожно тайну поверял я
Любви тоскующей моей.

И, преклоняясь над могилой,
Молил, чтоб из страны иной
Мою любовь благословила
Она невидимой рукой.

И скорби сердца улеглися;
Я веры тайной полон был,
И тихо ветку кипариса
Я в книгу эту положил.

XI

Заснула Пиза в тишине ночной,
Но Арно в берег плещет, не смолкая;
Сквозь туч, едва озарена луной,
Стоит уныло башня городская,
Протяжным звоном каждый час считая...
Вдали гуляка позднею стопой,
Стуча о плиты в ходе торопливом,
Тревожит воздух оперным мотивом.

Как пусто, страшно в полуночный час...
О! если б знали вы — в минуты эти
Как я страдаю, думая о вас!
Как чувствую, что я один на свете!
Что отказала мне любовь в привете!
Что в жизни тщетной ни единый раз
Ошибкой не сойдет ко мне отрада,
И мне отречься от блаженства надо!

А если бы меня любили вы —
Что мне тогда условий светских цепи,
Людей насмешки, глупый суд молвы,
Гнилой закон, что с каждым днем нелепей!

С собой бы вас в мои увлек бы степи,
Которым, кроме неба синевы,
Иных границ еще не положили,
И беспредельно мы бы там любили.

XII

Вы выросли, любя отца и мать,
Сестер и братьев, тихо и спокойно,
Без тяжких дум, без горя, без страстей;
Взошли вы в круг, где все условно, плоско,
Живому чувству проблеснуть нельзя.
Вам молодежь, за вами увиваясь,
Открыла тайну вашей красоты,
И зеркало вам рассказало то же —
И вы довольны были. Иногда
Казалось вам, что будто тот иль этот
Вам нравится. Но их любви язык —
Бездушный или детский лепет —
Не мог вам ни на миг дойти до сердца.
Так ваша жизнь все шла обыкновенно,
Привычной колеей, которая
Убита так, что ехать вечно гладко,
А я был вечный мученик всю жизнь.
Внутри себя безмолвно и угрюмо
Я думу каждую и каждую мечту
Тревожил день и ночь. В моем семействе
Мне было скучно. Дом мне был тюрьмой,
Где двери на замке держал обычай,
Приличие стояло на часах,
И был закон надсмотрщик престарелый.
И жил всегда я только сам в себе,
Как узники живут обыкновенно.
И вот во мне мучительно тогда
Возникла жажда знанья и блаженства,
И вместе с ней, как неразлучный друг,
Возникло бесконечное страданье.
Дало мне знанье силу отрицать,
Тревожную, мучительную силу;
Искание блаженства мне дало
Уверенность, что я его не знаю.
А между тем я в самом деле тих

И ясен, будто создан для блаженства;
Могу в себе носить святую жизнь,
Могу любить глубокою любовью.
Когда впервые я увидел вас,
Остановился я, и сердце билось.
И впал в раздумье я безмолвное:
Я чувствовал, что вы мое блаженство!
Ведь вы самих себя не знаете,
Вы с жизнью света свыклись поневоле;
Вам кажется, что роль красавицы
Играть вам надобно самолюбивой.
А между тем я видел вас тогда,
Когда прямое чувство пробуждалось
У вас в душе иль рифма звонкая
Касалась вам до трепетного слуха;
И видел ваше я лицо, когда
Оно души глубокость выражало...
О! если бы меня любили вы,
Как мы могли бы счастливы быть оба!..
А вот вся жизнь моя разорвана...
За что? Зачем? За что вся эта кара?
Весь божий гнев на мне отяготел,
И жизнь моя осуждена на муку?
Но я настолько понимаю жизнь,
Что эта мука есть мое блаженство.

XIII

Залог блаженства в жизни скучной,
Залог спасения от мук,
Ношу с собой я безотлучно
Ваш дар, работу ваших рук.

Еще с собой ношу всегда я
Все те страницы, что ко мне
Шутя писали вы, не зная,
Как драгоценны мне оне.

Еще ношу я, как святыню,
Ваш образ в памяти моей
И оживляю им пустыню
Моих бесплодно длинных дней.

XIV

Флоренция

Я по Флоренции бродил печально,
По лестницам высоким я входил
В большие залы мраморных палаццов,
Где по стенам висели в ярких рамах
Картины вдохновенных мастеров.
И я смотрел и втайне все искал
Я вашего лица среди созданий,
Которые живут на полотне
Своей глубокой неподвижной жизнью.
Искал его средь ангелов святых,
Молящихся Мадоннам Рафаэля,
Искал его я в нежных образах
Correggio и Andrea del Sarto,
Искал в спокойных ликах Перуджини
И грустно вышел из старинных зал,
Не встретя вас среди толпы созданий.
И вот пошел бродить из храма в храм,
Искал везде с тоскою беспокойной,
Предчувствуя, что должен вас найти.

Взошел я в церковь dell'Annunziata.
Налево вижу памятник надгробный:
Две женщины из мрамора сидят,
И их святой, молясь, благословляет.
Я побледнел и вспыхнул. Да! Одна
Из них на вас похожа. Та же тихость
Во всей ее прекрасной форме. Та же
Безоблачность в ее лице спокойном
И та же нежность взора. Даже так
Она склонила голову, как вы.
Ее художник неизвестный создал!
Быть может, в мире я, как он, пройду —
Художник неизвестный — и как он,
В душе я проношу чудесный образ,
И с ним умру и встану в жизни новой.
На женщину из мрамора глядел
Я долго в умилении безмолвном.
С тех пор я в церковь dell'Annunziata
Хожу, как на молитву, каждый день,
И там сажусь пред ликом мраморным
И молча созерцаю в обожаньи.

XV

Вчера я в церковь dell'Annunziata
Пришел. Была вечерняя молитва.
Монахи пели, и гремел орган;
Под темным сводом звуки сотрясались
Таинственно. Толпились люди, тихо
И набожно колена преклоняя.
Я стал у ног знакомой статуи
И очи поднял к ней с любовью грустной.
Свет падал на нее задумчиво
Сквозь окон купола. Над ней носился
Дух божий в виде голубином.
И мне казалося, что кто-то свыше
Меня благословляет. Что хотел
В ней выразить художник неизвестный?
Не знаю. Ключ у ней в руке, у ног
Ее собачка с умным, добрым взглядом.
Казалось мне, собачка на меня
Смотрела будто с ласкою печальной.
Быть может, что она внутри меня
Любви читала повесть и жалела.
А статуя взирала только к небу.
Звала ль меня? Сулила ли блаженство,
Или меня заметить не хотела?..
Так вашей жизнью я одушевлял,
В безумии, немое изваянье;
Искал любви, и знать судьбу хотел,
И горько насмехался над собою!
В то время девочка, ребенок милый,
Взошла и стала возле на ступени
И глазками невинными смотрела
На статую. А я благодарил
Внутри души прекрасного ребенка
За симпатию. После стал я долго,
Внимательно рассматривать лицо
И находить все, что на вас похоже
И что не так. И вы так живо, полно
В моем воображеньи создались,
Что я забылся, не хотел уйти,
Мне хорошо на этом месте было.

Но смолк орган, народ стал расходиться,
Действительность разрушила мой сон,
И медленно пошел я, скорбным взором
Со статуей прощаяся до завтра...

XVI

Любовь моя мне стала тайным светом
Души. Уж не враждую я ни с кем,
Людей встречаю с ласковым приветом,
Хотя мне их не надобно совсем;
На все смотрю я, все благословляя...
Две жизни разных я ношу в себе,
Моей любовью обе просветляя:
В одной я пошлину плачу́ судьбе
И людям жертвую самим собою
С участием... хоть тяжело оно;
Но, как ребенок, стал я добр душою
С тех пор, как в ней любовью все полно.
За то в другой я жизни полон вами,
За то в другой я вам принадлежу
И счастлив, что духовными очами
На вас безмолвно, долго я гляжу.

XVII

В тиши ночной аккорд печальный
Тревожит мир души моей,
Как будто отголосок дальний
Былого счастья, лучших дней.

Опять тоска, опять стремленье,
И страсть и скорбь проснулись вновь,
Опять нет веры в сновиденья,
Опять мучительна любовь.

О! если б вам в отчизне дальней
Случайно как-нибудь во сне
Раздался мой аккорд печальный —
Вы вспомянули б обо мне.

И не любя, но сострадая,
Подумали б, как в поздний час,
Под скорбный звук изнемогая,
Я втайне думаю об вас.

XVIII

Мне говорили, будто в сердце вы
Любви питать не можете нисколько,
Тщеславны, злы, кокетливы и только.
Не спорил я. Что значит крик молвы?
Художник легкомысленный, холодный
Безумно пред картиною стоит
И вкривь и вкось порочит и бранит;
Но как ничтожен суд его бесплодный!
А тот, кто взором внутренним души
Проникнуть в ней умел до жизни тайной,
Тот знает верно, знает не случайно,
Как все черты в созданьи хороши.
А я, хотя б сто голосов шумели
И в уши мне кричали суд молвы —
Я знаю то, чем кажетеся вы,
И знаю то, что вы на самом деле.

XIX

Я одарен способностью ужасной:
В то время как я жизнью поглощен,
В движеньи страстном ею увлечен,—
Могу я видеть вещи холодно и ясно.
Я вижу, что любовь моя есть бред,
Который молодость мою погубит,
Что носит смерть в себе, кто тщетно любит,
Что в самом деле для меня блаженства нет.
        Я вижу ход судьбы бесстрастной, ровной,
        Причины, следствия — все вижу я,
        Как будто человек другой в меня
Взошел и судит безучастно, хладнокровно.
        Он строг всегда и незнаком с ошибкой;

Страдаю ль я, иль счастлив, иль люблю,—
Он в гордом знании на жизнь мою
Взирает с равнодушно горькою улыбкой.
Когда блаженствую — он без участья,
С насмешкой говорит, что это бред;
Когда я чувствую, что счастья нет,
Он злобно мне твердит, что есть на свете счастье.

XX

Вы дружбу мне хранить глубоко
Клялися, ввек не изменя.
О! если так — в стране далекой
Молю вас, вспомните меня!
В часы унынья и страданья,
Печально голову склоня,
Как друга, полного вниманья,
Молю вас, вспомните меня!
В часы молитв и умиленья —
Вы, как заступница моя,
Как ангел, полный сожаленья,
Молю вас, вспомните меня.

XXI

Два дня я не видал моей статуи.
Флоренция уныла в эти два дня
Была. Над ней висели тучи. Арно,
Как желчный человек, все время злился,
И дождь все лил, и было холодно.
Но вот опять настало воскресенье,
И солнце проглянуло. Стало сухо
На улицах. Привычною дорогой
Пошел я в церковь dell'Annunziata.
Опять орган играл. Моя статуя
Казалася на вас еще похожей,
Глядела на меня точь-в-точь, как вы.
О! этих у меня минут блаженных,
Минут безмолвного воспоминанья,
Никто отнять не может. Я украл их

У жизни, и с тех пор сносить мне легче
Мучения, которые она
Мне щедро расточает.— Но, должно быть,
Ужасно странно старику монаху
Меня всегда на том же месте видеть!
Он, верно́, взор мой выследил уже
И рассердился, что хожу я в церковь
Не для молитвы, или — может быть,
Жалея, помолился за меня;
А может быть, он улыбнулся только,
Как человек, давно привыкший к жизни.
О! если б знали вы, как я могу
Любить и нежно и глубоко — сами
Вы рады были бы любить меня.
Но я не смею высказать любви!
Я несколько могу украсть у жизни
Минут безмолвного воспоминанья
И только...

XXII

Сегодня колоколен звон печальный
Воспоминанье разбудил во мне
О близких сердцу, об отчизне дальней,
Ее великопостной тишине;
О людях мрачных, будто жить им мука,
Об улицах, где тает желтый снег,
И всюду пустота, унынье, скука,
Туман и сырость — томен человек...
Я вспомнил, как мы с вами у камина
Сидели вечером... уже давно!
Но памяти не свеяла чужбина,
Что́ было в сердце — и теперь оно.
Еще я ночь храню в воспоминаньи
Христова воскресенья. В церкви вы
Тогда стояли в белом одеяньи,
С свечой в руке, средь набожной толпы;
Ваш ясный взор исполнен был покоя...
Вы как-то улыбнулися мне раз;
А я тогда, поодаль грустно стоя,—
Я вас любил и мог глядеть на вас.

XXIII

И год прошел, прошло и больше года...
Я вновь был с вами летнею порой;
Кругом цвела зеленая природа,
И вы дружней казалися со мной.
Да, дружбу вашу, может быть, в награду
Вы за любовь мне дали. Может быть,
Недаром вам старинную балладу
О рыцаре вдруг вздумалось твердить.
Тот рыцарь был в далекой Палестине,
Искал забвения сердечных ран;
Но сердце, верное своей святыне,
Von seinem Grame nicht genesen kann.
И он оставил бой и Палестину
И, возвратяся, ждал, когда она
Окно растворит, взглянет на долину,
Как светлый ангел тишины полна.
Как рыцарь тот, и я теперь, блуждая,
Ищу забвения сердечных ран,
Но сердце, все тоскуя и желая,
Von seinem Grame nicht genesen kann.

XXIV

Я новому искусству предался,
Исполненный надежды и отваги;
С благоговением чертить взялся
Карандашом я лица на бумаге.
Не знаю я, успею или нет.
Быть может, нет способности нимало;
А может, есть она! Но ваш портрет
Мне сделать надобно во что б ни стало.
А если мастером мне быть дано
И бросить кистью, свыше вдохновленной,
Живые образы на полотно —
Вы будете моей святой Мадонной.

XXV

Труд не пропал, учился я не тщетно.
Ходил я в церковь dell'Annunziata
С моим maestro. Там в благоговеньи

Я очерк написал моей статуи.
И он похож. Теперь я стану ночи
Просиживать перед моим рисунком
Или чертить с него другие лица,
Все больше приближаясь к сходству с вами,
И наконец я воссоздам ваш образ.
Его поставлю я перед собою,
И поселится в комнате моей
Он как святыня. В ней тогда, как в храме,
Все тайною небесною задышит,
А я садиться стану перед ликом,
Безмолвно созерцая в обожаньи.

XXVI

Livorno

Livorno спит, озарено луною,
А я стою печально у окна:
Верхушки мачт мелькают за стеною,
Маяк горит. Там море!.. Там волна
Кочует вслед за дружною волною...
Туда пущусь я завтра, и луна
Осветит бледно зыблемое лоно
С конца в конец далекий небосклона.
Но страх и скорбь в ночи меня тревожат:
Что, если вы не любите меня?
Что, если вы действительно, быть может,
Смеетесь надо мной, тогда как я
Любовью мучусь?..
И между тем как мчится жизнь моя
Мучительно в волнении бесплодном —
Гордитесь вы в тщеславии холодном.

*

А я, как Пигмальон, стою пред вами
И тщетно вас хочу одушевить...
Но нет! и тут я тешуся мечтами!
Но вы горды, я горд. Что может быть
Для вас с своими муками и снами
Моя ненужная любовь? Хранить
Ее я стану про себя, и только,
А вы и не заметите нисколько.

XXVII

Рим

Я ночью подъезжал к святому граду,
О вас воспоминанием томим:
Так вот где жизнь давала вам отраду,
Вот он, любимый вами, старый Рим!..
Я видел в полукруге колоннаду,
И храм, и купол, скругленный над ним,—
При свете лунном, в синей мгле тумана,—
И слышал плеск я звучного фонтана.

Какими-то несбыточными снами
Душа исполнилась; казалось мне,
Что здесь могу бродить я вместе с вами
В тиши колонн, безмолвных при луне;
Фонтан журчит и искрится пред нами,
Темнеет купол в синей вышине;
А я гляжу при блеске лунной ночи
Вам в светлые, задумчивые очи.

Мне странным веет Рим воспоминаньем
О днях безвестных мне; душа моя
Так с вашим сблизилась существованьем,
Что вашу жизнь переживаю я.
В особый мир, как бы очарованьем,
От лиц окружных я унес себя;
Ничьими не проникнутый очами,
В прошедшем вашем все я вместе с вами.

Мы молимся Мадоннам Ватикана,
Мы в Колизей идем, когда луна
Над ним восходит. Дома утром рано
Иль вечером стоим мы у окна:
Глядим на Тибр; за ним лежит поляна
И горы синие; его волна
У берега колышет челн забытой;
Пол-Рима в отблеске зари открыто.
Уста немы. В дали теряясь взором,
Мы чувствуем, что происходит в нас,
И говорим безмолвным разговором...
В моей душе то, что в душе у вас,
Родится разом; мысль в движеньи скором

Летит за вашей мыслью каждый раз,
И я люблю, блаженствую и плачу,
И жизнь в несбыточном мечтаньи трачу.

XXVIII

Я взял коня и поскакал в Albano.
Там жили вы еще не так давно.
День ясен был, но злобный tramontano
Мне дул в лицо, и было холодно.
Вдали лежало море за поляной,
И в блеске дня сребрилося оно.
Нетерпеливо путь свершал я длинный...
Кругом задумчиво стояли пинны.

*

В Albano вы меня свезти просили
Знакомцу, другу вашему, поклон;
Он рад был, что его вы не забыли,
И встретился, как друг, со мною он,
И с ним об вас мы много говорили.
Он знает вас, как я; с любовью он
Ваш лик чудесный вспоминал со мною
И как вы нежны и светлы душою.

*

Давно я дня не проводил такого;
Давно мне не было кому сказать
Об вас из сердца вынутого слова...
Тут имя ваше мог я повторять
И слушать, как оно из уст другого
С участием произносилося опять...
О! верно вам откликнулися речи,
Об вас веденные при этой встрече.

*

Прощаясь, мы друг другу обещали
Не раз видаться... Тихо ехал я
В Castell' Gondolfo, где и вы бывали,
Быть может, часто: медленно бродя,

Быть может, вы на озеро взирали,
На замок и на дальние поля
И по дороге шли, где, зеленея,
Шумит дубов тенистая аллея.

*

Я в Рим вернулся поздно. Темно было.
Тянулись стогны в грустной тишине;
Свет фонарей по ним бродил уныло —
Но хорошо на сердце было мне;
Оно воспоминало и любило...
Я думал, что увижу вас во сне;
Но лег усталый; сон мне не приснился,
И я поутру грустно пробудился.

XXIX

Но я письма от вас не получил,
Но вы меня не вспомнили, быть может,
И сон мой только бред горячки был,
Которая бесплодно дух тревожит.
О! если б знали вы, как жизнь моя
Проходит скорбно! Если бы вы знали,
Что чувство, мысль, любовь — все для меня
Источник нескончаемой печали!
Увидя, как мне трудно жизнь сносить,
Взглянув во мне на внутреннюю битву,—
Вы небу прошептали б, может быть,
Укор мятежный или робкую молитву.

XXX

Вчера она пела, Клара Новелло,
И песнь ее звонко неслась.
За песней куда-то сердце летело,
И вздох прорывался не раз.

Влюбленные звуки, страстные звуки
Так живо встревожили вновь
Желания сердца, полные муки,
Стремленье, тоску и любовь.

Она улыбалась мило и нежно...
Как поступь мила у нее!
Откинутый локон вьется небрежно
Вкруг беленькой шейки ее.

Смотрел я и слушал, грудь изомлела,
С ресницы слеза пролилась...
Мучительно, сладко Клара Новелло
Вчера мне напомнила вас!

XXXI

Не знаю почему, певица эта
Мне вас напоминает каждый раз...
Да! общее есть что-то между вами,
Хотя она не столько хороша.
Не знаю, взгляд ли то, иль русый локон
С виска слегка откинутый назад?
Иль профиль весь, иль тихая походка?
Но на нее могу глядеть я долго
И видеть не ее, а видеть вас.
Ее черты в моем воображенье
Так изменяются, что я могу
Себе представить вас. А звонкий голос
Поет мне песнь любви, и я так счастлив,
Когда смотрю и слушаю безмолвно,
И забываю, что сижу в театре,
И вкруг меня толпа людей мне чуждых...
А после, возвратясь домой,— один
Сижу я долго; тяжело на сердце
Становится. Я начинаю вновь
Так понимать глубоко, что все это
Мечта напрасная, и я для вас
Почти чужой. Чужим остаться должно!
Все эти дни я как-то болен был,
Мне как-то было на душе тревожно,
И сны меня пугали по ночам;
Вы мне являлись горды, равнодушны,
Почти насмешливы. А между тем —
Не правда ль?.. никогда вы надо мною
Не насмехались? Вы со мною были
Добры — не правда ль? То был сон пустой,

Навеянный моей враждебной жизнью.
И при свиданьи дружелюбно вы
Попрежнему протянете мне руку...
Но ночь бежит, а на душе все грустно!..

XXXII

Вчера был теплый день, и веяло весной,
И солнце ярко грело и светило;
Бродил вкруг Рима я ленивою стопой...
Воспоминанье живо мне чертило
Весну такую же в моей родной стране,
И как-то хорошо и грустно было мне.

Таким же воздухом дышал я над рекой,
Где вместе мы на берегу сидели,
Березы белые, склоняся над водой,
Купали лист зеленый и шумели.
Тепло и радостно встречало утро нас,
И резво птички пели... Я глядел на вас.

Я в упоении, дыханье притая,
Глядел на вас, и сердце сильно билось...
И первый ландыш вам в то утро сорвал я —
И что с тех пор с моим цветком случилось?
Увядший ли давно, заброшен вами он?
Иль тихо в книгу он на память положен?

Не знаю! Может, вы забыли этот миг,
И я один храню в воспоминаньи
И утро тихое, и ваш спокойный лик,
И светлое, как в праздник, одеянье,
И то, что с ваших уст, как веянье весны,
Сдыхались Шиллера мечтательные сны.

О! дорого б я дал, чтоб снова в тишине,
Там, у берез, где робко льются волны,
Весной я с вами мог сидеть наедине
И слушать бы, очарованья полный,
И листьев легкий шум и звуки ваших слов,
И жить и замирать в чаду волшебных снов!..

XXXIII

Уже давно я в книге этой
Стихов в раздумьи не писал;
Молчала рифма; дух поэта
В заботе праздной изнывал.
Я тратил жизнь в порочной лени
При буйном звуке пьяных чаш,
И реже средь моих видений
Являлся светлый образ ваш.
Но здесь, в тиши уединенной,
При сладком веяньи весны,
Как звуки песни отдаленной,
Несутся вновь былые сны;
И я затерян в смутной дали
Воспоминания и грез,
Блаженства полный и печали,
Надежд обманчивых и слез.
Заря ль мои растворит очи,
Иль в море дальнем гаснет день,
Иль южной ночи, теплой ночи
В полях ложится блеск и тень —
Передо мной, как сновиденье,
Ваш светлый взор, спокойный лик
И тихой поступи движенье...
И страстно шепчет мой язык
Все звуки вашего названья,
И эти звуки сладки мне,
Как песни юга, как лобзанье,
Как вод плесканье при луне...

XXXIV

Неаполь. Май 1843 г.

Опять уже прошло так много дней
С тех пор, как не писал я в этой книге!
Опять молчит печально стих ленивый!
Поэта ль дар уже во мне исчез,
Или любовь моя охолодела?
О нет! Любовь моя осталась та ж...
Попрежнему она тревожит душу
То светлых грез отрадной чередой,

То скорбным чувством настоящей жизни,
И я живу, переходя от снов
К сознанью, от сознанья к сновиденьям.
Вчера один без цели я блуждал
В аллеях трепетных villa reale,—
Сквозь быстрых облак падал луч луны
На берег дальний Байи и на море;
Кругом меня шумел оливы лист,
И звучные у ног плескались волны...
Я вспомнил — год тому назад иль боле —
Я жил в Неаполе — и мне тогда
Под шум валов приснился сон блаженный:
Я видел, будто я в villa reale —
Блуждаю по аллеям одиноко,
И вот внезапно вы навстречу мне,
И тихо протянули вы мне руку —
И мне сказали, чтобы верил я,
Что вашим буду я во что б ни стало...
Я вспомнил — и в душе опять на миг
Тревожная надежда промелькнула...
К чему она?.. Прекрасную мечту
Развеет холодно докучный опыт,
И, вероятно, мне придется в жизни
Увидеть, как состаримся мы оба,
И стану я с насмешкой разбирать
Морщины желтые на том лице,
Пред чьей красой благоговел я долго...
А вы — вы точно так же равнодушно
На старика седого взглянете,
Как прежде вы на юношу смотрели,
Иль, может, с той же дружбой благосклонной,
Которая не растревожит сердца.
Быть может, вам тогда признаюсь я,
Как я любил вас втайне — долго, трудно;
Вы посмеетесь надо мной — и сам
Я улыбнуся холодно и горько...
А если вдруг тогда в обоих нас
Проснется мысль, что оба мы напрасно
Растратили и жизнь и сердца жар,
Меж тем как, может быть, одно бы слово
Могло заставить нас жить полной жизнью?
Ну! если вдруг с испугом мы назад
Оглянемся на то, что безвозвратно,

И об ошибке целой жизни мы
С раскаяньем бесплодным пожалеем?..
Как мне все эти думы тяжелы,
А отогнать их не имею силы!..
Но нет! Старик вам никогда не скажет,
Как юноша умел любить вас сильно,
С насмешкою холодною и горькой
Он не вспомянет о прошедшем чувстве,
Но при закате мирном тусклых дней
Он сохранит о нем воспоминанье
Глубоко и безмолвно, как святыню...

XXXV

Я проезжал печальные края,
Все капал дождь и реяли туманы;
И много смут в дни эти прожил я,
Мучительно болели сердца раны.
Когда бы знали вы, вам было б жаль,
Что в жизни мне так многое постыло,
Что старая досадна мне печаль,
И то смешно, что прежде было мило!
Но в эти дни унынья и скорбей
Душе еще один приют имелся,
Как страннику в морозы зимних дней
Огонь, где б он оттаял и пригрелся.
Приют души, мой светлый огонек —
Любовь моя! И с нею те мгновенья,
Когда о вас я втайне думать мог
И наяву теряться в сновиденьи.
О! сколько сердце знало чудных грез,
Надежд, где все ласкает иль тревожит,
Стремлений жарких, задушевных слез,—
Того язык пересказать не может.
И пусть мои обманчивы мечты,
И пусть пройду я одиноко в мире,
И сладкий звук душевной полноты
Замолкнет робко, пробежав по лире.
Довольно! я любил вас в тишине!..
И, может быть, когда меня не станет,
На эти строки, отзываясь мне,
Слеза любви с ресницы вашей канет!..

XXXVI

Schwalbach. 29 августа <1843 г.>

Я возле вас сидел во сне:
Моей любви прочли вы муку
В дрожащем голосе — и мне
Вы крепко, крепко сжали руку
И говорили мне: люблю!
Так близко вы ко мне дышали
И шею обняли мою,
Меня в уста вы целовали.
И вот, когда проснулся я,—
Так сердце было полно вами.
Все, что от вас есть у меня,
Я облил жаркими слезами.
Безумно я весь день бродил
И на устах, душой ликуя,
Еще я мнимое носил
Напечатленье поцелуя.

XXXVII

Генуя. Октябрь <1843 г.>

Я изнывал в глуши печальной,
И мне казалось, что давно
Забыт уж вами странник дальний,
И сердцу было холодно.
Но ваше милое посланье
Мне отогрело сердце вновь;
Опять живее упованье,
Опять доверчивей любовь!
Так вы меня не позабыли?
Так вы меня в родной стране
Хотя немного, да любили
И вспоминали обо мне.
Я скоро вновь сожму вам руку.
Я скоро вновь увижу вас.
Слезу очей и сердца муку
Поймете ль вы на этот раз?
Иль благосклонны — без участья —
Ни рукожатья, ни слезы,

Ни сердца мук, ни сердца счастья
Понять не захотите вы?
Я верю!.. мне не верить больно!
Не верю!.. верить мне смешно!
Я не состарился довольно,
И уж не молод <я> давно.
Еще ли жизнь меня обманет?
Еще ли светлый сон пройдет?
И жизнь еще страшней мне станет,
И холод пуще обоймет?..
Но ваше милое посланье
Мне отогрело сердце вновь;
Опять живее упованье,
Опять доверчивей любовь!..

XXXVIII

И вот уже прошло еще полгода!
Мне стих был чужд. В чаду пустом
Сгорала жизнь. Безумная свобода
Была мне диким божеством.
Покорствуя бесстыдно произволу,
Я был как мальчик, что вчера
На волю вырвался, оставя школу...
Прошла брожения пора:
Опять душа бежит пустых волнений,
К ней плесень лжи не привилась,
И вновь ищу я чистых вдохновений,
И вновь мой стих звучит для вас.
Пускай жестоко жизнь играет мною,
Иль дерзко я играю ей:
Любовь меня возвысит над бедою,
Спасет из хаоса страстей,
Очистит дух святынею страданья,—
И жизнь я вытерплю мою,
И горечь слез, и тяжесть испытанья
В ней за любовь благословлю,
За несколько внутри души прожитых
Святых минут, блаженных снов,—
Цветка больного хладом не убитых
Кой-где трепещущих листов.

XXXIX

Берлин. Июнь <1844 г.>

Я вам сказать хотел бы много.
Все то, что на сердце лежит,
Что тайной, внутренней тревогой
Все эти дни меня томит.
Пусть никогда не донесется
До вас пустынный голос мой,
Пусть только мне в мечте одной
Вниманье ваше отзовется,—
Довольно! Я воображу,
Что вы со мной, что в вас пробудит
Участье то, что я скажу,
И мне, быть может, легче будет.
В себя печально заглянуть
Пришлося мне в уединенье —
И тяжело вздохнула грудь!
В душе нашел я опустенье...
Нашел, что смертный холод жмет
Мне сердце — и оно остыло...
Ужели время все сгубило,
Уже тем самым, что идет,
Идет так долго, пусто, вяло,
Что просто жить душа устала?
То, чем она была полна,
Ее не греет, не тревожит,
И уж бесчувственна она,
И уж любить она не может...
И показалось мне, что я
Вас не люблю — а то, что было,
Напрасно душу шевелило,
Что вся любовь была моя
Одним болезненным движеньем
Последней юности, огня
Последней вспышкою,— и я
Проститься должен с сновиденьем,
Душой погасшею истлеть,
Состарясь сердцем, замереть.
И что ж я делал в самом деле?
Умел ли вам сказать доселе,

Как я страдаю, как люблю,
Как вам бы отдал жизнь мою?
Пред вами пал ли на колени?
Рыдал ли я у ваших ног?
Или себя я превозмог?
Блаженство внутренних мучений,
Как тайну неба затая
Там где-то свято и глубоко,—
Умел ли с этой тайной я
Гореть и гаснуть одиноко?
Нет, нет! Любовь моя есть ряд
Полунадежд, полупризнаний,
Полунесказанных страданий,
Полусказавшихся отрад.
О! Так ли любят? Боже, боже!
И что ж осталось от всего?
Тетрадь стихов, где вечно то же
Сказалось — больше ничего?
И те, когда я их читаю,
Так жалки кажутся, смешны,
Натянуты и холодны,
Что я себя в них презираю.
И что ж я сделал для любви?
Брался за кисть — и бросил снова...
Тоска сухая вновь готова
Снедать бесплодно дни мои.
Скажите мне! Ужель душою
Я опустел и вас забыл?
Иль никогда вас не любил
И только жил я сам с собою,
Чтоб жизнь пустую как-нибудь
Занять и время обмануть?
Так я пишу в ночи безгласной
И так томлюсь... и много дум
Испуганный тревожат ум,
И сердцу больно, сердцу страшно.
Зачем я жил? Зачем живу?
Я жил, желал, страдал, стремился,
Терялся в грезах наяву...
И что ж нашел? чего ж добился?
Где вера? истина? любовь?
И нет любви, ничтожно знанье,
И веры нет — и скучно вновь

Все те же повторять страданья;
И скучно жить и страшно жить,
Жить и не верить, не любить!
Давно хотелось мне стихами
Путь человека описать,
Который с первыми лучами
Оставил дом. Ему дышать
В прохладе утренней раздольно.
Проснулась птичка с песней вольной;
Она летит, она поет,
И жить и петь ей наслажденье;
И вдаль следить ее полет,
Ее заслушиваться пенья
Так хорошо, что можно в том
Душою вовсе погрузиться
И будто в чудном сне забыться.
И вот развеялись кругом
Тумана утреннего тени,
И зелен лес, и робко в нем
Заводит шепот лист с листом,
И пахнут свежие сирени.
Поток серебряной струей
Звенит о камень, злак поляны
Сверкает трепетной росой,
И юн и ясен день румяный.
И жизнь свежа, и жизнь ясна,
И сердце бьется жизнью новой,
Душа тепла, душа полна,
Молитва с уст звучать готова...
Но дале в путь! Уж смолк поток,
Дол шире, солнце пышет ярко;
Поник головкою цветок,
Дышать безмолвной птичке жарко.
И путник, будто утомлен,
Ступает медленно и вяло,
И вдаль печально смотрит он,
Душа сгрустнулась и устала.
Как дальний сон, как смолкший звук,
Воспоминание тревожит
Картиной утра; но уж дух
Знать прежней радости не может.
И дале в путь! И степь кругом,
И взор конца не различает,

И знойно день палит лучом,
Трава желтеет и сгорает,
Уж пеплом стал степной ковыль,
Уже земля калится в пыль,
И с диким свистом ветер жгучий,
Беснуясь, носит прах летучий.
И путник дале хочет в путь,
Но все усилья тщетны стали;
Уста засохли, щеки впали,
Трепещет, задыхаясь, грудь,
И в нем, как в выжженной равнине,
Сгорела жизнь; проклятья стон
Извлечь чуть внятно может он
И, мертвый, падает в пустыне.
Про этот путь уж я давно
Хотел писать; но ныне муки
Не просят рифмы; мимо звуки
Проносятся; затворено
Уже для них тупое ухо;
Я стар; ушли мечты мои —
И жизнь стихов и жар любви,
И только сердце ноет глухо.
Так я удушливой тоской
Томился трудно в час ночной,—
И вот светать уж начинало...
Иной рассвет в родной стране
Тогда пришел на память мне,
И сердце вдруг затрепетало,
И слезы брызнули из глаз...
О! много, много значат слезы
В часы, когда волнуют нас
Души убийственные грозы!
Я плакать так давно не мог,
И сладки мне те слезы были;
Они мне душу освежили,
Как летний дождь больной цветок.
О нет! скажите — ведь не может
Душа забыть любви своей?
Минутно жизнь ее тревожит,
Но тяжкий гнет сухих скорбей
Еще в ней жизни не задушит,
Ее святыни не нарушит,
И в тайной глубине своей

Источник слез она откроет
И след унынья ими смоет,
Воскреснет чище и светлей,
Полна любви, полна желаний,
Полна молитв, и теплоты,
И грусти, и святых страданий,
Рожденных ей от полноты.
Возьмите эти слезы ныне!
Их память вызвала о вас;
Она в душе отозвалась:
Как жизни дух в немой пустыне...
И снова веет мне весной,
И снова небо безмятежно,
И снова в сад зеленый мой
Слетела птичка с песней нежной.
Возьмите вы в слезах моих
Моей любви и свет и муку...
Когда б я выплакать мог их
На вашу беленькую руку,
Быть может, вы могли б понять —
Как хорошо любя страдать,
Слезами сладко упиваться,
Как сладко сердцу верить в сон,
Что для души так вечен он,
Как вечно чувство... О! не ложно
То чувство чистое любви,
Оно не легкий пыл в крови,
И потушить его не можно.
Возьмите! Ваши слезы эти!
И заплатите мне слезой,
Слезой участья... Боже мой!
Ведь только надо мне <на> свете,
Чтоб в жизни миг отрады знать!
От вас иного чувства ждать
И грезить смею я едва ли...
И дай бог вам всю жизнь не знать
Душевной бури иль печали...
Но дайте мне слезу одну
Обыкновенного участья:
Я в смертный час вас вспомяну
За этот миг живого счастья!..
        Недавно видел я во сне,
Что вы цветов прислали мне,

Их память живо сохранила...
Скажите! Что бы это было?
Что этот сон?.. Так просто сон?
Иль что-нибудь да значит он?
Но вы далеко! Голос мой
Один звучит и замирает,
Мечта уходит за мечтой,
И грусть восторги заменяет...
О! замолчу! смирю печаль,
Покоя сердца не нарушу;
Боюсь взглянуть на жизни даль,
Боюсь взглянуть себе я в душу!..

XL

Учусь! Учусь! и жажда знанья мучит!
Я истины хочу и не боюсь
Сомнений долгих, трудных отрицаний;
Все призраки разрушить я готов,
Хотя б они и близки были сердцу.
Я часто ныне чувствую в себе,
Что становлюсь я духом чище, крепче;
Ясней смотрю на вещи, и мой взгляд
Широко мир безгранный обнимает,
И все родней становится душа
С таинственной, глубокой жизнью духа.
Тружусь я днем, над книгой ночь сижу
И в черных буквах на бумаге белой
Ищу я мысль и ясный верный образ,
И жизнь моя идет полна, ровна...
Но иногда внезапно дрогнет сердце,
В груди внезапный трепет пробежит,
Не вижу букв, не понимаю мысли:
Иное чувство душу повернет,
И в памяти иной проснется образ.
И снова вы, все вы передо мной!
Не отвожу от призрака я взора
И чувствую глубоко, что люблю
И что люблю я бесконечно трудно!
Но и расстаться с чувством не могу,
И на душе так чудно — грустно, грустно...

* * *

Длинный день проходит вяло,
Скучны люди, жизнь узка,
И живет в душе усталой
Беспокойная тоска.

Но опять полно стремленья
Сердце в поздней тишине,
И желанное виденье
Предстает в блаженном сне.

А наутро все пропало,
Скучны люди, жизнь узка;
И опять в душе усталой
Беспокойная тоска.

МИННЕЗИНГЕР

Нет у певца страны родной,
Из края в край далекий
Он с арфой звонкой за спиной
Блуждает одиноко.
Нет встреч отрадных для него
И горькой нет разлуки;
Но в глубине души его
Все сны, да сны, да звуки.

Но в сердце как святыню он
Чудесный образ носит,
И тщетно и безумно он
Любви и счастья просит.
Из глубины души его
Встают и сны и звуки,
И песня звонкая его
Полна любви и муки.

* * *

Тускло сквозь сереньких тучек
    Месяц глядит с небес,
Тянется возле дороги
    Длинный еловый лес.

Снег навалился на ветви,
    Мрак в глубине лесной;
Кони мои приустали,
    Дремлет ямщик седой.

Помню, давно я здесь ехал
    В светлой ночной тиши,
Ехал я к близким мне людям,
    Пел соловей в глуши.

ЭМС

Горы спят под дымкой
   Легкого тумана,
И волной ленивой
   Звучно льется Лана.
Месяц лучезарный
   Светит на вершины;
Тянутся безмолвно
   Темные долины.
В синеве небесной
   Звезды блещут ясно;
Ветер притаился,
   Ночь лежит безгласно.
Думы возникают,
   Да мольбы, да грезы;
На душе так полно,
   Что катятся слезы.

ПУСТОЙ ДОМ

Стоит опустелый
Большой белый дом;
Давно жить не хочет
Никто уже в нем.
Все в доме безмолвно,
Пока длится день,
Но бродит там ночью
Тревожная тень.
Все темные залы
Обходит она,
И белая в мраке
Одежда видна.
В старинную спальню
Проходит потом:
Пред стертой иконой
Мгновенным огнем
Вспыхает лампада,—
И видно, как там
Клочками обои
Висят по стенам.
Там брачное ложе
Осталось одно,
Над ним занавеска
Слиняла давно.
Садится на ложе
Под ветхую сень,
Садится и плачет
Печальная тень,
И русой косою

В безмолвьи ночей
Слезу утирает
С потухших очей.
Слыхал я о мертвой
От старых людей,—
С чего на том свете
Покоя нет ей;
Слыхал, кто жестоко
Ей жизнь отравил,
Кто даже поминок
По ней не творил.

* * *

Он уж был испытан
Жизнью да сомненьем,
Речь его дышала
Злобой и презреньем.
Дева взор невинный,
Светлая душою,
К небу устремила
С тихою мольбою.
Он, скрестивши руки,
Стал пред ней угрюмо
И глядел ей в очи,
Полный горькой думой.

ОЖИДАНИЕ

Открылась даль, заря зажглась,
И море засверкало;
Свежа, как утро в ранний час,
Она у вод стояла:
«Сегодня срок, сегодня срок!
Корабль уж, верно, не далек».

А в полдень тучи нанеслись
При вопле ветра диком,
И чайки серые взвились
Над бурным морем с криком.
Волна кипит, волна шумит...
«О, да господь его хранит!»

Но снова буря улеглась,
Затихло море снова,
И вечер ясный мирно гас
На ткани бирюзовой.
Белелся парус рыбарей...
«Мой милый друг! скорей! скорей!»

Но вот звезда уже видна,
И море темно стало;
Как ночь безлунная грустна,
Она у вод стояла.
Не видно вдаль, волна растет...
«Корабль сегодня не придет!..»

НОЧЬ

Когда во тьме ночной, в мучительной тиши,
    Мои глаза дремотой не сомкнуты —
Я в безотвязчивом томлении души
    Переживаю трудные минуты.
Все лица прежние, картины прежних лет
    Передо мной проносятся, как тени;
Но чувства прежнего во мне уж больше нет:
    Я холодно гляжу на ряд видений.
Напрасно силюсь я будить в душе моей,
    Что жило в ней так сладко иль тревожно;
Любовь, страдание, блаженство прежних дней
    Мне кажется или смешно, иль ложно.
И мне грядущее замены не сулит;
    Вся жизнь пройдет несносною ошибкой,
И слезы горькие, текущие с ланит,
    Уста глотают с горькою улыбкой.

AURORA-WALZER

В моей глуши однообразной,
С незримых струн легко звеня,
Напев знакомый безотвязно
Весь день преследует меня.

Не будит он в воспоминаньи
Ни томный блеск лазурных глаз,
Ни час блаженного свиданья
Или разлуки скорбный час.

Под звук его, главой усталой
Склоняся, снов я не видал,
И, мчась безумно в вихре бала,
Я ручки беленькой не жал;

Но странным полон он томленьем,
Но им душа увлечена,
И вдаль с мучительным стремленьем
За ним уносится она.

ПРАЗДНИК

Что год, то меньше шлет мне праздник ликований,
Что год, то жизнь становится скучней.
Как много вымерло прекрасных упований,
Как близких много вымерло людей!
Христос воскрес! а те на вечную разлуку
Ушли куда-то и не придут вновь,
Не вспыхнет в сердце прежняя любовь,
И дружба молча, грустно мне протянет руку.

* * *

Еще любви безумно сердце просит,
Любви взаимной, вечной и святой,
Которую ни время не уносит,
Ни губит свет мертвящей суетой;
Безумно сердце просит женской ласки,
И чудная мечта нашептывает сказки.

Но тщетно все!.. ответа нет желанью;
В испуге мысль опять назад бежит
И бродит трепетно в воспоминаньи...
Но прошлого ничто не воскресит!
Замолкший звук опять звучать не может
И память только он гнетет или тревожит.

И страх берет, что чувство схоронилось;
По нем в душе печально, холодно,
Как в доме, где утрата совершилась:
Хозяин умер — пусто и темно;
Лепечет поп надгробные страницы,
И бродят в комнатах все пасмурные лицы.

К*** <М. Л. ОГАРЕВОЙ>

Расстались мы — то, может, нужно,
То, может, должно было нам —
Уж мы давно не делим дружно
Единой жизни пополам;
И, может, врознь нам будет можно
Еще с годами как-нибудь
Устроиться не так тревожно
И даже сердцем отдохнуть.
Я несть готов твои упреки,
Хотя и жгут они, как яд.
Конечно, я имел пороки,
Конечно, в многом виноват;
Но было время — ведь я верил,
Ведь я любил, быть счастлив мог,
Я будущность широко мерил,
Мой мир был полон и глубок!
Но замер он среди печали;
И кто из нас виновен в том,
Какое дело — ты ли, я ли,—
Его назад мы не вернем.
Еще слезу зовет с ресницы
И холодом сжимает грудь
О прошлом мысль, как у гробницы,
Где в муках детский век потух.
Закрыта книга — наша повесть
Прочлась до крайнего листа;
Но не смутят укором совесть
Тебе отнюдь мои уста.
Благодарю за те мгновенья,

Когда я верил и любил;
Я не дал только б им забвенья,
А горечь радостно б забыл.
О, я не враг тебе... дай руку!
Прощай! Не дай тебе знать бог
Ни пустоты душевной муку,
Ни заблуждения тревог...
Прощай! на жизнь, быть может, взглянем
Еще с улыбкой мы не раз,
И с миром оба да помянем
Друг друга мы в последний час.

* * *

Тучи серые бродят в поднебесьи,
Дождь стучит в мостовую широкую,
В сердце что-то темно неприязненно,
Едет друг на чужбину далекую.

И придет весна, весна теплая,
Небо взглянет к нам голубоокое,
Лес зашепчет вновь свежими листьями,
Будет зелено поле широкое.

А ему будет больно и тягостно,
Потоскует душа одинокая,
Что весна-то пришла не в родных горах,
Что без друга чужбина далекая.

Тучи серые бродят в поднебесьи,
Дождь стучит в мостовую широкую,
В сердце что-то темно неприязненно,
Едет друг на чужбину далекую.

МОНОЛОГИ

I

И ночь и мрак! Как все томительно пустынно!
Бессонный дождь стучит в мое окно,
Блуждает луч свечи, меняясь с тенью длинной,
И на сердце печально и темно.
Былые сны! душе расстаться с вами больно;
Еще ловлю я призраки вдали,
Еще желание в груди кипит невольно;
Но жизнь и мысль убили сны мои.
Мысль, мысль! как страшно мне теперь твое движенье,
Страшна твоя тяжелая борьба!
Грозней небесных бурь несешь ты разрушенье,
Неумолима, как сама судьба.
Ты мир невинности давно во мне сломила,
Меня навек в броженье вовлекла,
За верой веру ты в моей душе сгубила,
Вчерашний свет мне тьмою назвала.
От прежних истин я отрекся правды ради,
Для светлых снов на ключ я запер дверь,
Лист за листом я рвал заветные тетради,
И все, и все изорвано теперь.
Я должен над своим бессилием смеяться
И видеть вкруг бессилие людей,
И трудно в правде мне внутри себя признаться,
А правду высказать еще трудней.
Пред истиной нагой исчез и призрак бога,
И гордость личная, и сны любви,
И впереди лежит пустынная дорога,
Да тщетный жар еще горит в крови.

II

Скорей, скорей топи средь диких волн разврата
И мысль, и сердце, ношу чувств и дум;
Насмейся надо всем, что так казалось свято,
И смело жизнь растрать на пир и шум!
Сюда, сюда бокал с играющею влагой!
Сюда, вакханка! слух мне очаруй
Ты песней, полною разгульною отвагой!
На — золото, продай мне поцелуй...
Вино кипит во мне, и жжет меня лобзанье...
Ты хороша! о, слишком хороша!..
Зачем опять в груди проснулося страданье
И будто вздрогнула моя душа?
Зачем ты хороша? забытое мной чувство,
Красавица, зачем волнуешь вновь?
Твоих томящих ласк постыдное искусство
Ужель во мне встревожило любовь?
Любовь, любовь!.. о нет, я только сожаленье,
Погибший ангел, чувствую к тебе...
Поди, ты мне гадка! я чувствую презренье
К тебе, продажной, купленной рабе!
Ты плачешь? Нет, не плачь. Как? я тебя обидел?
Прости, прости мне — это пар вина;
Когда б я не любил, ведь я б не ненавидел.
Постой, душа к тебе привлечена —
Ты боле с уст моих не будешь знать укора.
Забудь всю жизнь, прожитую тобой,
Забудь весь грязный путь порока и позора,
Склонись ко мне прекрасной головой,—
Страдалица страстей, страдалица желанья,
Я на душу тебе навею сны,
Ее вновь оживит любви моей дыханье,
Как бабочку дыхание весны.
Что ж ты молчишь, дитя, и смотришь в удивленьи,
А я не пью мой налитой бокал?
Проклятие! опять ненужное мученье
Внутри души я где-то отыскал!
Но на плечо ко мне она, склоняся, дремлет,
И что во мне — ей непонятно то;
Недвижно я гляжу, как сон ей грудь подъемлет,
И глупо трачу сердце за ничто!

III

Чего хочу?.. Чего?.. О! так желаний много,
Так к выходу их силе нужен путь,
Что кажется порой — их внутренней тревогой
Сожжется мозг и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвигов хочу,
Еще хочу любить с безумною тоскою,
Весь трепет жизни чувствовать хочу!
А втайне чувствую, что все желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хил,
Мои стремления замолкнут безответны,
В попытках я запас растрачу сил.
Я сам себе кажусь, подавленный страданьем,
Каким-то жалким, маленьким глупцом,
Среди безбрежности затерянным созданьем,
Томящимся в брожении пустом...
Дух вечности обнять за раз не в нашей доле,
А чашу жизни пьем мы по глоткам,
О том, что выпито, мы все жалеем боле,
Пустое дно все больше видно нам;
И с каждым днем душе тяжеле устарелость,
Больнее помнить и страшней желать,
И кажется, что жить — отчаянная смелость;
Но биться пульс не может перестать,
И дальше я живу в стремленьи безотрадном,
И жизни крест беру я на себя,
И весь душевный жар несу в движеньи жадном,
За мигом миг хватая и губя.
И все хочу!.. чего?.. О! так желаний много,
Так к выходу их силе нужен путь,
Что кажется порой — их внутренней тревогой
Сожжется мозг и разорвется грудь.

IV

Как школьник на скамье, опять сижу я в школе
И с жадностью внимаю и молчу;
Пусть длинен знанья путь, но дух мой крепок волей,
Не страшен труд — я верю и хочу.

Вокруг все юноши: учительское слово,
Как я, они все слушают в тиши;
Для них все истина, им все еще так ново,
В них судит пыл неопытной души.
Но я уже сюда явился с мыслью зрелой,
Сомнением испытанный боец,
Но не убитый им... Я с призраками смело
И искренно расчелся наконец;
Я отстоял себя от внутренней тревоги,
С терпением пустился в новый путь
И не собьюсь теперь с рассчитанной дороги —
Свободна мысль, и силой дышит грудь.
Что, Мефистофель мой, завистник закоснелый?
Отныне власть твою разрушил я,
Болезненную власть насмешки устарелой;
Я скорбью многой выкупил себя.
Теперь товарищ мне иной дух отрицанья;
Не тот насмешник черствый и больной,
Но тот всесильный дух движенья и созданья,
Тот вечно юный, новый и живой.
В борьбе бесстрашен он, ему губить — отрада,
Из праха он все строит вновь и вновь,
И ненависть его к тому, что рушить надо,
Душе свята, так как свята любовь.

ИСКАНДЕРУ

Я ехал по полю пустому;
И свеж и сыр был воздух, и луна,
Скучая, шла по небу голубому,
И плоская синелась сторона;
В моей душе менялись скорбь и сила,
И мысль моя с тобою говорила.

Все степь, да степь! нет ни души, ни звука;
И еду вдаль я горд и одинок —
Моя судьба во мне. Ни скорбь, ни скука
Не утомят меня. Всему свой срок.
Я правды речь вел строго в дружнем круге —
Ушли друзья в младенческом испуге.

И он ушел — которого, как брата
Иль как сестру, так нежно я любил!
Мне тяжела, как смерть, его утрата;
Он духом чист и благороден был,
Имел он сердце нежное, как ласка,
И дружба с ним мне памятна, как сказка.

Ты мне один остался неизменный,
Я жду тебя. Мы в жизнь вошли вдвоем;
Таков остался наш союз надменный!
Опять одни мы в грустный путь пойдем,
Об истине глася неутомимо,
И пусть мечты и люди идут мимо.

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

(Посвящено Грановскому)

Спокойно вижу я годов минувших даль,
Грядущее встречаю без волненья,
И нет раскаянья, и прошлого не жаль,
Нет перед тем, что будет,— опасенья.
На грезы юности смотрю я без презренья:
Пусть было многое в них жалко и смешно,
Но подлости на них не брошено пятно;
Разврат, любовь иль труд — пусть все бесплодно
В душе кипело, но все было благородно.

С ошибкой детскою разделаться я рад
И веселей встречаю горечь истин,
Чем малодушие мечтательных отрад;
Я в деле счастья горд и бескорыстен!
Но мир, который мне, как гнусность, ненавистен,
Мир угнетателей, обмана и рабов —
Его, пока я жив, подкапывать готов
С горячим чувством мести или права,
Не думая о том — что — гибель ждет иль слава.

Пусть иногда тоска теснит мне жизнь мою
И я шепчу проклятья или пени,
Но сердцем молод я. Еще я жизнь люблю,
Люблю я видеть синей ночи тени
И мирный проблеск дня; люблю внимать средь лени
Волны плескание, лесов зеленых шум,
С восторгом предаюсь работе ясной дум,
И все, что живо полюбил когда-то,—
Осталось мне навек и сладостно и свято.

* * *

Бываю часто я смущен внутри души
    И трепетом исполнен и волненьем:
Какой-то ход судьбы свершается в тиши
    И веет мне от жизни привиденьем.
В движеньи шумном дня, в молчаньи тьмы ночной,
    В толпе ль, один ли, средь забав иль скуки —
Везде болезненно я слышу за собой
    Из жизни прежней схваченные звуки.
Мне чувство каждое, и каждый новый лик,
    И каждой страсти новое волненье,
Все кажется — уже давно прожитый миг,
    Все старого пустое повторенье.
И скука страшная лежит на дне души,
    Меж тем как я внимаю с напряженьем,
Как тайный ход судьбы свершается в тиши,
    И веет мне от жизни привиденьем.

ОТЪЕЗД

Ну, прощай же, брат! я поеду вдаль,
Не сидится на месте, ей-богу!
Ведь не то, чтоб мне было вас не жаль,
Да уж так — собрался я в дорогу.

И не то, чтоб здесь было худо мне,
Нет! мне все как-то близко, знакомо;
Ну, и дом, и сад, и привык к стране:
Хорошо, знаешь, нравится дома.

И такое есть, о чем вспомнить мне
Тяжело, а забыть невозможно;
Да не все ж твердить о вчерашнем дне —
Неразумно, а может, и ложно!

И вот видишь, брат, так и тянет в путь,
Погулять надо мне на просторе,
Широко пожить, на людей взглянуть
Да послушать гульливое море.

Много светлых стран, много чудных встреч,
Много сладких слов, много песен...
Не хочу жалеть! не хочу беречь!
Ну прощай! мир авось ли не тесен.

УПОВАНИЕ

Год 1848

Anno, cholerae morbus

Все говорят, что ныне страшно жить,
Что воздух заражен и смертью веет;
На улицу боятся выходить.
Кто встретит гроб — трепещет и бледнеет.
Я не боюсь. Я не умру. Я дней
Так не отдам. Всей жизнью человека
Еще дышу я, всею мыслью века
Я жизненно проникнут до ногтей,
И впереди довольно много дела,
Чтоб мысль о смерти силы не имела.
Что мне чума? — Я слышу чутким слухом
Со всех сторон знакомые слова:
Вблизи, вдали одним все полно духом,
Все воли ищут! Тихо голова
Приподнялась, проходит сон упрямый,
И человек на вещи смотрит прямо.
Встревожен он. На нем так много лет
Рука преданья дряхлого лежала,
Что страшно страшен новый свет сначала.
Но свыкнись, узник! Из тюрьмы на свет
Когда выходят — взору трудно, больно,
А после станет ясно и раздольно!
О! из глуши моих родных степей
Я слышу вас, далекие народы,
И что-то бьется тут, в груди моей,
На каждый звук торжественный свободы.

Мне с юга моря синяя волна
Лелеет слух внезапным колыханьем...
Роскошных снов ленивая страна —
И ты полна вновь юным ожиданьем!
Еще уныл ave Maria глас,
И дремлет вкруг семи холмов поляна,
Но втайне Цезарю в последний раз
Готовится проклятье Ватикана.
Что ж? Начинай! Уж гордый Рейн восстал,
От долгих грез очнулся тих, но страшен,
Упрямо воли жаждущий вассал
Грозит остаткам феодальных башен.
На западе каким-то новым днем,
Из хаоса корыстей величаво,
Как разум светлое, восходит право,
И нет застав, земля всем общий дом.
Как волхв, хочу с востока в путь суровый
Идти и я, дабы вещать о том,
Что видел я, как мир родился новый!

И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тут
Знал сердцу светлых несколько минут,
Еще за то, что, вместе изнывая,
С тобою я и плакал и страдал
И цепью нас одною рок связал,—
И ты под свод дряхлеющего зданья,
В глуши трудясь, подкапываешь взрыв?
Что скажешь миру ты? Какой призыв?
Не знаю я! Но все твои страданья
И весь твой труд готов делить с тобой
И верю, что пробьюсь, как наш народ родной,
В терпении и с твердостию многой
На новый свет неведомой дорогой!

FATUM

Вхожу я в церковь — там стоят два гроба,
Окружены молящимися оба.
Один был длинный гроб, и видел в нем
Я мертвеца с измученным лицом,
С улыбкою отчаянья глухого,
И кости лишь да кожа — так худого.
Казался он не стар, но был уж сед,
Как будто бы погиб под ношей бед.
Бледна, как он, и столько же худая
Стояла возле женщина, рыдая;
И дети нищие на мертвеца
Смотрели с детской глупостью лица.

А гроб другой был мал, и в нем лежало
Дитя — так тихо, будто задремало.
Отец и мать у гроба, а вокруг,
Одетых в траур, было много слуг.
Печально мать красавица молчала,
То плакала, то тяжело вздыхала.
Отец в себя казался углублен
И все шептал: «Зачем он был рожден?»
И я тоски не в силах был сносить;
Я вышел вон, и в лес ушел бродить,—
И ветер выл, и тучи тяготели,
А на корнях, треща, качались ели.

ЗАБЫТО

Я ему сказала:
«Возвратился милый!
Дни прошли и годы —
Я не позабыла;
Я все так же, так же,
Как в ту ночь — что знаешь,
Все люблю, как прежде,
Так, как ты желаешь».
Он пожал плечами,
Не сказал ни слова,
И хотел он тут же
Удалиться снова.
Я его схватила,
Я его держала
За руки, за платье —
Все не отпускала.
Пала на колени,
Целовала руки,
Ноги целовала,
Плакала от муки.
Он взглянул мне в очи...
Тут мне показалось,
Что меня он любит,
Что в нем сердце сжалось.
Он взглянул мне в очи —
Отвернулся снова,
И прошел он мимо —
Не сказал ни слова.

КУПАНЬЕ

Чьей легкой ножки при реке
Следы остались на песке?
Зачем раздвинут куст прибрежный?
Чья шаловливая рука
Листки цветов его слегка
Щипала в резвости мятежной?
Чу! Спрячься — брызнула струя —
И стой, дыханье притая.
Смотри, как, воды рассекая,
Встает головка молодая
С улыбкой детской на устах
И негой южною в очах.
А солнце утреннее блещет
На черный лоск ее волос;
Плечо из вод приподнялось,
И грудь роскошная трепещет.
Вот косу белою рукой
Она сжимает над водой,
И влага — медленно стекая —
Звенит, по капле упадая.
Вот повернулась и плывет,
С змеиной ловкостию вьется,
То прячется в прохладу вод,
То, чуть касаясь их, несется.
Остановилась и, шутя,
Волною плещет, как дитя.
Потом задумалась, и, видно,
Пора оставить ей поток;
Выходит робко на песок,

Как будто ей кого-то стыдно.
Уже одну из резвых ног
Сжимает узкий башмачок,
Уже и ткань рубашки белой
Легла на трепетное тело...
Не подходи теперь ты к ней —
Она дика и боязлива
И, серны ветреной быстрей,
От нас умчится торопливо.
Но знаю я, пред кем она
Всегда покорна и смирна;
Я знаю, кто рукой небрежной
Ласкает стан красотки нежной,
Кому на грудь во тьме ночей
Рассыпан шелк ее кудрей.

1849 ГОД

Вы знаете: победа дряхлой власти
Свершилася. Погибло, как мятеж,
Свободы дело, рушилось на части,
И деспотизм помолодел и свеж.
Безропотно, как маленькие дети,
Они свободу отдали тотчас,
В смущении боясь отцовской плети,
И весь восторг, как шалость, в них погас.
Вы знаете: в Европе уже ныне
Не сыщется ни одного угла,
Где б наша жизнь, верна своей святыне,
Светло и мирно кончиться могла.
Вы не зарезались? Еще, быть может,
Жить хочется? Так что ж? Скорей, скорей!
Бегите в степь, где разве вихрь тревожит,
В Америку — туда, где нет людей!
И до седин бесплодно доживая,
С отчаяньем в груди умрете там,
Забыть стараясь и не забывая,
Что все, что в жизни было, свято вам,
Мечты свободы, ваши убежденья
Не нужны никому — и все замрут,
Как всякие безумные мученья,
Как всякий мозга бесполезный труд!

АРЕСТАНТ

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка,
У ворот ее замкнуты
Два железные замка.
Чуть дрожит вдоль коридора
Огонек сторожевой,
И звенит о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

«Часовой!» — «Что, барин, надо?» —
«Притворись, что ты заснул:
Мимо б я, да за ограду
Тенью быстрою мелькнул!
Край родной повидеть нужно,
Да жену поцеловать,
И пойду под шелест дружный
В лес зеленый умирать!..»

«Рад помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь, чай, тож и я!
Пуля, барин, ничего бы,
Да боюся батожья!
Поседел под шум военный...
А сквозь полк как проведут,
Только ком окровавленный
На тележке увезут!»

Шепот смолк... Все тихо снова...
Где-то бог подаст приют?
То ль схоронят здесь живого?

То ль на каторгу ушлют?
Будет вечно цепь надета,
Да начальство станет бить...
Ни ножа! ни пистолета!..
И конца нет сколько жить!

К Н.<А. ТУЧКОВОЙ>

На наш союз святой и вольный —
Я знаю — с злобою тупой
Взирает свет самодовольный,
Бродя обычной колеей.
Грозой нам веет с небосклона!
Уже не раз терпела ты
И кару дряхлого закона
И кару пошлой клеветы.
С улыбкой грустного презренья
Мы вступим в долгую борьбу,
И твердо вытерпим гоненья,
И отстоим свою судьбу.
Еще не раз весну мы встретим
Под говор дружных нам лесов
И жадно в жизни вновь отметим
Счастливых несколько часов.
И день придет: морские волны
Опять привет заплещут нам,
И мы умчимся, волей полны,
Туда — к свободным берегам.

БАРЫШНЯ

В деревне барышня стыдливо,
Как ландыш майский, расцвела,
Свежа, застенчива, красива,
Душой младенчески мила.
Она за чтением романа
Чего-то в будущем ждала,
Играла вальс на фортепьяно
И даже с чувством петь могла.
Привычки жизни, барству сродной,
Невольно как-то отклонив,
Она имела благородный,
Хоть бессознательный порыв,
И плакала, когда, бывало,
На слуг сердясь, шипела мать,
И иногда отцу мешала
Сурово власть употреблять;
Любила летом вод паденье
И сада трепетную тень,
Катанья зимнего движенье
И вечеров тоску и лень.
И где она? и что с ней сталось?
В ней сохранился ль сердца жар?
Иль замуж вышла как попалось?
Заезжий ли пленил гусар,
Или чиновник вороватый —
Смиренно гаденький чудак?
Иль барин буйный и богатый —
Любитель водки и собак?
Иль, может, по сердцу героя

В степной глуши не находя,
Себя к хозяйству не пристроя,
Свой мир заоблачный щадя —
Она осталась девой чинной
Все с тем же вальсом и умом,
С душой младенчески невинной,
Но с увядающим лицом;
И вечно входит в умиленье
И романтическую лень,
Встречая летом вод паденье
И сада трепетную тень?

* * *

Опять знакомый дом, опять знакомый сад
И счастья детские воспоминанья!
Я отвыкал от них... и снова грустно рад
Подслушивать неясный звук преданья.
Люблю ли я людей, которых больше нет,
Чья жизнь истлела здесь, в тиши досужной?
Но в памяти моей давно остыл их след,
Как след любви случайной и ненужной.
А все же здесь меня преследует тоска —
Припадок безыменного недуга,
Все будто предо мной могильная доска
Какого-то отвергнутого друга...

БЕГСТВО

«Ступай,— сказал он,— под венец!»
А я: «Не принуждай, отец!
Мне рано замуж; дай подолей
Потешиться девичьей волей!»
Отец сдержал привычный гнев
И, злобы дрожь преодолев,
Сказал, что я сама не знаю,
Как глупо счастие теряю.
Я все свое; но, наконец,
Личину сбросил мой отец
И закричал, что вовсе мненья
Он моего не хочет знать,
Что долг мой есть повиновенье,
Что он привык повелевать.
Я в страхе на колени стала,
И плакала, и умоляла,
Чтобы меня он пощадил,
Уж лучше б в монастырь пустил.
Он топнул... А ему я снова:
«Отец! ведь я люблю другого!»
А он меня ударил... Как,
Что после — помню как сквозь мрак.
Вскочив, отца не видя боле,
Тайком ушла я садом в поле,
Забыла холод, голод, труд —
Ушла искать себе приют.

* * *

Старик, как прежде, в час привычный
Сидел за книгою обычной,
Но не тревожила слегка
Страниц бессильная рука;
Взор устремлен был, но без цели;
Уста как бы шептать хотели,
Но мысль не находила слов.
Старушка, глядя сквозь очков,
В оцепененьи отупелом
С чулком сидела у окна —
И не вязала. В доме целом
Была немая тишина.

Меж тем давно ли здесь, бывало,
Все свежей жизнию дышало,
И девушка в осьмнадцать лет
Вносила мирно в дом старинный
Дар звонких песен, смех невинный
И милый, ласковый привет?
И что ж? так просто, так ничтожно!
Мороз дохнул неосторожно,
И вот горячка; ей вослед
Томящий жар, тяжелый бред,
Потом и кровь чуть бьется в жилах,
Потом и грудь дышать не в силах,
Потом и блеск в глазах потух,
И бледный труп и нем и глух.

И старики остались оба,
Как будто тяжкой жизни нить

Пресечена, а их сложить
Забыли в мирный холод гроба.
И в доме царствует одна
Теперь немая тишина;
И если есть хоть что живое,
Так разве солнце золотое,
Когда играет здесь и там,
И на полу, и по стенам,
Да бродят мерно, как живые,
По кругу стрелки часовые...

* * *

Проклясть бы мог свою судьбу,
Кто весь свой век, как жалкий нищий,
Вел бесконечную борьбу
Из-за куска вседневной пищи;
Кто в ветхом рубище встречал
Зимы суровые морозы;
Кто в отупеньи забывал
Пролить над милым прахом слезы,
Не слушал томно при луне
Ни шум ручья, ни звук свирели,
А ждал в печальной тишине
Пустого дня под свист метели;
Кто ликований и пиров
Не знал на жизненном просторе,
Не ведал сладкой грусти снов,
А знал одно сухое горе.
Но много сносит человек
Средь жажды жить неутолимой,
И как бы жалок ни был век —
Страшит конец неотразимый.

СТАРИК

Еще я бодр! Еще, тоскуя,
Желанье разжигает кровь,
Еще я жажду поцелуя,
Еще я грежу про любовь!

Но девы от моих нападок
Бегут, исполнены стыда,
И старый вид мой стал им гадок,
Страшна седая борода.

Подчас ищу попасться в сети
Иной красавицы лихой,
Но вижу — юноши и дети
Тишком смеются надо мной.

И, опустив безмолвно руки,
Воспоминанием томим,
Средь тайной злобы или скуки
Я мыслю, тих и нелюдим:

«Постой, красавица! увянешь
И поседеешь наконец,
И если страстным взором взглянешь —
Ответит смехом молодец».

НА МОСТУ

Я на мосту стоял. Река
В ночи недвижно широка
Под ледяным своим покровом
Светилась пологом свинцовым.
Далеко трепетным огнем
В тумане фонари мерцали;
Высоко в воздухе ночном
Дома угрюмые стояли,
И редко в тишине звучал
По жестким плитам шаг пустынный,
Иль стук кареты дребезжал,
Спешащей путь покончить длинный.
Рождало чувство пустоты
Вопрос — подобие мечты,
И не могла мне до рассвета
Пустая ночь подать ответа.

К ЛИДИИ

Когда ты, грустная, слезу стерев с ресницы,
Задумчиво глядишь на прошлый путь,
Не видишь в будущем ни проблеска зарницы
И ищешь день убить бы как-нибудь:
Ведь я сочувствую тебе, и мне обидно,
Что жить тебе так страшно тяжело,
А между тем, мой друг, и самому мне стыдно,
Насколько жить мне вольно и светло!
Печален я теперь; но вдруг шипучей влагой
Иль улицы движеньем увлечен,
Я полон становлюсь разгульною отвагой
И в эту жизнь младенчески влюблен.

ВЕСНОЮ

Брожу я по лесу тропою каменистой:
Трепещут и блестят в ветвистой вышине
Зеленые листы под влагою росистой,
И сосен молодых дух свежий и смолистый
В весеннем воздухе отрадно веет мне;
Пчела жужжит, и ранний луч денницы
Встречают песнями ликующие птицы.

Схожу я к берегу на мшистый край стремнины,
Смотрю — внизу река клокочет и шумит,
За нею озимей спокойные равнины
С их юной зеленью... Все нежные картины!
И столько счастливый, и столько ясный вид,
Что, весело смотря на все живое,
Я чувствую в себе раздолье молодое.

* * *

Ты сетуешь, что после долгих лет
Ты встретился с своим старинным другом,
И общего меж вами вовсе нет...
Не мучь себя ребяческим недугом!
Люби прошедшее! Его очарований
Не осуждай! Под старость грустных дней
Придется жить на дне души своей
Весенней свежестью воспоминаний.

* * *

Домой я воротился очень поздно;
С друзьями я весь день пропировал,
А не было мне весело нисколько:
Тоска мне тяжко угнетала душу.
Я воротился — ночь была безгласна
И обдавала черной тьмой меня
Враждебно, так что было страшно.
Одна свеча горела предо мной —
Единый друг среди пустынной ночи,
Единый друг, но безотрадный!..

СОН

Когда сменился день молчаньем темной ночи,
Дремота смутная мне налегла на очи,
И вижу я: на площади народ,
И слышен звон с высоких колоколен,
И юный царь торжественно грядет
В порфире и венце, сияющ и доволен;
За ним попы, бояре и полки,
Хвалебный гимн гремит, блестят штыки...
Но мною обуял внезапно гнев священный,
Я бросился к царю, и дланью дерзновенной
С его главы сорвал златой венец,
И бросил в прах, и растоптал на части.
«Довольно! — я вскричал,— погибни, наконец,
Вся эта ветошь ненавистной власти!»
Пророческая мощь мою вздымала грудь,
А царь бледнел, испуганный и злобный;
В народе гул прошел громоподобный,
И как морская зыбь, грозы почуя путь,
Растет из тишины, в которой ей дремалось,—
Тысячеглавая толпа заколебалась...

СПЛИН

(Посвящено И. <А. Тучковой>)

Да, к осени сворачивает лето.
Уж ночью был серебряный мороз;
И воздух свеж, и — грустная примета —
Желтеет лист сквозь зелени берез,
Как волосок седой сквозь локон темный
Красавицы кокетливой и томной;
Уже и ветр брюзгливый и сырой
Колеблет лес и свищет день-деньской,
И облаков отряд сгоняет серый;
И вечера становятся без меры.

Уже пришла печальная пора:
Туманами окрестности покрыты,
И мелкий дождь с утра и до утра
Сырою пылью сыплет, как сквозь ситы;
Чернеясь, грязь по улицам видна,
День холоден, глухая ночь темна.
Затопим мы камин. Средь поздних бдений
Люблю, когда причудливые тени
Враждебным мраком дышат по углам,
А красный блеск трепещет по стенам.

Но в этот час я не люблю беседы
И многих лиц шумливый разговор:
Меня томит, как длинные обеды,
Хоть умный, но всегда бесплодный спор.
Иное дело — заниматься делом
Или хотеть, в тщеславьи закоснелом,

Сомнительной ученостью блеснуть
И времени теченье обмануть,
Праздноглагольствуя литературно
О том, что в мире хорошо иль дурно.

У стариков есть детская черта —
Рассказывать отлично анекдоты,
Где на конец всегда есть острота;
Но этот род погиб среди зевоты.
Что ж делать, друг, нам в эти вечера?
Болтать о том, что делалось вчера?
Наш status quo так глуп, что лучше мимо.
Уж не заняться ль нам делами Крыма?
Но ведь ни вы, ни я не офицер —
Изгнать врагов не сыщем новых мер.

Не вдаться ль в жар сердечных излияний?
Но ведь оно покажется смешно —
К лицу ли нам искание страданий
И радостей, замолкнувших давно...
Не вынуть ли бутылку из подвала?
Не принести ль два розовых бокала?
За здравье, что ль, не то за упокой
Нам чокнуться?.. А лучше нам, друг мой,
Безмолвствовать и думать. Грустно это,
Но, кажется, прилично в наши лета.

И ветр и дождь всю ночь в окно стучат,
Колеблются таинственные тени,
Дрова, горя, бледнеют и трещат,
И вновь встает забытый ряд видений.
Вот детство глупое; как и всегда
Бывают глупы детские года,
Но многое в них мирно улыбалось
И сохранить иное бы желалось...
Вот юность — вот играет кровь,
И сердце жжет ненужная любовь.

А там идут подряд все гроб за гробом.
Вот мрет старик, сердяся и кряхтя,
Вот друг погиб с чахоточным ознобом,
В волнах морских умолкнуло дитя,

И милое и светлое созданье
Туда ж пошло на вечное молчанье!
Но вы, мой друг, ни слова ни о чем;
Вы знаете — ведь лучше нам вдвоем
Безмолвствовать и думать. Грустно это,
Но, кажется, прилично в наши лета.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В вечернем сумраке долина
Синела тихо за ручьем,
И запах розы и ясмина
Благоухал в саду твоем;
В кустах прибережных влюбленно
Перекликались соловьи.
Я близ тебя стоял смущенный,
Томимый трепетом любви.
Уста от полноты дыханья
Остались немы и робки,
А сердце жаждало признанья,
Рука — пожатия руки.

Пусть этот сон мне жизнь сменила
Тревогой шумной пестроты;
Но память верно сохранила
И образ тихой красоты,
И сад, и вечер, и свиданье,
И негу смутную в крови,
И сердца жар, и замиранье —
Всю эту музыку любви.

КОКЕТКЕ

Зачем томишь ты друга моего?
Дитя! его ты ни за что погубишь!
Прошу тебя, ты пощади его!
Решись сказать: ты любишь иль не любишь?
Ты знаешь ли? он сердцем прост и смел,
И ум его широк и благороден,
Но страсти яд им страшно овладел,
И век его печален и бесплоден.
Еще вчера — когда перед тобой
Стоял, красуясь, юноша другой
И, на тебя глядя орлиным взором,
Смешил тебя беспечным разговором —
В углу сидел он мрачен и угрюм,
Убитый горечью ревнивых дум,
Желая и не слышать и не видеть,
И все ж любил, стараясь ненавидеть...
Ты поняла ль, безумное дитя,
Как ты его замучила шутя?
Ты помнишь ли, как он на пышном бале
Бродил в толпе, не видя никого,
И трепетно тебя искал по зале,
А ты, резвясь, скрывалась от него?
Как он тогда был бледен и расстроен!
А лик твой был сияющ и спокоен!
Ты знаешь ли? когда ты на него
Приветно взор уронишь одобренья,
Иль за руку, как друг, возьмешь его,
Иль с лаской бросишь слово без значенья —
Он целый день проходит как в чаду,

И рад и весел, как ребенок малый,
И ночью ждет, от счастия усталый,
Твоей любви в обманчивом бреду.
Ужель тебе его не жаль нисколько?
Неужто шутишь ты, дитя,— и только?
Но тщетно! Ты не слушаешь меня
И, тихо к ручке беленькой и гибкой
Задумчиво головку наклоня,
Ты блещешь вся тщеславною улыбкой.

DIE GESCHICHTE

За днями и́дут дни, идет за годом год —
С вопросом на устах, в сомнении печальном
Слежу я робко их однообразный ход;
И будто где-то я затерян в море дальнем —
Все тот же гул, все тот же плеск валов
Без смысла, без конца, не видно берегов;
Иль будто грежу я во сне без пробужденья
И длинный ряд бесов мятется предо мной:
Фигуры дикие, тяжелого томленья
И злобы полные, враждуя меж собой,
В безвыходной и бесконечной схватке
Волнуются, кричат и гибнут в беспорядке.
И так за годом год идет, за веком век,
И дышит произвол, и гибнет человек.

ПОРТРЕТЫ

Печально я смотрю на дружние портреты —
Черты знакомые и полные тоски!
Такие ль были мы, друзья, в былые лета,
Когда, еще унынья далеки,
Мы бодро верили в надежде благородной,
Что близок новый мир, широкий и свободный?
И вот теперь рассеялися мы...
Иные в гроб сошли, окончив подвиг трудный
Жить в этом мире хаоса и тьмы.
Мы проводили их. В пустыне многолюдной
Не многие осталися в живых:
Они должны свершить остаток дней своих,
Томясь в труде безвестном и бесплодном,
В уединении бесцветном и холодном.

* * *

В пирах безумно молодость проходит;
Стаканов звон да шутки, смех да крик
Не умолкают. А меж тем не сходит
С души тоска ни на единый миг;
Меж тем и жизнь идет, и тяготеет
Над ней судьба, и страшной тайной веет.
Мне пир наскучил — он не шлет забвенья
Душевной скорби; судорожный смех
Не заглушает тайного мученья!..

SEHNSUCHT

О! если бы я мог хотя на миг один
Отстать от мелкого брожения людского;
Я радостно б ушел, туда, за даль равнин,
На выси горные, где свежая дуброва
Зеленые листы колышет и шумит,
Между кустов ручей серебряный журчит;
Жужжит пчела, садясь на стебель гибкий,
И луч дневной дрожит сквозь чащи зыбкий.
Там соловей споет мне песню про весну;
Забуду прошлое и, впредь не видя цели,
Я лягу на траву душистую и сну
Предамся сладостно, как будто в колыбели.

AURORA MUSAE AMICA

Зимой люблю я встать поутру рано,
Когда еще все тихо, как в ночи,
Деревня спит, и снежная поляна
Морозом дышит, звездные лучи
Горят и гаснут в ранней мгле тумана.
Один, при дружном трепете свечи
Любимый труд уже свершать готовый —
Я бодр и свеж и жажду мысли новой.

Передо мной знакомые преданья,
Где собран опыт трудный долгих лет
И разума пытливые гаданья...
Спокойно шлю им утренний привет
И в тишине, исполненный вниманья,
Я слушаю, ловя летучий след,
Биенье жизни от начала века
И новый мир творю для человека.

Но гонит день туманы ночи сонной,
Проснулся гул — подобие волне,
Зовет звонок к работе обыденной.
И все, что мог создать я в тишине,
Развеет дико день неугомонный...
И в жизни вновь звучит уныло мне
Одно и то же непрерывной цепью,
Как ветра шум над бесконечной степью.

А ввечеру, всех дел окончив смету,
Засядем мы, мой друг, пред камельком:

Нам принесут печальную газету,
И грустно мы все новости прочтем
И ничего по целу белу свету
Отрадного ни капли не найдем,
И молча мы пожмем друг другу руку,
Чтоб выразить любовь, и скорбь, и скуку.

И<СКАНДЕ>РУ

О! если б ты подумать только мог,
Что пробудил во мне твой голос издалека,
Как вызвал тьму заглохнувших тревог,
Как рану старую разбередил глубоко!
В испуге ты и с воплем бы ко мне
На шею кинулся, любя меня, как прежде;
Но, свидясь вновь, мы в скорбной тишине
Уже не вверимся ребяческой надежде.
Нет! проклят будет этот век,
Где торжествует все, что низко и лукаво,
И где себе хороший человек
Страданья приобрел убийственное право.
Но все ж вперед! Быть может, нам дано
Прожить еще года в бесплодном этом споре,
И — как святыня глупая — одно
Для нас останется — безвыходное горе!

КАВКАЗСКОМУ ОФИЦЕРУ

Огни, и музыка, и бал!
Красавиц рой, кружась, сиял.
Среди толпы, кавказский воин,
Ты мне казался одинок!
Твой взгляд был грустен и глубок,
От тайного движенья неспокоен.

Тупой ли долг, любви ль печаль
Тебя когда-то гнали вдаль?
Или безвыходное горе?
Иль жажда молодой мечты —
Увидеть горные хребты
И посмотреть на юг и сине море?

И, возвратясь из тех сторон,
Ты, может, мыслью удручен,
Что — раб безумия и века —
Ты на войне был палачом,
И стало жаль тебе потом,
Что ни с чего зарезал человека?

А впрочем, может быть, что ты —
Питомец праздной пустоты —
Сидел усталый и бездушный,
А я сочувствие к тебе
Смешно натягивал в себе —
Попрежнему мечтатель простодушный.

МЕРТВОМУ ДРУГУ

Он духом чист и благороден был,
Имел он сердце нежное, как ласка,
И дружба с ним мне памятна, как
сказка...

То было осенью унылой...
Средь урн надгробных и камней
Свежа была твоя могила
Недавней насыпью своей.
Дары любви, дары печали —
Рукой твоих учеников
На ней рассыпаны, лежали
Венки из листьев и цветов.
Над ней, суровым дням послушна,—
Кладбища сторож вековой,—
Сосна качала равнодушно
Зелено-грустною главой,
И речка, берег омывая,
Волной бесследною вблизи
Лилась, лилась, не отдыхая,
Вдоль нескончаемой стези.

Твоею дружбой не согрета,
Вдали шла долго жизнь моя,
И слов последнего привета
Из уст твоих не слышал я.
Размолвкой нашей недовольный,
Ты, может, глубоко скорбел;
Обиды горькой, но невольной
Тебе простить я не успел.

Никто из нас не мог быть злобен,
Никто, тая строптивый нрав,
Был повиниться неспособен,
Но каждый думал, что он прав.
И ехал я на примиренье,
Я жаждал искренно сказать
Тебе сердечное прощенье
И от тебя его принять...
Но было поздно!..
В день унылый,
В глухую осень, одинок,—
Стоял я у твоей могилы
И все опомниться не мог.
Я, стало, не увижу друга?
Твой взор потух, и навсегда?
Твой голос смолк среди недуга?
Меня отныне никогда
Ты в час свиданья не обнимешь,
Не молвишь в провод ничего?
Ты сердцем любящим не примешь
Признаний сердца моего?
Все кончено, все невозвратно,
Как правды ужас ни таи!
Шептали что-то непонятно
Уста холодные мои;
И дрожь по телу пробегала,
Мне кто-то говорил укор,
К груди рыданье подступало,
Мешался ум, мутился взор,
И кровь по жилам стыла, стыла...
Скорей на воздух! дайте свет!
О! это страшно, страшно было,
Как сон гнетущий или бред...

Я пережил — и вновь блуждает
Жизнь между дела и утех,
Но в сердце скорбь не заживает,
И слезы чуются сквозь смех.
В наследье мне дала утрата
Портрет с умершего чела;
Гляжу — и будто образ брата
У сердца смерть не отняла;
И вдруг мечта на ум приходит,

Что это только мирный сон,
Он это спит, улыбка бродит,
И завтра вновь проснется он;
Раздастся голос благородный,
И юношам в заветный дар
Он принесет и дух свободный,
И мысли свет, и сердца жар...
Но снова в памяти унылой —
Ряд урн надгробных и камней
И насыпь свежая могилы
В цветах и листьях, и над ней,
Дыханью осени послушна,—
Кладбища сторож вековой —
Сосна качает равнодушно
Зелено-грустною главой,
И волны, берег омывая,
Бегут, спешат, не отдыхая.

НЕМНОГИМ

Я покидал вас, но без слез —
Лета навеяли мне стужу,
И тайный взрыв сердечных гроз
Уже не просится наружу.
А сердце ныло в тишине
В час расставанья, час печали,
И в сокровенной глубине
Немые скорби оседали.
Так под корою ледяной
Зимою скрытый — осторожно,
Никем не слышим — ключ живой
Трепещет сжато и тревожно.

КОРШУ

Из края бедных, битых и забитых
Я переехал в край иной —
Голодных, рубищем едва покрытых
На стуже осени сырой.
И то, что помню я, и то, что вижу ныне,
Не веет отдыхом недремлющей кручине.
Я помню смрад курной избы,
Нечистой, крошечной и темной,
И жили там мои рабы.
Стоял мужик пугливо томный,
Возилась баба у печи
И ставила пустые щи.
Ребенок в масленой шубенке,
Крича, жевал ломоть сухой,
Спала свинья близ коровенки,
Окружена своей семьей,
Стуча в окно порой обычной,
На барщину десятский звал,
Спине послушной и привычной
Без нужды розгой угрожал.
Я помню, как квартальный надзиратель,
Порядка русского блюститель и создатель,
Допрашивал о чем-то бедняка,
И кровь лилась под силой кулака,
И человек, весь в жалком беспорядке,
Испуганный, дрожал, как в лихорадке.
Я годы, годы не забыл,
Как этот вид противен был...

И после мы — друзей в беседе пылкой —
О родине скорбели за бутылкой.
    И вижу я: у двери кабака,
    Единого приюта бедняка,
    Пред мужем пьяным совершенно
    Полуодетая жена
    В слезах, бледна, изнурена,
    Стоит коленопреклоненна
    И молит, чтобы шел домой,
    Чтоб ради всей щедроты неба
    Сберег бы грош последний свой,
    Голодным детям дал бы хлеба.
    А мимо их спешит народ,
    Трещат без умолку коляски,
    И чувствуешь — водоворот,
    Кружение бесовской пляски...
    О ты, который упрекал
    Мой стих за мрачность настроенья,
    За байронизм и порицал
    Меня с серьезной точки зренья,
    Поди сюда, серьезный человек,
        Отнюдь не верующий в бедство
        И уважающий наш век!
    Взгляни на лик, состарившийся с детства,
    На хаос жизни пристально взгляни,
    И лгать не смей, а прокляни
Весь этот род болезненный и злобный
И к лучшему нисколько не способный.

И<СКАНДЕ>РУ

Die Rothweine regen die
Kreislaufsorgane stark auf.

(Фармакология Курта Шпренгеля)

В уныньи медленном недуга и леченья
Скучает ум, молчат уста,
И жду я с жадностью минуты исцеленья,
Конца тяжелого поста.
Удастся ль помянуть нам доблестное время
Упругих мышц и свежих сил,
Когда без устали ночей бессонных бремя
Наш бодрый возраст выносил?
До уст, взлелеянных вакхической отвагой,
Коснется ль снова, жар тая,
И мягким запахом и бархатною влагой
Вина пурпурная струя?
Садись! Достану я из-под седого слоя
Бутылку мшистую мою
И, набок наклоня,— с падучего отстоя
В стаканы бережно солью.
Но годы уж не те! И кровь напитком жгучим
Бесплодно в жилах разогрев,
Уже мы не пойдем в волнении могучем
На праздник сладострастных дев.
Ни плечи белые, ни косы развитые,
Ни взор полуприподнятой —
Уже не пробудят в нас страсти прожитые
И тела трепет молодой.

От фавна старого таятся робко девы
В зелено-свежей мгле дубров,
И внемлют юношей влюбленные напевы
Сквозь шум колеблемых листов.
Боюсь, не вызвать бы, средь наших возлияний,
Перебирая жизни даль,
И горечь едкую иных воспоминаний
И современную печаль!
Не вспомнить бы людей враждующие лицы,
Их злобы грубые черты,
И их любовь, дряблей изношенной тряпицы,—
Прикрытье жалкой клеветы?
Не встретить бы в веках насилий и стяжанья
Неисцелимую болезнь?
Не вспомнить бы утрат могильные преданья
И счастья смолкнувшую песнь?
Скорей — давай шутить! Пусть шутки дар нескромный
Даст волю блесткам острых слов,
Ярко мелькающих — как искры ночью темной
Над пеплом тлеющих костров.
Да! шутка нас спасет. Ее мы за послугу
Сравним с красавицей больной,
В предсмертный час еще дарящей другу
Привет улыбки молодой.

БУДУЩНОСТЬ

Я видел девочку с кудрями золотыми
И личком беленьким и глазками живыми;
Она, в движениях беспечна и мила,
Вся детской резвостью проникнута была,
Дрожал по плечикам, волнуясь, локон зыбкой,
И ротик маленький был озарен улыбкой;
А гости не могли восторга превозмочь,
Твердя родителям, как хороша их дочь.
Я на нее глядел, волнуем думой вещей,
Как некогда в толпе, предвидя день тревог,
На шумном празднике стоял пророк зловещий
И победить в себе уныния не мог.
Я думал, что дитя роскошно разовьется,
Как роза пышная,— а из подземной тьмы
И страсть подкрадется и горе принесется;
Умрут отец и мать, как все умрем и мы,
И дева робкая взойдет в семью чужую,
И жизнь ее пройдет средь перемежных ссор,—
Как в длинном сне порой, сжимая грудь больную,
С каким-то призраком ведется глупый спор;
Потом, от старости сердяся и хилея,
Умрет она сама, о чем-то пожалея,
И только на стене останется портрет,
Написанный давно, когда-то, в цвете лет...
Быть может, внук тупой на лик случайно взглянет
И имя бабушки рассеянно помянет;
А там пройдут еще безвестные года —
И имени ее не будет и в помине,
И в мире от нее не сыщется следа,
Как после голоса, замолкшего в пустыне...

ВОРЦЕЛЬ

У гроба твоего в торжественной печали
Безмолвно я стоял и думал в тишине...
Вид тела мертвого давно не новость мне,
А слезы на глаза невольно выступали.
Все та же комнатка знакомая, где ты
Свой отжил век среди лишений и мечты.
Одна свеча горит; печален угол бедный,
И труп передо мной лежит худой и бледный.

А как твой мертвый лик спокоен и прекрасен!
Седые волосы; а умное чело
Застыло, словно воск, и бело и светло,
И взор хотя закрыт, а кажется, что ясен.
Улыбка скорбная прошла не без следа,
На грудь раскинулась седая борода,
Рубашка белая, потом худые руки...
Да! знаем: умер ты от затаенной муки!

ПРЕДИСЛОВИЕ К «КОЛОКОЛУ»

Россия тягостно молчала,
Как изумленное дитя,
Когда неистово гнетя
Одна рука ее сжимала;
Но тот, который что есть сил
Ребенка мощного давил,
Он с тупоумием капрала
Не знал, что перед ним лежало,
И мысль его не поняла,
Какая есть в ребенке сила:
Рука — ее не задушила,
Сама с натуги замерла.

В годину мрака и печали,
Как люди русские молчали,
Глас вопиющего в пустыне
Один раздался на чужбине;
Звучал на почве не родной —
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что из боязни
Он укрывался бы от казни;
А потому, что здесь язык
К свободомыслию привык
И не касалася окова
До человеческого слова.

Привета с родины далекой
Дождался голос одинокой,
Теперь юней, сильнее он...

Звучит, раскачиваясь, звон,
И он гудеть не перестанет,
Пока — спугнув ночные сны —
Из колыбельной тишины
Россия бодро не воспрянет
И крепко на ноги не станет,
И непорывисто смела —
Начнет торжественно и стройно,
С сознаньем доблести спокойной
Звонить во все колокола.

ОТСТУПНИЦЕ

(Посвящено гр. Р<остопчино>й)

Теперь идет существованье
С однообразием волны...
Но миг случайный, намеканье —
И будит вновь воспоминанье
Давно утраченные сны.
Так звук внезапный воскрешает
Всю песнь забытую — и вот
Знакомый голос оживает,
Знакомый образ восстает;
Из-за туманов ночи мрачной
Восходит жизнь прошедших лет,
Облечена в полупрозрачный,
Полузадумчивый рассвет.
Все это только род вступленья,
Чтобы сказать, что как-то раз,
Тревожа тени из забвенья,
Случайно вспомнил я о вас.
Воскресло в памяти унылой
То время светлое, когда
Вы жили барышнею милой
В Москве, у Чистого пруда.
Мы были в той поре счастливой,
Где юность началась едва,
И жизнь нова, и сердце живо,
И вера в будущность жива.
Двором широким проезжая,
К крыльцу невольно торопясь,

Скакал, бывало, я, мечтая —
Увижу ль вас, увижу ль вас!
Я помню (годы миновали!),
Вы были чудно хороши,
Черты лица у вас дышали
Всей юной прелестью души.
В те дни, когда неугомонно
Искало сердце жарких слов,
Вы мне вручили благосклонно
Тетрадь заветную стихов.
Не помню — слог стихотворений
Хорош ли, не хорош ли был,
Но их свободы гордый гений
Своим наитьем освятил.
С порывом страстного участья
Вы пели вольность и слезой
Почтили жертвы самовластья,
Их прах казненный, но святой.
Листы тетради той заветной
Я перечитывал не раз,
И снился мне ваш лик приветный,
И блеск, и живость черных глаз.
Промчалась, полная невзгоды,
От вас далеко жизнь моя;
Ваш милый образ в эти годы
Как бы в тумане помнил я.
И как-то случай свел нас снова
В поре печальной зрелых лет...
Уже хотел я молвить слово,
Сказать вам дружеский привет;
Но вы какому-то французу
Свободу поносили вслух
И русскую хвалили музу
За подлый склад, за рабский дух,
Меня тогда вы не узнали,
И я был рад: я увидал,
Как низко вы душою пали,
И вас глубоко презирал.
Скажите — в этот вечер скучный,
Когда вернулись вы домой,
Ужель могли вы равнодушно
На ложе сна найти покой?
В тиши угрюмой ночь глухая,

Тоску и ужас навевая,
Вам не шептала ли укор,
Что вы отступница святыни,
Что вы с корыстию рабыни
Свой голос продали за вздор?..
Мне жалко вас. С иною дамой
Я расквитался б эпиграммой,—
Но перед вами смех молчит,
И грозно речь моя звучит:
Покайтесь грешными устами,
Покайтесь искренно, тепло,
Покайтесь с горькими слезами,
Покуда время не ушло!
Просите доблестно прощенья
В измене ветреной своей —
У молодого поколенья,
У всех порядочных людей.
Давно расстроенную лиру
Наладьте вновь на чистый строй;
Покайтесь,— вам, быть может, миру
Сказать удастся стих иной,—
Не тот напыщенный, жеманный,
Где дышит холод, веет тьма,
Где все для сердца чужестранно
И нестерпимо для ума;
Но тот, который, слух лаская,
Звучал вам в трепетной тиши
В те дни, когда вы, расцветая,
Так были чудно хороши.
Не бойтесь снять с себя личину
И обвинить себя самих:
Христос Марию Магдалину
Поставил выше всех святых!
И нет стыда просить прощенья,
И сердцу сладостно прощать...
И даже я на примиренье
Готов по правде вам сказать —
И слов моих тем не ослаблю:
Я б и Клейнмихелю простил,
Когда б он девственную саблю
За бескорыстность обнажил.

ОСЕНЬЮ

Как были хороши порой весенней неги —
И свежесть мягкая зазеленевших трав,
И листьев молодых душистые побеги
По ветвям трепетным проснувшихся дубрав,
И дня роскошное и теплое сиянье,
И ярких красок нежное слиянье!
Но сердцу ближе вы, осенние отливы,
Когда усталый лес на почву сжатой нивы
Свевает с шепотом пожелклые листы,
А солнце позднее с пустынной высоты,
Унынья светлого исполнено, взирает...
Так память мирная безмолвно озаряет
И счастье прошлое и прошлые мечты.

ИЗАБЕЛЛА

(Отрывок из комедии без конца)

Ты вовсе сам еще не знаешь,
Как я довольна, милый мой,
Что ты со мною не скучаешь
И не смеешься надо мной.
Я так проста и боязлива,
Не учена я ничему,—
А все же внемлешь терпеливо
Ты разговору моему.
Порою мне стыдиться надо
Моей невольной простоты...
Зато как я бываю рада
В душе понять, что скажешь ты.
Но что́ я знаю, что́ умею,—
Так это, друг, тебя ласкать,
Обвить тебе руками шею,
Тебя к груди моей прижать,
К твоим устам прильнуть устами,
К тебе примкнуть всю жизнь мою
И, чуть дыша, полусловами
Тебе шептать: люблю, люблю!..

У МОРЯ

Дождь и холод! А ты все сидишь на скале,
Посмотри на себя — ты босая!
Что на море глядишь? В этой пасмурной мгле
Не видать, словно ночью, родная!
Шла домой бы, ей-богу!.

«О! я знаю, зачем я сижу на скале;
Что за нужда, что сыро и скверно,—
А его различить я сумею во мгле,
Он сегодня вернется наверно.
В бурю ловля чудесна!

Он когда уезжал, ветер страшно свистал,
Чайка серая с криком летала;
Он мне руку пожал и, смеяся, сказал:
Ты не бойся знакомого шквала,
В бурю ловля чудесна!

Отвязал он и лодку и парус поднял,
Чайка серая с криком летала;
Издалека еще он платком мне махал,
Буря лодку свирепо качала...
В бурю ловля чудесна!

Ветер парус его на клочки изорвал,
Чайка серая с криком летала;
И поднялся такой нескончаемый вал,
Что я лодку за ним не видала.
В бурю ловля чудесна!

Я поутру, и днем, и в полночь на скале;
Что за нужда, что сыро и скверно,
А его различить я сумею во мгле,
Он сегодня вернется наверно.
В бурю ловля чудесна!»

* * *

Твое письмо меня нашло
В хандре, унылого, больного,
Так что в весеннее тепло
Боюся ветра я сквозного;
Мне вреден дождь, несносна пыль,
С стола не сходит стклянка с бурой
Непроглотимою микстурой
И мазь, вонючая, как гниль;
Дышу с трудом, в глазах все мутно
И кашель душит поминутно.
Но на меня письмо твое
Пахнуло жизнью благодатной,
Сердечной песни голос внятный
Смягчил страдание мое.
Я даже — а со мною это
Так не случалося давно —
Решился отворить окно,
Опять взглянуть на божье лето.
Все к настроенью духа шло,
И мягкий воздух, и тепло,
И солнце, к вечеру склоняясь,
Не зная, медлить иль уйти,
Казалось, стало на пути:
Дай, говорит, еще, прощаясь,
Минутку лишнюю одну
На землю мирную взгляну.
Соседний сад передо мною
Сиял зеленою листвою,
Соседней кровли скат крутой

Желтел, светясь как золотой;
Соседних окон томный глянец,
<Зари> мерцающий румянец,—
Безмолвный праздник шел по ней,
По бедной улице моей.

* * *

Мне снилося, что я в гробу лежу,
А сам стою у собственного гроба
И на себя на мертвого гляжу,
Сам от себя поставленный особо.

В тиши ночной, как стражи на часах,
Горели две свечи в паникадилах —
Одна у ног, другая в головах —
И таяли в мерцаниях унылых.

Их бледный луч, колеблясь, упадал
На мертвый лик, на флер, на покрывалы,
А далее туманно исчезал,
Теряяся в холодном мраке залы.

И думал я: какая тишина!
Как счастлив я, что умер на чужбине,
А то б дьячок, бормочущий со сна,
Тревожил смерть и мир ее святыни.

И думал я: у гроба никого,
Все близкие теперь пошли на отдых,
Усталые, и не найдут его:
Покоя жизнь не ведает, как воздух...

Спокоен я: я более не жив!
Но, милые, зачем с таким терзаньем
Глядеть на смерть и, голову склонив,
Себя томить беспомощным страданьем?

Вы знаете так ясно, наизусть,
Что умереть для всех необходимо,
Как звуку замолчать... К чему же грусть?
Простясь со мной, светло грядите мимо.

Бессильными не будьте пред судьбой;
Ты — женщина! вы — дети-малолетки!
И ты, о друг, товарищ верный мой!
Не бейтесь горестно, как птицы в клетке,

В постелях, где теперь не спится вам,
Не лейте слез в подушки, не рыдайте,
И сердца мне не рвите пополам,
И мертвым быть, молю вас, не мешайте!

Я рад, что нет у гроба никого,
И наблюдать могу я без волненья
Мое лицо, покуда от него
Не веет смрад обычного гниенья.

Мое лицо бело́ и холодно,
Живой воде, застывшей в лед, подобно;
Что́ было мне иль горько, иль смешно —
Все стерлося бесчувственно, беззлобно.

И с проседью густая борода,
И волосы расчесаны пристойно,
Морщин едва два легкие следа,
Улыбки нет, и все лицо спокойно;

Лишь тень ресниц опущенных — чуть-чуть
От этих свеч, их глупого мерцанья —
Колеблется и хочет обмануть
Немую смерть подобьем трепетанья...

Ну, что ж, мертвец? Все обошлось легко:
Ты миновал горячку и заразу,
С удушием не кашлял глубоко,
А так — упал, да взял и умер сразу.

И думал я: мне близкий человек,
Старик поляк, муж чистый, благородный,
В страданиях недавно кончил век
И жизни труд великий, но бесплодный.

Почил, скорбя о родине своей,
Болезненно, в безвыходной кручине,
Обманутый в надеждах жизни всей,
В друзьях, в жене, и в дочери, и в сыне...

Да! эта смерть, конечно, тяжела!
А мертвый лик, худой и изнуренной,
Был так же тих; спокойствие чела
Дружилось в нем с улыбкой благосклонной...

А я — застыл с надеждой на успех
И с верой в жизнь грядущих поколений,—
Чего ж тут страшного?.. Но тайный смех
Смутил во мне разумность помышлений:

Ну — как, мертвец, в твоей земле сырой,
Какая весть дойдет тебе до слуха?
Могильный червь иль сторож твой ночной
Тебе шепнут в твое глухое ухо:

«Воскресла Русь! народ свободен стал,
И новый мир возник — широкий, сильный,
Мысль выросла, и труд твой не пропал...»
Тебе-то что? Ты только остов пыльный!

И стало вдруг так дико холодно
И страшно мне, и труп мой ужаснулся,
И будто с ним слилися мы в одно,
И он из гроба встал,— и я проснулся.

Ощупался: я жив и невредим!
Взглянуть в окно вскочил с моей постели:
Туманы по полю, как желтый дым,
Носилися и медленно редели.

ТАЙНА

...That you at such time seeing me, never shall
With arms encumber'd thus, or this headshake...
...Or such ambiguous giving, out to note
That you know aught of me: this de you swear...

Shakespeare («Hamlet»)

Тебя ищу я целый день:
Я задыхаюся от счастья...
Садись сюда, вот в эту тень —
И слушай! Я хочу участья.
Когда б я волю дал мечтам —
В бреду, как школьник, побежал бы
И хоть бы рощам и полям
Или небесным облакам
Я тайну сердца рассказал бы.
Да! я любим. Живу я, брат,
В каком-то веянии мая,
И на душе весна такая,
Всё песни нежные звучат...—
Но, друг,— все это между нами,
Не проболтнися сгоряча
Ни полусловом, ни глазами,
Ниже движением плеча.

Вчера мы с ней в саду сидели,
А муж был дома... Из окна
Две свечи трепетно блестели,
И брань его была слышна.
Весь век свой без нужды корыстен,
За полночь старый лиходей

Всё счет сводил, ругал людей,
Всё зол, как зверь, и ненавистен.
А ночь безлунная была
И многозвездна и тепла,
И темных листьев веял ропот
И охранял наш тихий шепот,—
И ночь промчалась, как стрела.
Еще от жаркого лобзанья
Уста остыть могли едва,
От одного воспоминанья
О неге близкого дыханья
Еще кружится голова...

Но к делу! Знаешь — я беззлобен,
Но жить во лжи я неспособен,
Да неспособна и она,—
Так участь наша решена:
Сегодня ночью наши кони
Ждут у моста — и птиц быстрей
На волю вольную мы с ней
Умчимся, не боясь погони.
Напрасно в помощь станет звать
Тупой закон старик сердитый,—
Ему следов не отыскать,
Где отпечатались копыты.

А завтра... завтра в поздней мгле,
Коней погладив на прощанье,
Отчалим мы на корабле —
И вдаль, в безвестное скитанье!..
Весь люд заснет; угрюм и нем,
На стрелку кормчий склонит очи,—
И вот, не видимы никем,
Как разве лишь звездами ночи,
На палубе мы сядем с ней;
Подруга ко груди моей
Прижмется милой головою,
И я плащом ее прикрою,
Чтобы от влаги уберечь
Красу и роскошь нежных плеч,
Чтобы ко мне она прильнула,
В моих объятиях заснула

И тихо грезила бы сны
Под колыхание волны.

Но, друг,— все это между нами:
Не проболтнися сгоряча
Ни полусловом, ни глазами,
Ниже движением плеча.

ЛЕТОМ

Мой друг, не вижу я средь английских полей
Станицы сто́рожкой высоких журавлей,
И посвистом тройным в траве, всегда скошенной,
Не свищет перепел, отрадно затаенный,
Не стонет коростель в вечерней тишине;
Один — космополит — трепещет в вышине,
Как точка малая, веселый жаворо́нок,
И здесь его напев все так же чист и звонок;
Да воробей еще — другой космополит —
По кровлям и в садах и скачет и пищит.
На Темзе не видать, чтоб диких уток стая
Садилась на воду, кругами налетая;
Ручные лебеди над грязью тусклых вод
Одни белеются, минуя пароход.
Сурово осудил невинные созданья
Жестокий человек на дальние изгнанья,
Пугая злобно их и силой, и враждой,
И смертью дикою — зане он царь земной.
Зато промышленность развита у народа,
И рабство тайное, и для иных свобода;
Все это хорошо, я скоро в прозе сам
Развитию хвалу торжественно воздам.

Но сердцем я дикарь! Мне хочется на лоно
Раздольной роскоши моих родных степей,
Где взору нет конца до края небосклона,
Где дремлет в знойный день станица журавлей,—
Один настороже́ стоит, поднявши ногу,
И в миг опасности готов поднять тревогу,—
Где слышен дергача протяжный, грустный стон,

Когда уходит день за дальний небосклон;
Где перепел свистит, таясь в зеленом море
Некошеной травы; где жить им на просторе
Привольно и легко, при ясном, теплом дне,
В благоухающей, безбрежной стороне.

Иль наш дремучий лес, и шум и колыханье,
И в чаще пенье птиц, и пчел и мух жужжанье...
И вновь мне хочется, чтоб мирно, без тревог,
В тенистой зелени я заплутаться мог,
Дождаться вечера... Закат в мерцаньи дальнем
По листьям золотым блестит лучом прощальным,
За птицей птица вслед смолкает в тишине,
И лес таинственный почиет в свежем сне;
Одни кузнечики, по ветреной привычке,
Трепещут у корней в болтливой перекличке,
Да где-то явственней становится слышна
Ручья журчащего бессонная волна.
И жду я месяца... Он встал над лесом мглистым,
Прокрался сквозь вершин отливом серебристым,
И призрачно встают, как бы из мира грез,
Все белые стволы развесистых берез,
Задумчиво в тиши понурились ветвями
И робко шепчутся пахучими листами...
Но месяц клонится, светлей лесная мгла,
Проснулась иволга, жужжа летит пчела,
И вновь, разбуженный алеющей зарею,
Заколебался лес под влажною росою.

* * *

Я помню — в тиши яснолунных ночей
С утеса катился ручей,
Серебряной нитью, чиста, холодна,
Сверкала, сверкала волна,
Серебряной нитью, чиста, холодна,
Шумела, шумела она.
И видя падения трепетный блеск
И слушая трепетный плеск,
На сердце безвыходно, странно тяжка,
Ложилась немая тоска.

Внизу от утеса, широко-ровна,
Шла степь — и по ней тишина,
И сколько бы гул от ручья ни звучал,
Но в этой дали пропадал.
И глядя сквозь мглу и мерцанье окрест
В пустынную тишь этих мест
И глядя все выше и выше от них
В пустыню небес голубых,—
На сердце безвыходно, странно тяжка,
Ложилась немая тоска.

НАПУТСТВИЕ

Научите немудрых.
(Евангелие)

Забудь уныния язык!
Хочу — помимо произвола,—
Чтоб ты благоговеть привык
Перед святынею глагола.

Мне надо, чтобы с уст твоих,
Непразднословных и нелживых,
Звучал поток речей живых,
Как разум, ясных и правдивых.

Отбрось рабов обычных школ —
И книжника и фарисея:
Пред ними истины глагол
Проходит, власти не имея.

Учи того, кто не успел
С ума сойти в их жизни дикой,
Кто жаждет, искренен и смел,
Рассудка простоты великой.

Глагол — орудие свободы,
Живая жизнь, которой днесь
И вечно движутся народы...
Проникнись этой мыслью весь!

Готов ли?.. Ну! теперь смотри —
Ступай по городам и селам
И о грядущем говори
Животрепещущим глаголом.

СОВРЕМЕННОЕ

Вот Семен Авдеич
Крикнул, зло немножко:
«Филька!.. ерофеич!..
Все сосет под ложкой.
Ты, дурак, скажи-ка —
Врал там кто с тобою —
Даст-де царь великой
Волю да с землею?
Что ж? поверил сдуру?
А? холопья морда!
Ты свою фигуру
Держишь больно гордо.
Эдак мне умыться
От тебя, крамольный,
Скоро не добиться;
Скажешь — я-де вольный!
Ну! вы что от воли
Ждете за послугу?
Излениться, что ли,
Да и спиться с кругу?
Чай, мой дед недаром
Вас купил с землями
И причислен к барам:
Нажил все трудами;
Долго службу правил,
Исполнял веленья
И себе составил
Важное именье.
Ну! с твоей ли рожей
Станешь ты вдруг волен?

Спи себе в прихожей,
Да и будь доволен».—
      «Эх, Семен Авдеич!
Успокойтесь, барин,
Пейте ерофеич,
Век у нас бездарен.
Те, к царю кто ближе,
Наши лиходеи,
Думают, как вы же,
Тупы и злодеи.
Не известно, что ли —
Там всё разговоры:
Не дадут нам воли
Панины да воры;
Так восторжествуют,
Так подпустят шпильку,
Что кругом надуют
И царя и Фильку».

РАЗЛУКА

Ночь была прозрачна:
Мирный блеск луны,
Синей мглы мерцанье,
Кротость тишины...
Нашей старой ивы
Не качался лист
И висел безмолвно —
Свеж и серебрист.
Думала я долго:
Жив ли милый мой?
Что-то он не пишет
С стороны чужой!
Видно, все не время,
Много все забот...
А вот мне до утра
Сон на ум нейдет.

Утро проглянуло
Золотым лучом,
Мне в окно пахнуло
Ранним ветерком.
Нашей старой ивы
Встрепенулся лист
Шорохом дрожащим —
Зелен и росист.
Встала я с постели...
Что-то милый мой?
Скоро ли напишет
С стороны чужой?

ВЕСНОЮ

Весною и зеленью пахнет в саду,
Брожу я в каком-то чаду...
Что делать... Я попросту лягу в траву,
Я грезить хочу наяву,
Чтоб было дышать хорошо и раздольно
И на сердце ясно и вольно.

Но вот что беда — если вспомнишь, как жил,
Напрасно страдал и любил,
Да вздумаешь нехотя, так — невзначай,
Отбросив мечтаемый рай,
Что род человеческий — дик и бесплоден,
Не будет, не будет свободен,—
Так лучше б уж в этой траве задремать —
Да так, чтоб потом не вставать.

СВОБОДА

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно мятежным
И в возрасте зрелом, со старостью смежном,—
Всю жизнь мне все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!

Измученный рабством и духом унылый,
Покинул я край мой родимый и милый,
Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Взывать громогласно заветное слово:
Свобода! Свобода!

И вот на чужбине, в тиши полунощной,
Мне издали голос послышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак беспомощный,
Сквозь все завывания ветра ночного
Мне слышится с родины юное слово:
Свобода! Свобода!

И сердце, так дружное с горьким сомненьем,
Как птица из клетки, простясь с заточеньем,
Взыграло впервые отрадным биеньем,
И как-то торжественно, весело, ново
Звучит теперь с детства знакомое слово:
Свобода! Свобода!

И все-то мне грезится — снег и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И он говорит мне, снимая оковы,
Мое неизменное, вечное слово:
Свобода! Свобода!

Но если б грозила беда и невзгода,
И рук для борьбы захотела свобода,—
Сейчас полечу на защиту народа,
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!

А если б пришлось умереть на чужбине,
Умру я с надеждой и верою ныне;
Но в миг передсмертный — в спокойной кручине
Не дай мне остынуть без звука святого,
Товарищ, шепни мне последнее слово:
Свобода! Свобода!

* * *

По краям дороги
В тишине глубокой
Темные деревья
Поднялись высоко;
С неба светят звезды
Мирно сверх тумана...
Сердце? Сердце просит
Нового обмана.

В памяти тревожной
Все былые встречи,
Ласковые лицы,
Ласковые речи;
Но они подобны
Призракам могилы,
Не вернут былого
Никакие силы.

О! Когда б пришлося
По дороге темной
Снова для ночлега
Встретить домик скромный
И в объятьях жарких
Пробудиться рано...
Сердце?.. Сердце просит
Нового обмана.

* * *

«Ди́тятко! милость господня с тобою!
Что ты не спишь до полночи глухой?
Дай я тебя хоть шубенкой прикрою,
Весь ты дрожишь, а горячий какой!..»

«Мама! гляди-ка — отец-то, ей-богу,
С розгой стоит и стучится в окно...» —
«Полно! отец твой уехал в дорогу.
Полно! отец твой нас бросил давно».

«Мама! а видишь — вон черная кошка
Злыми глазами косится на нас?..» —
«Полно же ты, моя милая крошка,
Кошка издохла — вот месяц как раз».

«Мама! а видишь — вон бабушка злая
Пальцем грозится тебе из угла...» —
«Полно же — с нами будь сила святая!
Бабушка с год уж у нас умерла».

«Мама! гляди-ка — все свечи да свечи,
Так вот в глазах и блестит и блестит...» —
«Полно, родимый, какие тут свечи,
Сальный огарок последний горит».

«Мама!.. темнеет!.. мне душно, мне душно!..
Мама!» — «Тс!.. спит. А огарок погас...
До свету долго, и страшно и скучно!..
Крестная сила, помилуй ты нас!»

К ***

Когда в цепи карет, готовых для движенья,
    Нашли вы место наконец
    И приютились, как мудрец,—
Меж девственных старух избегнув искушенья,
    И взвизгнул роковой свисток,
    И в дальний путь вас пар увлек;
Смущен, как человек пред диким приговором,
За быстрым поездом следил я долгим взором,
    Пока он скрылся — и за ним,
    Помедлив, разлетелся дым;
Пустынно две бразды железные лежали,
И я пошел домой, исполненный печали...

Так вы уехали!.. А длинный разговор
Еще звучит в ушах, как дружелюбный спор,
Но обоюдные запросы и сомненья
Уныло на душе остались без решенья.
Что̀ эти сумерки — пророчат ли рассвет?
Иль это вечер наш и ночь идет вослед?
    Что̀ миру — жизнь иль смерть готова?
    Возникнет ли живое слово?
Немое множество откликнется ль на зов?
Иль веру сохранит в ношение оков?
    Как это знать!.. Так сеятель усталый
    Над пашнею, окончив труд немалый,
    Безмолвствуя в раздумии стоит
    И на́ небо и на́ землю глядит:
Прольется ль свежий дождь над почвой оживленной,
Или погибнет сев, засухою спаленный?..

Я знаю — с родины попутный ветр пошел,
Заря проснулася над тишиною сел;
Как древний Ной — корабль причалил к Арарату,
И в море тихое мы пролагаем путь,
Как мирный мост, как связь востоку и закату,
И плавно хочет Русь все силы развернуть.
Я знаю — с берега Британии туманной
Живою жилою под морем нить прошла
До мира нового... И вот союз желанный!
И так и кажется, что расступилась мгла —
И наши племена, с победной властью пара,
Дорогу проведут вокруг земного шара.
Оно торжественно! И воздух свежих сил
Так дышит верою в громадность человека...
А тут сомнение и веянье могил
Невольно чуется при замираньи века.
И вижу я иные племена —
Тут — за морем... Их жажда — кровь, война,
И хвастая знаменами свободы,
Хоть завтра же они скуют народы.
Во имя равенства все станет под одно,
Во имя братства всем они наложат цепи,
Взамен лесов и нив — всё выжженные степи,
И просвещение штыками решено —
И будет управлять с разбойничьей отвагой
Нахальный генерал бессмысленною шпагой.

Чем это кончится? Возьмет ли верх палач
И рабства уровень по нас промчится вскачь?
Иль мир поднимется из хаоса и муки
При свете разума, при ясности науки?
Как это знать? Над пашнею стою,
Как сеятель, и голову мою
Готов сложить без сожаленья;
Но что же мой последний миг —
Он будет ли тяжелый крик,
Иль мир спокойного прозренья?..

Вас проводя, так думал я, друг мой,
В безмолвии, когда я шел домой —
Но обоюдные запросы и сомненья
Уныло на душе остались без решенья.

БАБУШКА

Я помню как сквозь сон — когда являлась в зале
Старуха длинная в огромной черной шали,
И белом чепчике, и локонах седых,—
То каждый, кто тут был, вдруг становился тих,
И дети малые, резвившиеся внучки,
Шли робко к бабушке прикладываться к ручке.
Отец их — сын ее — уже почтенных лет,
Стоял в смирении, как будто на ответ
За шалость позван был и знал, что он виновен
И прах перед судьей, а вовсе с ним не ровен!
А хитрая жена и бойкая сестра,
Потупясь, как рабы средь царского двора,
Украдкой лишь могли язвить друг друга взглядом,
Пропитанным насквозь лукаво желчным ядом.
Старуха свысока их с головы до ног
Оглядывала всех, и взор ее был строг...
И так и чуялось — умри она, старуха,—
Все завтра ж врозь пойдут, и дом замолкнет глухо.
Да это и сама, чай, ведала она,
И оттого была жестка и холодна,
И строгий взор ее был полон сожаленья,
Пожалуй, что любви, а более презренья.

ФРАНЦИЯ

Мне живо памятно, как умирал отец,
Как пульс его слабел и упадали силы,
Как мозг унылый был расстроен под конец,
И страшно чуялось дыхание могилы;
И то, что думал он в передпоследний миг,
И то, что говорил блуждающий язык,—
То был печальный бред, какой-то детский лепет,
И обдавал меня всего холодный трепет.

Теперь присутствую я при судьбе иной,
При умирании великого народа;
Он разлагается. Шатаясь, как больной,
По прежней памяти он все твердит: свобода...
Но что он думает в передпоследний миг,
Что говорит его блуждающий язык? —
Опять печальный бред, какой-то детский лепет,
И снова обдает меня холодный трепет.

* * *

Сторона моя родимая,
Велики твои страдания,
Но есть мощь неодолимая,
И полны мы упования:

Не сгубят указы царские
Руси силы молодецкие,
Ни помещики татарские,
Ни чиновники немецкие!

Не пойдет волной обратною
Волга-матушка раздольная,
И стезею благодатною
Русь вперед помчится — вольная!

* * *

И я тебя сегодня не видал!
Не проходил я шагом торопливым
По улицам и длинным и шумливым
И в дверь твою тихонько не стучал —
Не зная, как от тайного волненья
На миг в груди смирить сердцебиенья.

Не встрепенулась ты на дружний глас,
Не кинулась ко мне, не обнимала,
Ласкаяся, в уста не целовала
Так радостно, как будто час за час —
С тех пор как мы друг с другом не
видались —
Не день прошел, а годы миновались.

Нет! нынче я рассеян и уныл,
Хандрил с утра; душа моя томилась,
Скучала мысль, работа не спорилась...
И круг гостей меня не оживил:
Мои уста ленивые молчали,
Как смутный шум, мне речи докучали.

Теперь стою один я у окна:
В ночную тьму облекся луг наш длинный,
За ним вдали блестит фонарь пустынный,
На улице немая тишина;
Я радуюсь безмолвному покою,
И мысль моя беседует с тобою.

Сидела ль ты в раздумьи вечерком
Перед огнем чуть трепетным камина?
О друге сердца не было ль помина?
Невольно ты не думала ль о том,
Чего я жду от твоего участья
И как ты жизнь устроишь мне для
счастья?..

Чего хочу — оно в душе твоей.
Хочу, чтоб ты хранила сердца нежность
И кротости святую безмятежность,
Хочу, чтобы из пройденных скорбей
Ты вынесла и дух благоволенья
И дар впивать живые дуновенья...

Но вот уже часов далекий бой
Два раза бьет среди туманной ночи;
Пора ко сну, дремотой полны очи...
Да будет тих и мирен отдых твой,
И пусть тебя до часа пробужденья
Баюкают отрадные виденья.

* * *

Вырос город на болоте,
Блеском суетным горя...
Пусть то было по охоте
Самовластного царя;

Но я чту в Петре Великом
То, что он — умен и смел —
В своевольи самом диком
Правду высмотреть умел,

И казнил родного сына
Оттого, что в нем нашел
Он не доблесть гражданина,
А тупейший произвол!

И я знаю — деспот пьяный,
Пьяных слуг своих собрат,
Был ума служитель рьяный
И великий демократ.

НОЧЬЮ

Опять я видел вас во сне...
Давно объят сердечной ленью —
Я и не ждал, чтоб кроткой тенью,
Мелькнув, явилися вы мне.
Зачем я вызвал образ милый?
Зачем с мучительною силой
Опять бужу в душе моей
Печаль и счастье прошлых дней?
Они теперь мне не отрада,
Они прошли, мне их не надо...
Но слышен, в памяти скользя,
Напев замолкший мне невольно;
Ему внимая, сердцу больно,
А позабыть его нельзя.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

1. РАССВЕТ

Мне детство предстает, как в утреннем тумане
Долина мирная. Под дымчатый покров,
Сливаясь, прячутся среди прохлады ранней
Леса зеленые и линии холмов,
А утро юное бросает в ликованьи
Сквозь клубы сизые румяное сиянье.
Все образы светлы, и все неуловимы.
Знакомого куста тревожно ищет взор,
Подслушать хочется, как шепчет лист незримый,
Студеный ключ ведет знакомый разговор;
Но смутно все... Душа безгрешный сон лелеет,
Отвсюду свежесть ей благоуханно веет.

2. ЛЕС

На горной крутизне я помню шумный лес,
Веками взрощенный в торжественности дикой,
И там был темный грот между корней древес,
Поросший влажным мхом и свежей павиликой.
Его тенистый свод незримо пробивая,
Студеный падал ключ лепечущей струей...
Ребенком, помнится, здесь летнею порой
В безмолвной праздности я сиживал, внимая.
Тонули шелесты, и каждый звук иль шум
В широком ропоте лесного колыханья,
И смутным помыслом объят был детский ум
Средь грез таинственных и робкого желанья.

3. КРИВАЯ БЕРЕЗА

У нас в большом лесу глубокий был овраг
С зеленым дном из трав, а кверху в свежих силах
Рос густолиственно орешник и дубняк,
Приют певучих птиц и мух прозрачнокрылых.
А через весь овраг, начав с кривых корней,
Береза белая, клонясь дугою гибкой,
Шептала листьями повиснувших ветвей
И гнулась на тот край к земле вершиной зыбкой.
О, как же я любил вдоль по ее спине,
Цепляяся, вползать до самой середины,
И там, качаяся в воздушной вышине,
Смотреть на свет и тень в сырую глубь стремнины!

4. ДВЕ ЛЮБВИ

Я помню барышню в семействе нам родном —
То было юное и стройное созданье
С весенним голосом, приветливым лицом,
Радушно отроку дарившее вниманье.
С благоговением я на нее смотрел,
Блаженствуя в мечтах стыдливых и спокойных;
Но образ мною всем иной тогда владел —
То женщина была в поре томлений знойных.
Прикосновенье к ней, привет ее любви,
И ласка мягкая, и долгое лобзанье
Рождали тайный жар в ребяческой крови,
На млеющих устах стеснялося дыханье...

5. ПЕРВАЯ ДРУЖБА

Я помню отрока с кудрявой головой,
С большими серыми и грустными глазами...
Тропой росистою мы шли с горы крутой,
В тумане за рекой был город перед нами.
И дальний колокол кого-то звал к мольбе;
А мы, обнявшися, при утренней деннице,
Мы дружбы таинство поведали себе,
И чистая слеза блеснула на реснице.

Расстались мы детьми... Не знаю, жив ли он...
Но дружбы первый миг храню я и доныне
В воспоминании — как мой весенний сон,
Как песнь сердечную, подобную святыне.

6. НОВЫЙ ГОД

То было за полночь на самый Новый год,
А я один без сна лежал в моей постели
И слушал тишины дыхание и ход...
Лучи лампадные в бродячей тьме блестели.
В окно виднелся двор; он был и пуст и тих,
По снегу белому с небес луна мерцала...
И мне пришел на ум мой первый робкий стих,
И рифма, как струи падение, звучала.
Я сердце посвящал задумчивой тоске,
В моем едва былом ловил напев унылый,
А мысль какой-то свет искала вдалеке,
И звали к подвигам неведомые силы.

7. ДУВР

У моря шумного, на склоне белых скал,
Где слышны вечных волн таинственные пени,
В унылой памяти я тихо вызывал
Моих прошедших дней исчезнувшие тени.

Из отдаленных мест, из смолкнувших времен
Они передо мной, ласкаясь, возникали,
И я, забывшися, поник в блаженный сон
Про счастье детское и детские печали.

О! погодите же, вживитесь в жизнь мою —
Давно минувшего приветливые тени!..
Но вы уноситесь... и я один стою
И слышу вечных волн тоскующие пени.

* * *

Свисти ты, о ветер, с бессонною силой
Во всю одинокую ночь,
Тоску твоей песни пустынно унылой
Еще я берусь превозмочь.

Я стану мечтать величаво и стройно
Про будущность нашей страны,—
В доверчивой мысли светло и спокойно,
Мне делом покажутся сны.

Я вспомню о прошлом, о жизни сердечной,
Таинственном шепоте дев,
И детской дремотой забудусь беспечно
Под твой похоронный напев.

ЮНОШЕ

(Подражание Полонию) [1]

Ступай, мой сын! Постранствуй! Погляди!
Мне, старику, оно уже не лестно,
Как сонный кот, забившись в угол тесный,
Я не ищу отрады впереди;
А молодежь, с своим орлиным взором,
Летит вперед за волей и простором.

Учись! Пойми, что знание есть власть,
Умей страдать вопросом и сомненьем,
Умей людей любить с благоговеньем
И претворяй бунтующую страсть
В смысл красоты и веры благородной;
Живи умно, как человек свободный.

Пора любви придет своей чредой:
Умей любовь проникнуть светом дружбы,
Но избегай, как гнета рабской службы,
Тяжелой свычки, праздной и тупой,
Где женщина, весь день дыша разладом,
Тревожит жизнь докучно мелким ядом.

За истину сноси обидный гнет —
Без хвастовства, но гордо и достойно;
Будь тверд в борьбе и смерть встречай спокойно,

[1] Вероятно, читатель помнит в «Гамлете» — наставление Полония Лаэрту. <*Прим. Огарева.*>

Не злобствуя и зная наперед:
Народы все, помимо всех уроков,
Сперва казнят, а после чтут пророков.

Итак, ступай! Мужайся и расти,
На все кругом смотри пытливым взглядом,
И действуя наперекор преградам
И не сходя с заветного пути...
Забудь в труде и страх и утомленье —
И вот тебе мое благословенье.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Чтó навстречу ветер стонет
Полуночною порой?
Прочь ли с неба тучи гонит,
Иль сбирает надо мной?
Мне беды бы ждать не надо,
Жизнь раздольна и вольна;
Есть жена — моя отрада,
Есть богатая казна.

В лес дорога повернула,
Шумно ропщут деревá,
Встрепенулась, промелькнула
С криком жалобным сова.
Что за странную тревогу
Сердце бьет в моей груди?..
Лес к концу! Ну — слава богу!
Дом уж виден впереди.

Ветер стихнул.— В небе чистом
Месяц катится светло;
Спит в тумане серебристом
Наше длинное село.
Тени стелются неровно
Сбоку улиц в тишине,
Из-за кровель крест церковный
Блещет в ясной вышине.

Вот он, вот у поворота
Мой просторный новый дом

И тесовые ворота
С крепко ввинченным кольцом.
Что́ могло бы значить это?
Словно пусто все в дому?
Я стучу, и нет ответа
Нетерпенью моему.

Что́ не лает с гневной силой
Верный пес перед крыльцом —
Длинношерстный, тонкорылый
И с размашистым хвостом?
Что́ нейдет бобыль-работник
Через мой широкий двор —
Отодвинуть подворотник,
Снять увесистый затвор?

Что́ хозяйка молодая,
Встрепенувшися от сна,
Зову дружнему внимая,
Не посмотрит из окна?
Я стучу кольцом чугунным,—
Все как будто замерло,
Безотрадно в блеске лунном
Дремлет длинное село.

Чу! в избе соседней глухо
Чья-то поступь мне слышна:
Одинокая старуха
Показалась у окна.
Седина дрожит и вьется
Из-под белого платка,
Протянулась и трясется
Худощавая рука:

«Ты в тесовые ворота
Понапрасну не стучи
И казны с скупой заботой
За замками не ищи;
Воле рад, хвостом махая,
Глупый пес покинул дом,
И хозяйка молодая
Убежала с бобылем».

•

ПАМЯТИ РЫЛЕЕВА

В святой тиши воспоминаний
Храню я бережно года
Горячих первых упований,
Начальной жажды дел и знаний,
Попыток первого труда.
Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов —
Могучих деятелей племя
И сеяло благое семя
На почву юную умов.

Везде шепталися. Тетради
Ходили в списках по рукам;
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась.
Вот пять повешенных людей...
В нас молча сердце содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась,
И путь означен жизни всей.

Рылеев мне был первым светом...
Отец! по духу мне родной —
Твое званье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой.
Мы стих твой вырвем из забвенья,
И в первый русский вольный день,

В виду младого поколенья,
Восстановим для поклоненья
Твою страдальческую тень.

Взойдет гроза на небосклоне,
И волны на берег с утра
Нахлынут с бешенством погони,
И слягут бронзовые кони
И Николая и Петра.
Но образ смерти благородный
Не смоет грозная вода,
И будет подвиг твой свободный
Святыней в памяти народной
На все грядущие года.

ДЕДУШКА

Ох! изба ты моя невысокая...
Посижу, погляжу из окна,
Только степь-то под снегом широкая,
Только степь впереди и видна.
Погляжу я во внутрь: полно ль, пусто ли?..
Спит старуха моя, как в ночи;
Сиротинка-внучонок, знать с устали,
Под тулупом залег на печи,
Взял с собой и кота полосатого...
Только я словно жду-то чего,—
А чего?.. Разве гроба дощатого,
Да недолго, дождусь и его.
Жаль старуху мою одинокую!
А внучонок подсядет к окну,—
Только степь-то под снегом широкую,
Только степь и увидит одну.

* * *

Среди сухого повторенья
Ночи за днем, за ночью дня —
Замолкших звуков пробужденье
Волнует сладостно меня.

Знакомый голос, милый лепет
И шелест тени дорогой —
В груди рождают прежний трепет
И проблеск страсти прожитой.

Подобно молодой надежде
Встает забытая любовь,
И то, что чувствовалось прежде,
Все так же чувствуется вновь.

И странной негой упоенный,
Я узнаю забытый рай...
О! погоди, мой сон блаженный,
Не улетай, не улетай!

В тоске обычного броженья
Смолкает сна минутный бред,
Но долго ласки и томленья
Лежит на сердце мягкий след.

Так, замирая постепенно,
Исполнен счастия и мук,—
Струны внезапно потрясенной
Трепещет долго тихий звук.

* * *

Труп ребенка, весь разбитый,
В ночь был брошен. Ночь темна,
Но злодейство плохо скрыто,
И убийца найдена.

Бледнолицая малютка
С перепуганным лицом,
Как-то вздрагивая жутко,
Появилась пред судом.

Ветхо рубище худое,
В дырьях обувь на ногах,
Грязно тело молодое
И мозоли на руках.

Выраженье взглядов мутных
Полно дикости. В речах,
Неразборчивых и смутных,
Слышен только детский страх.

Кто она? — она не знала,
Кто отец ей, кто ей мать;
Всякий сброд в вертеп подвала
Приходил к ним ночевать.

Кто сгубил ее? Давно ли? —
Неизвестно ей: царил
Ночью мрак у них, и с воли
Разный люд к ним приходил.

Как на грех она решилась? —
Ночью плохо стало ей,
А поутру приходилось
На завод идти скорей...

Еле слышные ответы
Разобрать подчас нельзя,
И не верится, что это —
Мать, убившая дитя!

А отец? Забитый рано
Горем, фабрикой, вином —
Разве знает он, что спьяна
Стал кому-то он отцом?

ЛИЗЕ

Дитя мое, тебя увозят вдаль...
Куда? Зачем? Что сделалось такое?
Зачем еще тяжелую печаль
Мне вносит в жизнь безумие людское?
Я так был рад, когда родилась ты!..
Чуть брезжил день... И детские черты,
И эта ночь, и это рассветанье —
Все врезалось в мое воспоминанье.

Вот скоро год слежу я за тобой —
Как ты растешь, как стала улыбаться,
Как ищет слов неясный лепет твой
И стала мысль неясно пробиваться...
И есть чутье в сердечной глубине:
Ручонками ты тянешься ко мне
И чувствуешь невольно вдохновенно,
Что я тот друг, чья ласка неизменна.

И страшно мне: ну! будешь ты больна?..
Не я тебя утешу в час недуга...
Ну! ты умрешь?.. Нет! это призрак сна,
Безумный бред ненужного испуга...
Ты вырастешь! — Но нежный возраст твой,
Дитя мое, взлелеется не мной,
Не я вдохну тебе, целуя руки,
Ни первых слов, ни первых песен звуки.

Не я возьмусь при раннем блеске дня
Иль в лунный час спокойного мерцанья
Тебя учить, безмолвие храня,
Глубокому восторгу созерцанья.

Не я скажу,— как в книге мысль сама
Из букв сложилась в летопись ума,
Не я внушу порыв души свободный
К святой любви и жертве благородный.

И страшно мне: в мой передсмертный час
Не явится ко мне твой образ милый;
Улыбка уст и ясность детских глаз
Мелькнут, как скорбь, по памяти унылой...
Но решено: тебя увозят вдаль...
Дитя мое, я утаю печаль
И детского спокойствия незнанья
Не возмущу тревогою страданья.

МУЗЫКАНТУ

За совершенство исполненья
Глубоко звучного творенья
Вам в похвалу я мог едва
Сказать обычных слова два;
Но если б вы подозревали,
Как эти звуки взволновали
Всю память сердца моего,
То вы... Ну, что ж бы?.. Ничего!..
Пришельцы оба издалече,
Что нам в минутной нашей встрече?..
    Так двух прохожих, на мгновенье
    Сходясь при проблеске луны,—
    Две тени тихо вдоль стены
    Расходятся в два направленья,
    И в тьме окружной навсегда
    Вдруг исчезают без следа.

* * *

И если б мне пришлось прожить еще года
До сгорблой старости, венчанной сединою,
С восторгом юноши я вспомню и тогда
Те дни, где разом все явилось предо мною,
О чем мне грезилось в безмолвии труда,
В бесцветной тишине унылого изгнанья,
К чему душа рвалась в годину испытанья:
И степь широкая, и горные хребты —
Величья вольного громадные размеры,
И дружбы молодой надежды и мечты,
Союз незыблемый во имя тайной веры;
И лица тихие, спокойные черты
Изгнанников иных, тех первенцев свободы,
Создавших нашу мысль в младенческие годы.
С благоговением взирали мы на них,
Пришельцев с каторги, несокрушимых духом,
Их серую шинель — одежду рядовых...
С благоговением внимали жадным слухом
Рассказам про Сибирь, про узников святых
И преданность их жен, про светлые мгновенья
Под скорбный звук цепей, под гнетом заточенья.
И тот из них, кого я глубоко любил,
Тот — муж по твердости и нежный, как ребенок,
Чей взор был милосерд и полон кротких сил,
Чей стих мне был, как песнь серебряная, звонок,—
В свои объятия меня он заключил,
И память мне хранит сердечное лобзанье,
Как брата старшего святое завещанье.

* * *

...Она со мною так добра
И простодушна, как сестра.
Пусть это дружба!.. Пусть ответа
Я не найду любви моей,
Но в звуке дружнего привета,
Во взгляде дружеском у ней —
Я вижу больше ласки нежной,
Чем взгляд и речи у другой
Сказать способны в миг иной,
Любви и страсти миг мятежной.

* * *

С какой тревогой ожиданья,
Биеньем сердца, час за час,
Я жаждал, не смыкая глаз,
Минуты раннего свиданья.

Чу! брезжит. Свежею струей
В дремотном воздухе пахнуло,
Лист шепчет; в чаще кустовой,
Чирикнув, пташка пропорхнула,
И галок кочевой народ
Пустился в утренний полет.

РУДОЛЬФОВ ТРАПП

(Л. Н. Толстому)

Воскрешают эти звуки
Целый мир передо мной —
Странной неги, странной муки,
Шелест счастья, плач разлуки
И полячки молодой
Образ светлый и простой.
Что таить!.. Тогда в <...>
С пьяным старцем до утра
Проводил я вечера.
Он играл; мы с ней сидели
В уголку, вдвоем, одни...
Звуки мчались — быстры, сладки,—
И, как звуки, без оглядки
Мчались ночи, мчались дни.
Да! Она меня любила
(Дело прошлое — не лгу —
Память сердца берегу);
Но тогда меня кружила
Необузданная сила:
Вскоре бросил я ее
И под Вакховым покровом
Подкатил к блудницам новым
Своеволие мое...

После, случай свел нас вместе
Невзначай в подобном месте,
Приняла меня она
Грустно-тихо, но беззлобно,

Как-то матери подобно,
Как-то сестрински нежна.
Странно сердце повернулось,
И любовь моя проснулась;
Я хотел ее спасти,
Выкуп дать хозяйке жирной
И с собою в дом мой мирной
Деревенской увезти.
«Нет! Теперь уж это поздно!
Ты не тот, и я не та,
Нас судьба уносит розно,
Счастье было бы мечта...»
И, задумавшись, молчала,
Точно что-то вспоминала;
Мне на шею повязала,
Обняла, поцеловала,
Потихоньку зарыдала
И простилася со мной.

Я поехал, сердце ныло,
Я сжимал ее платок,
И тоска меня томила,
И терзал меня упрек.
Дайте звуков Христа ради,
Дайте прошлые мечты,
Дайте вспомнить бедной <...>
Простодушные черты!..

ОТРЫВКИ

День за день — робко — шаг за шаг,
Как тени скользкие во мрак
Иль как неверные преданья,
Теряются воспоминанья,
Бледнеют прошлого черты...
Всю жизнь все кажется, что ты —
Напрасный мученик движенья,
Скиталец в даль без возвращенья,
Выходишь из дому, где жил,
И кто-то там тебя любил,
Ты тоже сам любил кого-то,
И ты ль кого, тебя ли кто-то
С бездушьем детским оскорбил.
Тая любовь, скрывая муку,
Пожал ты грустно чью-то руку
И вышел медленной стопой...
Дверь затворилась за тобой.
Ты проходил по длинной зале,
Лежал в печальной полумгле
Мертвец знакомый на столе,
И ты шаги направил дале,
В последний раз с немой тоской
Ему кивнувши головой.
И шел ты длинным коридором,
Глядя на выход робким взором,
И с длинной лестницы спустясь,
Внутри дрожа, рукой тревожной
Последней двери ключ надежной
Ты повернул в последний раз,

И дверь, отхлынув, заперлась.
Один стоял ты середь ночи,
Светил фонарь надстолбный в очи,
И долго тень твоей спины
Не отрывалась от стены.
Когда ж последние ступени
Того заветного крыльца
Сошел ты тихо до конца,—
Дрожали слабые колени.
Вдоль улицы в безлюдный час
Ты шел уныло, бесприютно,
Глядел назад ежеминутно,
Глядел назад, и каждый раз
Фонарь бледнел, потом погас,
Еще виднелся ночью томной
Высокий дом, как призрак темной,
И он исчез в далекой мгле,
Как гроб в наваленной земле.
И новый день с иной страною...
Другие люди, новый дом,—
Опять любовь и горе в нем,
И снова в путь,— и за собою
Ты видишь, как, едва горя,
Бледнеет пламя фонаря.
И что ж осталось от скитанья,
Где, повторяясь шаг за шаг,
Уходят вспять воспоминанья,
Как тени скользкие во мрак?
Глухая боль сердечной раны
Да жизни сказочные планы...

В СТЕПИ

По степи зеленой
Полдень зноем пышет,
Воздух заморенный
Травки не колышет.

Поумаяв ноги,
Конь идет лениво,
До пыльной дороги
Наклоняясь гривой.

Смотрит: небо сине,
В мглист . . . . .[1]
Нет конца равнине.
. . . .

С скуки одинокой
Песню напевает,
По степи далеко
Голос пропадает.

---

[1] Строка не дописана.— *(Прим. ред.)*

O LACRYMARUM FONS!

Когда пред тупостью людской
Рассудка власть, бессильная, немеет,
Язык, вотще глаголивший, коснеет
И тайный гнев, как вор ночной,
Подкравшись чуждою стопой,
Душой незлобивой владеет,—
Как тяжело! как слезы бы нужны!..
А тут-то их и нет! Для них в борьбе
Нет влагою обильной глубины,
Подземного ключа хранительницы мирной;
Иной исток им надобен в тиши —
Печаль любви, печаль воспоминаний,
Да пение надгробных воздыханий,
Да умиление души.
И как подумаешь, что в сердце много, много
И умиления и звуков дорогих,
Торжественных, вздыхающих, живых;
Как жизнь становится гнусна с ее тревогой,
С скрипением раздоров мелочных,
Где гибнут сладостные звуки
В сухом жару неплодоносной муки!

РАЗВРАТНЫЕ МЫСЛИ

Когда идет по стогнам града,
Полустыдясь, полушутя,
Красавица — почти дитя —
С святой безоблачностью взгляда,—
На свежесть уст, на блеск лица,
На образ девственный и стройный
Гляжу с любовию отца,
Благоговейно и спокойно.
Когда ж случится увидать
Черты поблеклые вдовицы,
Полупониклые ресницы
И взор, где крадется, как тать,
Сквозь усталь жизни, жар томлений,
Неутомимых вожделений,—
Мутятся помыслы мои,
Глава горит, и сердце бьется,
И страсть несытая в крови,
Огнем и холодом мятется.

БАЛ

1

Introductione. Adagio non troppo

Пышный бал блестит огнями,
Одиноко я стою
И в толпе ищу глазами
Ненаглядную мою.
Жду тревожно появленья
Блеска полного очей,
Легкой поступи движенья,
Белой дымки облаченья,
Все, что так похоже в ней
На воздушное виденье
В мгле серебряных ночей.
Чу! вдруг сердце встрепенулось,
Точно чуткая струна...
Многолюдье разомкнулось —
И идет она, она!

2

Tempo del galoppo

Ручкой тонкой
На плечо мне обопрись,
Белокурою головкой
К голове моей склонись,
Чтоб я обнял стан твой гибкий,

Чтоб я чувствовал
Близко, близко локон зыбкий,
Уст дыханье, жар ланит.

3

Trio

Мчимся, мчимся без оглядки,
Забывая целый свет,
Звуки льются быстры, сладки
И блаженству меры нет.

4

Galoppo docapo

Тише, тише, грудь устала,
Опустись и отдохни;
Наше счастье после бала
В раннем сне воспомяни.

5

Finali tempo primo

Руку дай мне в час разлуки,
Ночь прошла полетом грез;
Завтра день блаженной муки,
Одиноких сладких слез.

ФАНТАЗИЯ

(Для музыки)

Тихо склонилось вечернее солнце,
Тихо колеблется синее море,
Тихо, качаяся, движется лодка...
Тише — и жажда напрасная счастья,
Тише — и чувство глубокое горя,
Все погрузилося зыбко в дремоту —
Воздух, и волны, и мысли, и сердце...
О, если б было до берега долго!

У МОРЯ

Ночь и буря с черной мглою,
Море страшно и темно,
Только пеною седою
По взволнованному слою
Чуть белеется оно.
Кто ж там плачет, кто там стонет,
Рвется, мечется, зовет,
Воплем жалобным поет,
Точно гибнет иль хоронит.
Но глухой судьбы не тронет
И покоя не найдет?..
Буря волны гонит, гонит,
Море темное ревет,
Сердце ноет, сердце стонет,
Сердце гибнет и хоронит
И нигде не отдохнет.

МИХАЙЛОВУ

Сон был нарушен. Здесь и там
Молва бродила по устам,
Вспыхала мысль, шепталась речь —
Грядущих подвигов предтечь;
Но, робко зыблясь, подлый страх
Привычно жил еще в сердцах,
И надо было жертвы вновь —
Разжечь их немощную кровь.
Так, цепенея, ратный строй
Стоит и не вступает в бой;
Но вражий выстрел просвистал —
В рядах один из наших пал!..
И гнева трепет боевой
Объемлет вдохновенный строй.
Вперед, вперед! разрушен страх —
И гордый враг падет во прах.

Ты эта жертва. За тобой
Сомкнется грозно юный строй.
Не побоится палачей,
Ни тюрьм, ни ссылок, ни смертей.
Твой подвиг даром не пропал —
Он чары страха разорвал;
Иди ж на каторгу бодрей,
Ты дело сделал — не жалей!

Царь не посмел тебя казнить...
Ведь ты из фрачных... Может быть,
В среде господ себе отпор

Нашел бы смертный приговор...
Вот если бы тебя нашли
В поддевке, в трудовой пыли —
Тебя велел бы он схватить
И, как собаку, пристрелить.
Он слово «казнь» — не произнес,
Но до пощады не дорос.
Мозг узок, и душа мелка —
Мысль милосердья далека.
Но ты пройдешь чрез те места,
Где без могилы и креста
Недавно брошен свежий труп
Бойца, носившего тулуп.
Наш старший брат из мужиков,
Он первый встал против врагов,
И волей царскою был он
За волю русскую казнен.
Ты тихо голову склони
И имя брата помяни.

Закован в железы с тяжелою цепью,
Идешь ты, изгнанник, в холодную даль,
Идешь бесконечною снежною степью,
Идешь в рудокопы на труд и печаль.
Иди без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

И верь неослабно, мой мученик ссыльный,
Иной рудокоп не исчез, не потух —
Незримый, но слышный, повсюдный, всесильный
Народной свободы таинственный дух.
Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

Он роется мыслью, работает словом,
Он юношей будит в безмолвьи ночей,
Пророчит о племени сильном и новом,
Хоронит безжалостно ветхих людей.
Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

Он создал тебя и в плену не покинет,
Он стражу разгонит и цепь раскует,
Он камень от входа темницы отдвинет,
На праздник народный тебя призовет.
    Иди ж без унынья, иди без роптанья,
    Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

ТАТЕ (Г<ЕРЦЕН>)

В дорогу дальнюю тебя я провожаю —
С благословением, и страхом, и тоской,
И сердце близкое от сердца отрываю...
Но в мирной памяти глубоко сохраняю
Твой смех серебряный, и добрый голос твой,
И те мгновения, где родственной чертой
Твой лик напоминал мне образ безмятежный
Той чудной женщины, задумчивой и нежной.

Ты едешь в светлый край, где умерла она...
Невольно думаю с любовию унылой —
Как сини небеса над тихою могилой,
Какая вкруг нее зеленая весна,
Благоуханная, живая тишина.
И снится мне, как сон, вослед за тенью милой —
И мягкий очерк гор сквозь голубую мглу
И дальний плеск волны о желтую скалу...

Подобно матери, средь чистых помышлений
Сосредоточенно живи, дитя мое;
Сердечных слез и дум, труда и вдохновений
Не отдавай, шутя, за блеск людских волнений,
Тщеславной праздности безумное житье.
В искусстве ты найдешь спасение свое;
Ты юное чело пред ним склони отныне
И в гордой кротости служи твоей святыне.

* * *

Выпьем, что ли, Ваня,
С холоду да с горя,
Говорят, что пьяным
По колено море.

Стар теперь я, Ваня,
Борода седая,
А судьба все та же —
Злая да лихая.

Дочь Антона вышла
Замуж за другого,
Ну! и я женился —
Живо да здорово.

Деток целых трое,
Схоронил старушку,
А поправить нечем
Скверную избушку.

Говорят, мы вольны,
Только царь нам дядька,—
А оброк все тот же,—
Что ни поп, то батька!

* * *

Мой русский стих, живое слово
Святыни сердца моего,
Как звуки языка родного,
Не тронет сердца твоего.

На буквы чуждые взирая
С улыбкой ясною,— умей,
Их странных форм не понимая,
Понять в них мысль любви моей.

Их звук пройдет в тиши глубокой,
Но я пишу их потому,
Что этот голос одинокой —
Он нужен чувству моему.

И я так рад уединенью:
Мне нужно самому себе
Сказать в словах, подобных пенью,
Как благодарен я тебе —

За мягкость ласки бесконечной;
За то, что с тихой простотой
Почтила ты слезой сердечной,
Твоей сочувственной слезой,—

Мое страданье о народе,
Мою любовь к моей стране
И к человеческой свободе...
За все доверие ко мне,

За дружелюбные названья,
За сердце, полное вниманья
И тайной, кроткой глубины,
За негу долгого лобзанья,
За чувство светлой тишины,

За то, что нет сокрытых терний
В любви доверчивой твоей,
За то, что мир зари вечерней
Блестит над жизнию моей.

НАСТОЯЩЕЕ И ДУМЫ

(Письма к Герцену)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отвыкли мы от философских тем,
В поэзии бракуют их совсем —
И Анненков, и Гегель, и другие
Философы помельче, небольшие.
В поэзии им образы нужны —
А вот поставь, хоть ради новизны,
Леонтьева с Катковым на картину,
Все ж образ их пойдет за образину.

Пишу к тебе — зачем, не знаю сам,
Не знаю, что в стихах я передам —
Раздумие и мысли, взгляд и нечто
Иль образы... Ну!.. Да о чем бишь речь-то?
О критиках... Бог с ними, милый мой!
Пишу к тебе, чтоб тайную тревогу
Исканьем рифм рассеять понемногу
И как-нибудь над рифмою тугой
Слегка вздремнуть, поникнув головой.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Ночь. Город спит, насилу удосужась...
Все тихо, так — что даже без причин
Таинственный охватывал бы ужас...
Но в сердце нет мистических пружин,

Мой ужас прост: мое дитя больное
В соседней комнате. Малейший звук
Я слушаю сквозь веянье ночное
И жду беды и чувствую испуг.
Жизнь или смерть?.. Поди, решай загадку —
Куда природа выпрет лихорадку!

Природа — мать!.. пожалуй, что и мать,
Но с сердцем мачехи... засмейся сразу,
И у меня наткнувшися на фразу!..
Но я хотел совсем не то сказать:
Природа (иль — по-древнему — натура) —
Ни мать, ни мачеха, а просто дура.
Родит себе и рушит наповал,
И все равно ей — смерть или родины;
А человек в ней цели отыскал
И умные последствия причины...
Увы! в ней все ни глупо, ни умно,
А просто так у ней заведено.

Сижу и слушаю... вот два пробило...
Чу! кашляет... Иду я в тишине
На цыпочках, чтобы неслышно было...
Дитя мое! Все тело, как в огне,
И мечется, и тяжело дыханье...
Еще вчера она приснилась мне —
Обнять меня хотела на прощанье,
А губы у нее — смотрю — черны
И кровию запекшейся полны...
Меня так разом обдал пот холодный,
И сон с тех пор пугает безотходно.

Воды тебе? Испей, дитя мое!
Приляг опять, дай я тебя прикрою,
А завтра будь здоровою такою,
Я расскажу про прежнее житье...
Она глядит, но, видно, не узнала,
Заплакала в бреду, и закричала,
И снова спит, и дышит тяжело.
А голос был так раздирающ, тонок,
Что жалостью всю душу мне свело,
Как будто всем хотел сказать ребенок:

«Простите мне! Не виновата я!
За что же вы так душите меня!»

Беспомощно стою я у кроватки...
Беспомощно!.. Гляди себе и жди,
Хоть разорвись с усилий на догадки,—
Не будешь знать, что выйдет впереди,
И не найдешь ты средства на спасенье.
Сам медик мне сказал свое решенье:
«Болезнь должна иметь благой исход,
Но может взять и скверный поворот...»
И истиной, наукою добытой,
Был горд сей муж, в науке знаменитый.

Беспомощно!.. Как в этом слове, друг,
Вся жизнь сама сказалась неподдельно!
Как ясен мне весь заповедный круг
Ненужности, бессильной и бесцельной.
Стою, молчу и мыслю про себя:
Вчера глядел, любуясь и любя,
На глазки светлые, на ясный лобик!
А завтра вот пойду готовить гробик.

И снова жизнь потянется пуста,
В напеве недостанет звука,
Внутри тоска, кругом тупая скука...
Не в первый раз развеется мечта,
Не в первый раз переживать утраты,
Шесть тысяч лет все люди мрут да мрут,
А с похорон — поплачут и живут.
Переживу и я... На благо общее отдам мой труд,
Да, сверх того, и умиранье больно...
Тушу свечу! На этот раз довольно...

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Сегодня ей заметно лучше стало...
А я, мой друг, сегодня плакал. Да!
Меня сегодня хуже, чем когда
Беспомощность другая добивала,
Отчаянье безвыходной борьбы,
Ношенье кар заслуженной судьбы,

Сухая боль бесплодного томленья
Без ласки внутренней, без умиленья.

Когда взошел я к дочери больной,
Вдруг вижу — мать в порыве раздраженья
На нянюшку. Неловкою рукой
Давала пить ребенку и водой
Позалила (случайно, без сомненья)...
Забыто все — и как беде помочь
И что нельзя пугать больную дочь;
Забыта скорбь и, может, близость гроба,
Над всем всплыла одна сухая злоба.
Я был объят каким-то духом тьмы,
Мне дикий вид и речи были гадки,
Я вышел вон безумно, без оглядки,
Как будто б я спасался от чумы.
Бежал, бежал, забыл мою больную,
Мой тайный страх, мою печаль иную...
О! отчего я не имею сил,
Ни сил на власть, ни сил на убежденье,
На вкрадчивость сердечного моленья.
Я много бед еще бы отвратил...
Я, страстно эту женщину спасая,
Сказал бы ей, из глубины взывая:

«О! ради наших прошлых дней
Погибшего, погубленного счастья,
Не разрушай в душе моей
К прошедшему последнего участья!
Прости меня! Я виноват,
Я погубил твой возраст юный,
Я порвал все святые струны,
На ум навеял праздный чад,
Я развил волей иль неволей
Дух неразумных своеволий,
Я допустил в душе твоей
Тревогу мелких нетерпений,
И сухость мстительных волнений,
И необузданность страстей!
Прости меня! Перед тобою
Клонюсь преступной головою,
Но я любил, но я был слаб,
Я был не старший брат, а раб.

О! ради наших прошлых дней
Погибшего, погубленного счастья,
Не разрушай в душе моей
К прошедшему последнего участья!
Твой слух на голос мой склони,
Пойми всю ширь сердечного прощенья
И тихой грустию благоволенья
Порывы злобы замени.
Чтоб ты пришла к уразуменью,
Как много я наделал зла
Моей потворственною ленью,
И мне простить ее могла,—
Сойди в себя! отвергни оправданья,
Очисти жизнь слезою покаянья...
Вчера — ты помнишь ли,— вчера
Еще ты ночью говорила,
Что, знать, за то, что ты забыла
Понятье правды и добра,
Тебе дочернее страданье
Дано судьбою в наказанье?
Ужель опять ни страх перед судьбой,
Ни мягкая надежда исцеленья
Не взяли верх над мелкой и сухой
Презренною тревогой озлобленья?
Подумай, оглянись назад —
Безумный вихрь, ревнивый чад...
Сердечной лаской не пригреты,
Две девочки забудут кров родной,
Нарушены пред урной гробовой
Тобою данные обеты.
Ужель и в жизнь своих детей
Навеешь ты все то же роковое
Дыханье злобы и страстей,
Туманный вихрь, съедающий живое,
Ума лишающий людей?
Пойми, что злоба на все лицы,
Что праздно бешеная кровь,
Тревога дикая волчицы —
Еще не женская любовь.
О! слух на голос мой склони,
Пойми всю ширь любви и умиленья
И тихой грустию благоволенья
Порывы злобы замени.

О! сделай, сделай, ради бога,
Чтоб я, когда иду к больной,
Я не стоял бы у порога,
Терзаем думою одной,
Что вот войду — и вновь тревога,
И вкруг пойдет рассудок мой,
И я, встречая сердца малость,
Забуду и любовь и жалость.
О! дай же плакать мне над ней,
Над бедной Лизою моей,
Любить ее и целовать ей руки
Без задних дум проклятия и муки.
        У ног твоих, еще любя,
        Рыдаю и молю тебя —
Сойди в себя. Отвергни оправданья,
Очисти жизнь слезою покаянья.
        О! ради наших прошлых дней
        Погибшего, погубленного счастья
        Не разрушай в душе моей
        К прошедшему последнего участья...»

Но тщетно все... Я знаю, голос мой —
Пустынный бред моей души больной,
И я слова мои напрасно трачу —
Склоняю голову и плачу.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Она останется жива!
Уже сегодня говорила
Она веселые слова
И сказки сказывать просила.
Уже сквозь усталь и недуг
Смеются умненькие глазки...
Какие ж я тебе, мой друг,
Сказать могу сегодня сказки?
Я помню только лишь одну —
Как рыцарь с синей бородою
Хотел привычною рукою
Убить девятую жену.
Прослушала четыре раза,
Но просит все конца рассказа,

Все говорит, не кончен он:
Скажи про прежних восемь жен.

Она останется жива!
Дай этой мыслью насладиться!
Хотя на миг один иль два
Дай в чувстве радости забыться,
Куда-нибудь, хоть за забор,
Отбросив жизни грязь и сор.
Так доживу ж я, вероятно,
Чтобы взглянуть хоть на расцвет
Весенних отроческих лет,
И будет ей не непонятно
Благословенье, и завет,
И ласка слов моих прощальных,
Спокойных, тихих и печальных.
Да! я увижу возраст тот,
Откуда времени полет
Мои черты сквозь сумрак бледной
С сердечной памяти бесследно
Крылом холодным не сотрет.

EXIL

Я том моих стихотворений
Вчера случайно развернул,
И, весь исполненный волнений,
Я до рассвета не заснул.
Вся жизнь моя передо мною
Из мертвых грустной чередою
Вставала тихо день за днем,
С ее сердечной теплотою,
С ее сомненьем и тоскою,
С ее безумством и стыдом.
И я нашел такие строки,—
В то время писанные мной,
Когда не раз бледнели щеки
Под безотрадною слезой:
«Прощай! На жизнь, быть может, взглянем
Еще с улыбкой мы не раз,
И с миром оба да помянем
Друг друга мы в последний час».

Мне сердце ужасом сковало:
Как все прошло! Как все пропало!
Как все так выдохлось давно!
И стало ясно мне одно,
Что без любви иль горькой пени,
Как промелькнувшую волну,
Я просто вовсе бедной тени
В последний час не помяну.

СИМ ПОБЕДИШИ

(Ответ писавшему «Братское слово».
«Колокол», № 171)

Мой друг, твой голос молодой
Отводит душу, сердце греет,
И призрак пал передо мной,
И дух уныния слабеет.
А есть с чего сойти с ума
Или утратить силу веры —
Так зверств и подлостей чума
Россией властвует без меры.

И вот пришло на память мне —
Как в старину, никем незнаем,
Бывал, спасаясь в тишине,
Отшельник адом искушаем:
Из тьмы углов, из черной мглы,
Из-за полуночной завесы —
И отвратительны и злы —
Его смущать являлись бесы,
А он крепился и мужал,
И призрак верой побеждал.

Мой друг, твой голос молодой
Отводит душу, сердце греет,
И призрак пал передо мной,
И дух уныния слабеет.
И верю, верю я в исход
И в наше светлое спасенье,
В землевладеющий народ

И в молодое поколенье.
И верю я — невдалеке
Грядет, грядет иная доля,—
И крепко держится в руке
Одна хоругвь — «Земля и Воля».

ПРИЗРАК

В одну из тех ночей весеннего тепла,
Когда покоится серебряная мгла,
А месяц трепетный наводит освещенье,—
В одну из тех ночей явилось мне виденье.
Под дубом вековым недвижно я лежал,
Раскрыть глаза едва-едва имея силу,
Как будто был уже готов сойти в могилу —
И для меня мой час последний наставал.
Не поднималися беспомощные руки,
Но слух еще ловил каких-то голосов
Блаженства полные, знакомые мне звуки
В движеньи воздуха и трепете листов.
И вдруг пришла она — все тот же образ стройный,
Все так же хороша, все так же молода,
С улыбкой тихою, и поступью спокойной,
И взором ласковым, как в прежние года,—
И близ меня она колени преклонила...
«Зачем,— я ей сказал,— зачем приходишь ты?
Я знаю — никогда меня ты не любила...
А я? А я всю жизнь не знал иной мечты;
Любил ли я еще когда-нибудь — не знаю —
Ни прежде, ни потом... Но жизнь пережита,
Теперь уже я стар, теперь я умираю...»
Тут уст моих ее коснулися уста...
В последний раз во мне сердечное биенье
Мгновенно вздрогнуло и замерло совсем...
Тогда исчезло все — и звуки и виденье,
Глаза закрылися, и был я глух и нем,
И только бледная луна еще глядела
На мертвое, хладеющее тело...

* * *

Мчатся кони вороные
По шоссе в задоре глупом;
Мчатся дроги — не пустые —
А с хорошим, свежим трупом.

Кони мчатся в черных шорах,
Люди в черном, шляпы с флером;
С боку на бок на рессорах
Гроб дрожит в движеньи скором.

Позади его карета,
Дамы в черном (всё родные),
Берегут глаза от света
Всё платочки носовые.

То ли плачут в самом деле,
То ли так лишь для показа,
Чтобы люди поглядели
И вздохнули два-три раза?..

А работник полупьяный
Вслед кричит им, что есть силы:
«Ну! куда спешить так рьяно,
Не уйдет он от могилы!»

А ему в ответ сказали:
«Ты, дурак! не можешь ведать —
До кладбища доскакали,
Стало — можно пообедать».

«А покойника знавал я,
Он кабак держал в соседстве,
С ним за пивом толковал я
О политике и детстве.

В детстве был он малый кроткой,
Даже скаредно обедал,
Крал, торгуя с старой теткой,
И раскаянья не ведал.

Так и вырос понемногу,
Совесть вдруг проснулась круто,
И он стал молиться богу
И кабак снял у банкрута.

Ясен прок в молитве строгой:
Торг пошел ужасно живо,
Пили много, очень много
Всяких водок, вин и пива.

Он женился. Наслажденье!
Мал мала меньше дети были,
Муж с женою в воскресенье
В церковь божию ходили».

ИЗ ГЕЙНЕ

(Перевод)

В старинных сказках — замки золотые,
Где звуки арф, да пляски стройных дев,
Да пышный блеск нарядов и прислуги,
Да запах роз, и мирта, и ясмина,—
И вдруг — одно такое слово — и
Все рушится в одно мгновенье ока —
И снова тлен, и темный прах развалин,
Да крики сов полночных, да болото.
Вот так и я — одним зловещим словом
Все чары снял с сияющей природы;
Лежит она безжизненна, ледяна,
Как царский труп, положенный в гробу:
Ему скулы румянами натерли
И в руку всунули державный скипетр,
А губы-то поблеклы и желты
(Забыли, знать, их тоже подрумянить),
И мыши шмыгают над царским носом
И нагло смотрят на державный скипетр.

* * *

Береза в моем стародавнем саду
Зеленые ветви склоняла к пруду.
Свежо с переливчатой зыби пруда
На старые корни плескала вода.
Под веянье листьев, под говор волны,
Когда-то мне грезились детские сны,
С тех пор протянулося множество лет
В волнении праздном и счастья и бед,
И сад мой заглох, и береза давно
Сломилась, свалилась на мокрое дно.
И сам я дряхлею в чужой стороне,
На отдых холодный пора, знать, и мне,
А все не забыл я про детские сны
Под веянье листьев, под говор волны.

КАРТИНЫ ИЗ СТРАНСТВИЯ ПО АНГЛИИ

(Подражание Гейне)

Отравляясь никотином,
Отравляясь алкоголем,
С неизвестным господином
Ехал я ричмондским полем.

На вершине омнибуса
Мы молчали — не по ссоре,
А затем, что оба — вкуса
Не нашли мы в разговоре.

Мы молчали всю дорогу,
Все, что в мыслях — было скрыто,
И лошадки понемногу
Доплелись до Гаммерсмита.

Тут мы слезли. Он лукаво
Улыбнулся, но без гнева,—
И пошел себе направо,
Я пошел себе налево.

SCHERZO

Зорька где-то догорела,
Глушь лесная потемнела,
Ночь таинственно нисходит...
Леший путника заводит.
Ау, ау, ау!

Сквозь деревья месяц блещет,
Лист серебряный трепещет,
Свет и тень по лесу бродит...
Леший путника заводит.
Ау, ау, ау!

ОТВЕТ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ НА ЕГО ЗАМЕТКИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В СЕНТЯБРЬСКОЙ КНИЖКЕ «РУССКОГО ВЕСТНИКА»

О! не великий князь (когда-то либерал),
От ссыльных сверстников далеко ты удрал
В жандармскую любовь — к престолу, не к народу,
Продажностью писак втесняемую в моду,—
Твой неуклюжий стих, теперь, когда попал
В потаповский, то бишь — в катковский сей журнал,
Совсем не бабочка, сидящая на розе —
А муха старая, почившая в навозе.

IL GIORNO DI DANTE

Суровый Дант не презирал сонета...

Пушкин

Италия! земного мира цвет,
Страна надежд великих и преданий,
Твоих морей плескание и свет
И синий трепет горных очертаний

Живут в тиши моих воспоминаний,
Подобно снам роскошных юных лет!
Италия! я шлю тебе привет
В великий день народных ликований!

Но в этот день поэта «вечной муки»
Готовь умы к концу твоих невзгод,
Чтоб вольности услышал твой народ

Заветные, торжественные звуки,
И пусть славян многоветвистый род
Свободные тебе протянет руки.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕИЗДАННОМУ И НЕДОКОНЧЕННОМУ

Не унывай среди томящей скуки
Движенья мелкого минут,
Не унывай от ежедневной муки
Скрипящих звуков, пошлых смут.
Не унывай, не находя исхода
Среди пустынной ширины
Праздношатания людского рода,
Праздношатания волны.
Не унывай и думай без испуга,
Что рвутся жизненные швы,
И не склоняй под тяжестью недуга
Полустолетней головы.
Спеши в строках последнего сказанья,
Где завершится жизнь сама,—
Отметить всю работу пониманья,
Весь опыт явственный ума.
А там умри, с спокойным чувством меры,
Вперив на мир последний взгляд,
Без помыслов отчаянья иль веры,
Без сожалений и отрад.

ОСУЖДЕННОМУ

Ну! выстрелил ты дерзновенно в царя,
Который ошибкою добрым зовется?..
Поступок нелеп — не в упрек говоря,—
Но в нем побуждений дурных не найдется.

Незрелая мысль да горячая кровь...
А сердцем все ж надо быть чисту и смелу,
Да надо к народу прямую любовь,
Да сильную преданность общему делу.

(Бестрепетный юноша думал спасти
Народ, отпущенный так скудно на волю,
Что должен за свой же участок нести
В уплату свою же последнюю долю.)

Ну, выстрелил ты во благого царя,
Который ввел смертные казни в обычай...
Не спустит он, пошлою местью горя,
Что раз был испуган вне должных приличий.

Замученный в пытках, поруган молвой,
Погибнешь ты твердо за юное дело,
И будет, повиснув на петле тугой,
Качаться твое бездыханное тело.

А царь пустодушный, за пышным столом,
Где лилися вин драгоценные реки,
С улыбкою детской поникнув челом,
В дремоте опустит тяжелые веки.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обычной жизни сор мятежный
Похоронив в прожитом дне,
Свершаю мысли труд прилежный
В уединенной тишине.

Но мерных строк язык [привольный]
И рифм созвучная чреда
Опять теснятся в слух [невольно],
Как прежде, в юные года.

Объят их сладостною мукой,
Склоняя на руки чело —
Хочу стихи связать с наукой
Немецким критикам назло.

Писал Георгики Вергилий —
Хоть скучно; школьником еще
Я их читал не без усилий,
Но все ж их хвалят вообще.

И скажешь правду, без фантазий,
Про их латинские красы,—
Творцы классических гимназий
Тотчас накинутся, как псы.

Быть может, выйдет меньше звучен
Мой русский стих (мой стих родной),
Но также вычурен и скучен
(Пусть то решит читатель мой).

Но если б мне хватило сил созданья,
Чтобы сказать моей строфой,
Что в деле мысли, в жажде знанья
Есть мощь поэзии живой,—

Я был бы счастлив бесконечно
Преданий [ложных] рушить тьму...
Чтоб стало все, что человечно,
Понятно юному уму.

МОЦАРТ

Толпа на улице и слушает, как диво,
Артистов-побродяг. Звучит кларнет пискливо;
Играющий на нем, качая головой,
Бьет оземь мерный такт широкою ногой;
Треща визжит труба; тромбон самодовольный
Гудит безжалостно и как-то невпопад,
И громко все они играют на разлад,
Так что становится ушам до смерти больно.

Так что ж? Вся наша жизнь проходит точно так!
В семье ль, в нарядах ли — весь люд земного шара,
Все это сборище артистов-побродяг,
Играет на разлад под действием угара...
Иные, все почти, уверены, что хор
Так слажен хорошо, как будто на подбор,
И ловят дикий звук довольными ушами
И удивляются, когда страдают сами.
А те немногие, которых тонкий слух
Не может вынести напор фальшивой ноты,
Болезненно спешат, всё учащая дух,
Уйти куда-нибудь от пытки и зевоты,
Проклятьем наградя играющих и их
Всех капельмейстеров небесных и земных.

Люблю я Моцарта; умел он забавляться,
Дурного скрипача и слушать и смеяться;
Он даже сочинил чудеснейший квартет,
Где все фальшивый звук и ладу вовсе нет;
Над этим, как дитя, он хохотал безмерно,—

Художник и мудрец! О! Моцарт беспримерный,
Скажи мне, где мне взять тот добродушный смех,
Который в хаосе встречает ряд утех,
Затем, что на сердце — дорогою привольной —
Так просто весело и внутренно не больно!

* * *

Она была больна, а я не знал об этом!..
Ужель ни к ней любовь глубокая моя,
Ни память прошлого с его потухшим светом —
Ничто не вызвало, чтобы рука твоя
Мне написала весть о страхе и печали
Иль радость, что уже недуги миновали?
Ужель в твоем уме одно осталось — злоба?
За что? Не знаю я. Но вижу я, что ты
Не пощадишь во мне ни даже близость гроба,
Последних дней моих последние мечты.
Как это тяжело, когда б ты это знала!..
Как глухо мозг болит, от горя мысль устала...

СТУДЕНТ

(Посвящается памяти моего друга Сергея Астракова)

Он родился в бедной доле,
Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки,
Юных лет он вынес муки.
В жизни стала год от году
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей, лучшей доли.

И гонимый местью царской
И боязнию боярской,
Он пустился на скитанье,
На народное воззванье,
Кликнуть клич по всем крестьянам —
От Востока до Заката:
«Собирайтесь дружным станом.
Станьте смело брат за брата —
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу».

Жизнь он кончил в этом мире —
В снежных каторгах Сибири.
Но весь век нелицемерен —
Он борьбе остался верен.
До последнего дыханья
Говорил среди изгнанья:
«Отстоять всему народу
Свою землю и свободу».

* * *

Надежды падают и рушатся мечты,
Как волны скользкие колеблемого моря.
Дитя любимое, зачем родилось ты —
Для сильной жизни ли, иль для тупого горя?
Пристрастья матери задушат ли в тебе
Движенье сил живых любви и пониманья,
Иль все ж ты вынырнешь в настойчивой борьбе
Из-под ревнивого и злобного влиянья?
И сохранишь весь век (как жить ни тяжело,
И как бы жизнь твоя ни длилась бесконечно)
Спокойный светлый взор и ясное чело —
Как выражение всего, что человечно?
Не знаю, право, я — и жизнь моя жалка,
Как будто облака свинцовые нависли,
И все безвыходно, и скорбная тоска
Теснит дыхание, смущает свежесть мысли.

ДО СВИДАНЬЯ

Смолкает *«Колокол»* на время,
Пока в России старый слух
К свободной правде снова глух,
Пока помещичее племя
Царю испуганному в лад
Стремится все вести назад,
И вновь касается окова
До человеческого слова.
Но вспять бегущая волна
Не сгубит дерзостным наплывом
Раз насажденные по нивам
Свободы юной семена.

Смолкает *«Колокол»* на время,
Но быстро тягостное бремя
Промчится как ненужный сон
И снова наш раздастся звон,
И снова с родины далекой
Привет услышится широкий,
И, может, в наш последний час
Еще светло дойдет до нас —
Как Русь торжественно и стройно,
И непорывисто смела,
С сознаньем доблести спокойной
Звонит во все колокола.

НАТАШЕ

И день и ночь, дитя мое,
Я занят мысленно тобою;
Ищу уныние твое
Рассеять любящей рукою.
Невольно взгляда твоего
Я вспоминаю выраженье
И голос слов твоих, его
Неуловимое значенье:
Я узнавать в тебе привык
И каждой мысли след летучий
И каждый затаенный крик
Немых скорбей и страсти жгучей.
О! дай уныние твое
Рассеять любящей рукою;
Молю тебя, дитя мое,
Не мучься ложною тоскою;
Святыни сердца своего
Не трать в порывах малодушно;
Люби меня, люби *его*,
Люби светло и простодушно,
Без притязаний, без обид,
Без подозрительности ложной,
Без жала мелких Немезид,
Без яда ревности тревожной.
О! жизнь нам тяжело далась,
Довольно было огорчений,
Довольно рушилось у нас
Надежд, и чувств, и убеждений...
Ты наш союз благослови

Любви безоблачным приветом,
Наш вечер мирно оживи
Неугасимо кротким светом,
И пусть остаток наших дней —
Союза нашего достоин —
В живых лучах любви твоей
Пройдет торжественно спокоен!

Так смысл торжественный храня,
Развалины твердыней Рима
В вечернем озареньи дня
Еще живут невозмутимо.

ГРАНОВСКОМУ

Вспомнил я, товарищ,
Ты сошел в могилу,
Миру лучшей доли
Было ждать не в силу.

Я схожу в могилу
Полный утомленья,
Не дождусь я тоже
Миру обновленья.

А настанет время,
Время жизни новой,
В мире отзовется
Истинное слово.

Истинное слово
В мире повторится,
Истинное дело
В мире совершится.

Но не встрепенутся
На глухом погосте
Нами вековечно
Сложенные кости.

С УТРА ДО НОЧИ

(Посвящается Тате <Герцен>)

Еще одно последнее сказанье,
И летопись окончена моя.

Пушкин

УТРО

«Светает.— Ах! Как скоро ночь минула...»

(Лиза в «Горе от ума»)

Лениво я смотрю на пробужденье,
И мысль ко дню еще не повернула,
Совсем вжилась в ночное сновиденье.
Толпились в нем враждующие лица,
Мешаяся друг с другом заодно
Знакомые недавно и давно —
И жизни прошлой путались страницы.
Еще хочу сказать — в спокойной встрече,
Наедине или в толпе их шумной,—
Что с каждым днем мы были все далече
И разошлись вконец — совсем разумно.
Иных ищу — сказать: я виноват,
Я сделал зло, я оскорбил неправо;
Других ищу, кому простить бы рад
Порывы легкомысленного нрава.
Но все ушло... Я помню в сновиденьи
Все на меня, как на врага, глядели,
С улыбкою возможной в озлобленьи...
Дыханье сперлось, и уста немели.

Пора, пора! Рассей тревожный бред —
Не надо ни безумия, ни лени...
Скорее на ноги! На труд! на свет!..
С чего ж мне жаль покинуть тени.

<II>

Вы скажете, что в тиши досужной
Моралью христианскою проникая —
Со всею саможертвою ненужной,
Приятной только для большого икса.
Вы поймите, что моя мечта —
Уравновесие отдельных жизней,
Где сила всех была бы развита
И сила каждая не в тяжесть ближней.
Поймите: только с этою основой
Для мира óбщины, для жизни новой
Наступит век, понятья изменяя,
И нравственность становится живая.

<III>

Серые облаки по небу тянутся,
Зимняя сырость по улицам стелется,
Серыми кажутся стены домовые...
Окна — свинцовые, лужи — свинцовые,
Тополь безлистная, почва погнившая.
Внутренно дума — седая, отжившая.

Дай — я окно отворю подышать:
В воздухе мягком — тепло, благодать;
Зимние виды, а веет весной...
Ты рассуди, что весна — рай земной.
Ведь не одно все и то же сказание —
Розы да бабочки, страсть да лобзание;
Также весна — и паханье полей,
Также пора удобренья и сеянья;
Всходы пойдут... Все живей и живей
Чувство работы и преуспéянья.
Серые облаки! Вот тут есть дело!
Что-то во мне помолодело...

<IV>

Мой стих от прошлых дней откажется едва ль...
Смотрю на выси гор, покрытые снегами,
А вспоминаю лес с пушистыми иглами,
Или родную степь и снеговую даль,
При блеске солнечном их яркой белизны,
Или в лиловой мгле сияния луны,
И всё минувшее на ум приходит вновь:
И образы родных, сошедших с переклички,
Любимых вследствие ребяческой привычки,
И дружба прежняя, и прежняя любовь,
И как живая мысль тайком росла из детства,
И как я не сберег отцовское наследство.
Не много в памяти храню я светлых точек,
И жизнь подернута враждебной дикой тьмой,
Где недоволен я другими и собой,
И не могу вписать прощенья тихих строчек...
Но все ж я сохранил — и веру только в знанье
И мира нового заветное исканье.

ВСТРЕЧА

(Посвящено духовенству)

Идет мужичок с сенокоса домой, на плече несет косу вострую. А косил он траву полумертвую, от весенних дождей полусгнившую, от июньских жаров пожелтелую. А навстречу ему косматый поп — в синей рясе степенно идет, широкополою шляпой прикрывается, от солнца от знойного защищается. И несет косматый поп святые дары — отпустить во иные благие миры бабу старую, не умытую, горькой долей разбитую.

И, завидя попа, мужичок отплевывается, от попа, говорит, беда наклевывается. От попа, говорит, дни беды полны — отплеваться надо на три стороны. На одну на сторону, чтоб он грех не взыскал; на другую на сторону, чтобы денег не взял; а на третью на сторону не быть бедствию, от поповских враньев не прийти к сумасшествию.

От плевка мужика поп обиделся.
Ты из старой сказки, говорит, не выбился,
Чем же я не друг тебе, мужичок?
А пойдем-ка мы лучше с тобой в кабачок,
Зеленáго вина выпьем чару дружную,
Потолкуем речь, обоим нужную.
А старуха святых даров без хлопот подождет,
И приду ли я поздно, все равно помрет.
И пошел с попом мужичок в кабачок,
Чару выпили зеленáго вина,
И поп говорит: моя жизнь не красна

И не лучше мужицкой, ты мне просто поверь,
Мы живем, как холоп, как замученный зверь.
А теперь нам еще хуже приходится,
Наше племя больше на шатанье расходится.

А мужик говорит: дурень ты, поп,
Присылай к нам детей и в жар и в зноб,
Мы им работу дадим на месте,
Землю пахать станем вместе,
Мы только примем их, как родных,
Мы только вскормим их, как своих.
А то надоело косить траву блеклую,
А возьму косу, косу вострую.
Да смету вас всех, моих начальников,
Моих предателей, моих нахальников,
И поверь, тогда без вашей подготовщины
Проживем и проверуем безо всякой поповщины.

ПАМЯТИ ДРУГА

Друг детства, юности и старческих годов,
Ты умер вдалеке, уныло, на чужбине!
Не я тебе сказал последних, верных слов,
Не я пожал руки в безвыходной кручине.
Да! Сердце замерло!.. Быть может, даже нам
Иначе кончить бы почти что невозможно,—
Так многое прошло по тощим суетам...
Успех был невелик, а жизнь прошла тревожно.
Но я не сетую за строгие дела,
Мне только силы жаль, где не достигли цели,
Иначе бы борьба победою была
И мы бы преданно надолго уцелели.

* * *

Сегодня настроен мой мозг музыкально,
Все слышатся звуки, да звуки, да звуки;
Не то бы на стуле вздремнулось печально
От горьких вспоминок и скуки.
Какая тут музыка, милый ты мой,
То в пильне машина заводит свой строй,
Да в школе мальчишки, во славу творца,
Одну ту же ноту поют без конца,
И с улицы, в помощь им, голос подвел
Усталый, забитый осел.
Не любо мальчишкам, не любо ослам,
Не любо работнику с пильной машиной,
Откуда ты музыку выдумал там?
Напев целой жизни расстроен кручиной.

ПЕСНЯ РУССКОЙ НЯНЬКИ У ПОСТЕЛИ БАРСКОГО РЕБЕНКА

(Подражание Лермонтову)

Спи, потомок благородья,
Баюшки-баю,
Я, дитя простонародья,
Песенку спою.
Мать на бале. Пляшет стройно —
Барыня она...
Ты же спи себе спокойно —
Я с тобой одна.
Наш народ хотел бы воли,
Воли да с землей,
Но не даст хорошей доли
Царский наш разбой.
И отец твой, русский барин,
Знает роль свою,
Он хоть ловок, но бездарен,
Баюшки-баю!
Он учен всему на свете,
Вышло — ничего.
У него одно в предмете —
Денежки его.
Но и с ними он не сладит,
Разорит семью,
Праздной жизнью все изгадит,
Баюшки-баю!
Он в полку служил на диво
И солдат бивал,

В отделеньи третьем живо
  Вышел генерал.
А потом был губернатор,
  Грабил всех гуртом,
Его русский император
  Наградил крестом.
Но не верь ты в штуку эту —
  Все не впрок пойдет...
Ты с сумой пойдешь по свету,
  Няня, знай, помрет,
А ты будь слугой народа,
  Помни цель свою —
Чтоб была ему свобода,
  Баюшки-баю!

ПАМЯТИ Л. ЧЕРНЕЦКОГО

Мы с ним работали, то были годы
Во имя общей будущей свободы...
Но умер он еще в всей силе лет,
Не выдержало сердце лжи и гнета,
И вот еще, Искандеру вослед,
Сгиб честный труженик переворота.

ИЗДАТЕЛЮ «СВОБОДЫ» В САН-ФРАНЦИСКО

Товарищ, верь — взойдет она,
Звезда общественного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Возникнут наши племена.

Хотя я стих переменил немного,
Но смысл теперь, пожалуй, что ясней,
Союз племен для нас одна дорога,
Свободы путь и проще и верней.
Да будет же твоя *«Свобода»,* друг,
Еще раз кличем русского движенья
И, указав общественный недуг,
Укажет путь племен соединенья.

К МОЕЙ БИОГРАФИИ

Мое надгробное

Несмотря на все пороки,
Несмотря на все грехи,
Был я добрым человеком
И писал свои стихи.

И писал их в духе бунта —
Из стремленья люд менять,
Находя в стихах отраду,
В бунте видя благодать.

Никогда переворота
Не нашел среди людей,
Умираю утомленный
Злом общественных скорбей.

ГЕРОИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ БЕТХОВЕНА

(Памяти А. Одоевского)

Я вспомнил вас, торжественные звуки,
Но применил не к витязю войны,
А к людям доблестным, погибшим среди муки
За дело вольное народа и страны.

Я вспомнил петлей пять голов казненных
И их спокойное, умершее чело,
И их друзей, на каторге сраженных,
Умерших твердо и светло.

Мне слышатся торжественные звуки
Конца, который грозно трепетал,
И жалко мне, что я умру без муки
За дело вольное, которого искал.

НА НОВЫЙ ГОД

(Лаврову)

Мне звуки слышатся с утра до поздней ночи,
И многочисленны и полны торжества,
Отверсты или сном уже сомкнулись очи,—
И голоса звучат свежо, без ханжества:
Vive la patrie! Vive la patrie!

Мне слышатся они на чуждом языке,
И скорбию теснят мой слух изнеможенный.
Но как тут быть! В родном краю иль вдалеке,
Везде один конец для жизни утомленной,—
А все же слышно: Vive la patrie!

Еще я не погиб и звать готов еще,
И бодро отзвонив весь звон наш колокольный,
Не падши духом, я взываю не вотще,
Взываю к родине с моей чужбины вольной:
Вперед! вперед! вперед!

ЭПИГРАММЫ

* * *

Длинный Панин повалился,
Муравьев не угодил,
Голохвастов сокрушился —
Хоть не Лже-Димитрий был;

И Зиновьев лопнул тоже,
Прочь пошли, не видя зги,
С попечительского ложа
Просвещения враги.

Кто ж на место сих Омаров
К должности назначен сей? —
Это просто граф Уваров,
Граф Уваров Алексей.

* * *

Я не люблю попов ни наших, ни чужих —
Не в них нуждаются народы.
Попы ли церкви, иль попы свободы —
Все подлецы! Всех к черту! Что нам в них?
На место этих иноков бесплодных
Давайте просто нам — людей свободных.

КН. ЧЕРКАССКОМУ

Нет! Чужда тебе Россия,
И славянам ты не свой —
Розгоблудия вития,
Дел заплечных цеховой.

Прочь, сиятельнейший барин,
Спрячься в собственную грязь!..
Ну — какой ты русский князь? —
Немцем пахнущий татарин?

РОСТОВЦЕВСКАЯ КОМИССИЯ

Там, во школе во Фламандской,
Заседает Фирс Ламанской,
А ему же для советов
Дан бездарный Арапетов.
Для гармоньи, вместо лютен,
К ним прибавлен сам Милютин,
Для рассеяния мраков
Взят из библии Иаков,
В мужиках же только барин
Юрий Федорыч Самарин.

ЭПИТАФИЯ

Меж тем, как в решете везде встречая чудо,
Не ведал таракан, как вылезти оттуда,—
Вчера покушав, в Сити замер
Российский консул — некто Крамер.

* * *

Палач свободы по призванью,
Палач науки по уму,
Прилгавший к ясному преданью
Теоретическую тьму,
Как ты ни гордо лицемерен,
А все же знай, Видок Тетерин,
Что ты, в глазах честны́х людей,
Доносописец и злодей,
Холоп и шут самодержавья,
Достойный тяжкого бесславья
Иль смерти немца Коцебу...
Итак — свершай свою судьбу.

* * *

Что за год бесчеловечий!
Жатва сгибла в смраде слов,
И взошли от корня Гречей
Всё Чичерин да Катков.

* * *

Историк будущий, ценя
Былых племен мучительное бремя,
Запишет, голову склоня,
Припоминая «Наше время»:
«Все изменялося под русским зодиаком,
Леонтьев пах козлом,
Катков равнялся с раком».

ПРИМЕР НЕПРАВИЛЬНЫХ, НО СПРАВЕДЛИВЫХ УДАРЕНИЙ

Голос влажный, голос невский,
Головнинский, Валуе́вский
(Издает Андрей Краевский.
Наш Краевский, наш Андрей) –
Ты с болот своих петровских
Не достигнешь до московских,
До московских, до катковских,
Полицейских, муравьевских
Доносны́х Ведомостей.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ

Но уж кто — хоть и не внятен,
Но правительству приятен
И весь сшит из грязных пятен —
Без сомнения — Скарятин.

<Н. В. ПОГГЕНПОЛЮ>

В Nord'е сквозь все тонкости
Языка французского,
Так вот, так и чувствуешь
Погань поля русского.

Я хвалю за оное
Царскую полицию:
Третье отделение
Нужно за границею.

<М. Н. КАТКОВУ>

Михайло Никифорыч старый,
Варвары Акимовны сын,
Теперь вы полезли в бояре,
Теперь вы большой дворянин.

Недавно вы были неважный
Пропавший профессор-пошлец —
Теперь же вы просто продажный
И в гору идущий подлец.

* * *

И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла...

Бранной лиры, бранной славы
Ненавижу я права,
Ими жив орел двуглавый,
Черт возьми их пир кровавый!
Лучше бранные слова.

НАДГРОБНОЕ

Что тебя прихлопнуло,
Старый генерал?
Совесть ли проснулася,
Царь ли обругал?

Видишь, как бы ни было,
Будь хотя подлец,
А кондрашка все-таки
Хватит наконец.

И хватил насмешливо,
Не уважив чин,
Накануне именно
Царских именин.

И равно ни холодно
И ни горячо,
Есть Андрей с брильянтами
Иль через плечо.

Вот мораль из этого:
Будь ты хоть палач,
А издохнешь все-таки,
Злобствуй или плачь.

Т<УРГЕНЕ>ВУ

Я прочел ваш вялый «Дым»
И скажу вам не в обиду —
Я скучал за чтеньем сим
И пропел вам панихиду.

* * *

Я сижу в ра́здумии —
Вот какой предмет:
Д<олгоруки>й сказывал —
Умер Филарет.
Кто же будет нонече
Наш митрополит?
Кто на нас туманное
Слово повалит?
Он пошел ли к господу
За души молить?
Или, по-природному,
В сыру-землю гнить?
Я сижу в раздумии —
Так — что руки врозь:
Нет ему преемника!
Всякий помысл брось.
Ухожу в раздумии —
Умер Филарет!
Светопреставление —
Тут сомненья нет!

А. МАЙКОВУ

*(По прочтении его стихов в <№ 5>
«Русского вестника»)*

Аполлон ты, Аполлон,
Аполлон не бельведерский!
Ты опять впадаешь в тон
Просто низкий, вовсе мерзкий.

Знать, забыл ты страшный год —
Хныкал ты вслед за коляской,
А теперь туда же гнет
Стих твой дряблый, стих твой тряский.

Да скажи же наконец
Ты д — ъ или п — ъ? [1]
Вижу по твоим проказам,
Что ты то и это разом.

---

[1] Читай: делец или певец. <*Прим. Огарева.*>

ПРИМЕЧАНИЯ

Произведения Н. П. Огарева, включенные в настоящее собрание, печатаются в основном по изданию «Стихотворения Н. Огарева», изд. Н. Трюбнера и К°, Лондон, 1858, наиболее полному прижизненному изданию. Стихотворения, не вошедшие в названную книгу, печатаются по текстам следующих прижизненных изданий: «Стихотворения Н. Огарева», изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, Москва, 1856 (дважды переиздававшееся без изменений — в 1859 и 1863 гг.); «Восточный вопрос», Женева, 1869. Отдельные произведения печатаются по публикациям «Колокола», «Полярной звезды», «Общего веча», «Лютни» и других русских заграничных изданий.

Все публикуемые тексты заново сверены как с печатными, так и рукописными источниками. Произведения, не публиковавшиеся при жизни Н. П. Огарева, печатаются по автографам, хранящимся в архивах Москвы и Ленинграда. Стихотворения 30-х годов печатаются по последней авторизованной рукописной копии, сделанной М. Л. Огаревой и Н. А. Герцен.

Произведения датируются на основании имеющихся автографов или других источников, что оговаривается в примечаниях в каждом отдельном случае.

В настоящем издании избранных сочинений Огарева в первый том включены стихотворения и эпиграммы, во второй — поэмы, художественная проза и литературно-критические статьи. Все произведения печатаются в хронологическом порядке.

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

БС — «Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы», изд. «Советский писатель», т. I — 1937, т. II — 1938. Большая серия «Библиотеки поэта».

Гершен.— «Стихотворения Н. П. Огарева» под редакцией М. О. Гершензона, М. 1904.

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ИРЛ — Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).

ЛБ — Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина.

ЛН — «Литературное наследство», изд. Академии наук СССР.

Лонд. изд.— «Стихотворения Н. Огарева», изд. Н. Трюбнера и К^{0}, Лондон, 1858.

ОЗ — «Отечественные записки».

ПЗ — «Полярная звезда».

РВ — «Русский вестник».

РМ — «Русская мысль».

РС — «Русская старина».

Совр.— «Современник».

Солд. изд.— «Стихотворения Н. Огарева», изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, М. 1856.

ЦГАОР — Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1834–1877 ГОДОВ

Стр. 37. *Другу Герцену.* Впервые опубликовано в 1906 г. в журнале «Мир божий» № 2, стр. 123. Стихотворение написано в 1833—1834 гг. Автограф ИРЛ.

Стр. 38. *А. Герцену.* Впервые — «Литературный вестник», 1901, т. II, кн. 7, стр. 314—315. Написано в 1833—1834 гг. Сверено с копией Герцена.

Стр. 40. *Crescendo aus der Symphonie meines Ichs im Verhältnisse zu seinen Freunden* (Кресчендо из симфонии моего Я в отношении к моим друзьям — *нем.*). Впервые в «Записках отдела рукописей», ЛБ, вып. 12, М. 1951, стр. 179—182. Написано осенью 1836 г., как стихотворное начало письма к Герцену. Стихотворение является ответом друзьям, обвинявшим Огарева в измене прежним идеалам и стремлении к узкому личному счастью. Автограф ЛБ.

Стр. 45. *Проходит день, и ночь проходит...* Впервые — РС, 1888, № 11, стр. 484. Написано зимой 1836 г. в связи с теми же обвинениями. Список рукой М. Л. Огаревой в тетради РС — ИРЛ; список рукой Н. А. Герцен в тетради ЛБ. Печатается по тетради РС.

Стр. 46. *На смерть поэта.* Впервые — в «Красной газете», 6 апреля 1931 г. Написано в сентябре 1837 г. на смерть Пушкина. Печатается по копии М. Л. Огаревой с исправлениями последних стихов Огаревым. Автограф ЛБ.

По перечтении Е. О.— романа Пушкина «Евгений Онегин».

Стр. 49. *Удел поэта*. Впервые — РС, 1888, № 11, стр. 486. Написано 4 октября 1837 г. в Пензе. Автограф ЛБ. Печатается по авторизованному списку в тетради РС — ИРЛ. В заголовке слово «Жизнь» зачеркнуто и поставлено «Удел» рукой Огарева.

Стр. 50. *С моей измученной душою...* Впервые — Гершен., т. I, стр. 206—207. Написано в Пензе в конце октября 1837 г. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 51. *К друзьям*. Впервые — РС, 1888, № 11, стр. 486. Написано в Пензе в декабре 1837 г. Печатается по тетради РС — ИРЛ. Автограф в письме Огарева к Кетчеру — ЛБ.

Стр. 53. *Смутные мгновенья*. Впервые — РС, 1888, № 11, стр. 489. Заглавие рукой Огарева. Написано в Пензе в марте 1838 г. Автограф — ЛБ, список в тетради РС — ИРЛ. Печатается по тетради РС.

Стр. 54. *Шекспир*. Впервые — РС, 1888, № 11, стр. 490. Написано в Пензе в апреле 1838 г. Автограф — ЛБ с пометкой вверху рукой М. Л. Огаревой: «11». Под тем же порядковым номером список стихотворения в тетради РС — ИРЛ. Печатается по тетради РС.

Стр. 55. *Я видел вас, пришельцы дальних стран...* Впервые — РМ, 1902, № 3, стр. 2. Написано в июне — июле 1838 г. в Пятигорске. Посвящено декабристам, с которыми Огарев встретился и сблизился на Кавказе. Последняя строфа обращена к А. Одоевскому. Печатается по беловому автографу ЛБ.

Стр. 57. *Моя молитва*. Впервые — РС, 1838, № 12, стр. 608. Написано в Старой Акшене, Пензенской губернии, в октябре 1838 г. Список рукой М. Л. Огаревой в тетради РС — ИРЛ; список рукой Н. А. Герцен — ЛБ. Печатается по тетради РС.

Стр. 58. *Среди могил я в час ночной...* Впервые — РМ, 1888, № 10, стр. 7. Перепечатано Гершен., т. I, стр. 219. Написано в Акшене в ноябре на смерть отца (2 ноября 1838 г.). Автограф ЛБ. Список в тетради РС. Печатается по тетради РС.

Стр. 60. *Новый год*. Впервые — РС, 1888, № 12, стр. 612. Написано в Пензе 1 января 1839 г., как указано в списке в тетради РС — ИРЛ. Здесь же озаглавлено: «Новый год». Имеется автограф ЛБ с пометой: «Janvier 1839», без заглавия. Печатается по тетради РС.

Стр. 61. *Станция*. Впервые — РС, 1888, № 12, стр. 614. Посвящено М. Л. Огаревой. Список в тетради Н. А. Герцен с пометой: «Февраль 1839 г.» — ЛБ. Список рукой М. Л. Огаревой в тетради с пометой: «Февраль 1839. Возерки» — РС. Печатается по тетради РС.

Стр. 62. *Е. Г. Л<евашевой>*. Впервые — РС, 1888, № 12, стр. 615. Посвящено Екатерине Гавриловне Левашевой, двоюродной сестре декабриста И. Д. Якушкина, в салоне которой бывали передовые люди 30-х годов. Она оказывала моральную поддержку сосланному Огареву

через его друзей, бывавших в ее салоне. Стихотворение написано в марте 1839 г., вероятно во время пребывания Огарева у Герценов во Владимире. Автограф ЦГАЛИ и список в тетради РС, с пометой внизу: «Март 1839». Печатается по тетради РС.

Стр. 64. *Марии, Александру и Наташе.* Впервые — РС, 1889, № 2, стр. 336. Написано во Владимире в марте 1839 г., когда Огарев после долгой разлуки снова встретился с Герценом. Первоначально стихотворение было озаглавлено: «Посвящено А. И. Герцену», но затем изменено заглавие: «Марии, Александру и Наташе», то есть Марии Львовне Огаревой, Александру Ивановичу Герцену и его жене Наталии Александровне. Под текстом стихотворения приписано: «Finis, nichts mehr zu sagen» («Все, больше сказать нечего» — *нем.*). 19 марта Огарев отправился в село Белоомут, чтобы осуществить освобождение своих крестьян. Автограф ЛБ, список рукой Н. А. Герцена в тетради РС под № 26. Печатается по тетради РС.

Стр. 65. *Песня.* Впервые — РС, 1890, № 4, стр. 199. Написано в марте 1839 г. в Белоомуте. Автограф ИРЛ и список в тетради РС — там же. Печатается по тетради РС.

Стр. 67. *<А. А.> Тучкову.* Впервые — РС, 1889, № 3, стр. 644. Написано в 1839 г. в связи со смертью матери А. А. Тучкова. Автограф ЛБ, ЦГАЛИ, список в тетради РС с исправлениями рукой Огарева — ИРЛ. Печатается по тетради РС.

Тучков А. А. (1800—1879) — отец второй жены Огарева, был известен среди друзей Огарева своими прогрессивными взглядами, за которые подвергался преследованиям после 14 декабря 1825 г. и в 1850 г., когда был вновь арестован вместе с Огаревым и Сатиным по обвинению в организации «коммунистической секты».

Стр. 68. *С полуночи ветер холодный подул...* Впервые — РС, 1889, № 6, стр. 682. Написано в Черткове в августе 1839 г., перед переездом в Москву. Список в тетради РС. Печатается по тетради РС.

Стр. 69. *Отцу.* Впервые — РС, 1889, № 3, стр. 524. Написано в июле 1839 г. Автограф ЛБ — ЦГАЛИ и список в тетради РС. Печатается по тетради РС.

Стр. 71. *Осеннее чувство.* Впервые — РС, 1889, № 4, стр. 134. Написано в Черткове в августе 1839 г., перед отъездом в Москву. Печатается по тетради РС.

Стр. 72. *В тюрьму я был брошен, отослан в изгнанье...* Впервые — РС, 1889, № 11, стр. 128. Написано 1 сентября 1839 г. Список в тетради РС. Огарев вспоминает в стихах свой арест в июле 1834 г. и последующую ссылку в апреле 1835 г. в Пензенскую губернию. «Подругой» поэт называет свою первую жену — Марию Львовну Рославлеву. Печатается по тетради РС.

Стр. 73. *Ночь...* Впервые — РС, 1888, № 11, стр. 476. Написано

в Москве в последние месяцы 1839 г. Огарев приехал в Москву в начале осени. Автограф ИРЛ и список в тетради РС — ИРЛ. Печатается по тетради РС.

Стр. 74. *Ночь туманная темна...* Впервые — РС, 1890, № 7, стр. 222. Написано в Москве в последние месяцы 1839 г. По приезде в Москву у Огарева стали возникать разногласия с женой, которая стремилась к пустой светской жизни, чуждой ему. Размолвки усугублялись настойчивыми требованиями жены прекратить общение с друзьями, осуждавшими Огаревых за светский образ жизни. Печатается по автографу ИРЛ.

Стр. 75. *Augenblick* (мгновение — *нем.*). Впервые — РС, 1889, № 6, стр. 724. Написано в Москве в последние месяцы 1839 г. Автограф ИРЛ, в нем заглавие: «Мгновение», но в авторизованном списке в тетради РС: «Augenblick». Так как автограф относится к 1839 г., а тетрадь писалась в 1839—1840 гг. и тогда же просматривалась Огаревым, сохраняется последнее заглавие. Печатается по тетради РС.

Стр. 76. *Gute Gesellschaft* (хорошее общество — *нем.*). Впервые — Солд. изд., стр. 10. Написано в Москве в последние месяцы 1839 г. и выражает враждебное отношение Огарева к светскому обществу, в котором, по настоянию жены, приходилось ему бывать. Список в тетради РС — ИРЛ. Печатается по тетради РС.

Стр. 77. *Желание покоя.* Впервые — РС, 1889, № 7, стр. 210. Написано в Москве в конце 1839 г. под впечатлением глубокого недовольства московской жизнью. Автограф ИРЛ и список в тетради РС — ИРЛ. В автографе первоначальное заглавие «Стремление» зачеркнуто и рукой Огарева написано: «Желание покоя». Печатается по тетради РС.

Стр. 79. *Город.* Впервые — «Русские пропилеи», т. II, М. 1916, стр. 167. Написано в 1839 г. Печатается по автографу ЦГАЛИ.

Стр. 80. *В прогулке поздней видел я...* Впервые — РС, 1888, № 11, стр. 483. Написано, повидимому, во второй половине 1839 г. Печатается по автографу ИРЛ.

Стр. 81. *Тот жалок, кто под молотом судьбы...* Впервые — РС, 1890, № 7, стр. 222. Предположительно датируется 1839 г. На автографе (ИРЛ) из архива РС рукой Семевского написано: «Помещаемые ныне стихотворения талантливого поэта Николая Платоновича Огарева... суть подлинники из автографов его молодой еще музы конца 1830 — начала 1840-х годов. Автографы эти найдены в Пензенской деревне позднее его вдовой Н. А. Огаревой-Тучковой и переданы нам Т. П. Пассек». Датировалось это стихотворение 1855 г. на том основании, что оно приводится в письме Огарева к Анненкову, где рассказывается о пожаре Тальской фабрики в этом году. Огарев часто прибегал к автоцитатам из своих стихотворений спустя много

лет после их создания. Подобное цитирование, по всей вероятности, имеет место и в данном случае.

Стр. 82. *Алхимик.* Впервые — РС, 1888, № 11, стр. 470. Написано в конце 30-х годов. Печатается по автографу ИРЛ.

Стр. 84. *Молдаваны.* Впервые — РС, 1889, № 7, стр. 162. Написано в 1839 г. Молдаванами названы здесь цыгане, кочевавшие около Москвы. Стихотворение написано в одну из поездок Огарева из Москвы в Белоомут. В автографе, хранящемся в ИРЛ, имеется приписка Огарева под текстом стихотворения: «Кочуют около Москвы по Рязанской дороге». Список в тетради РС с точным указанием даты: 1839 г. Печатается по тетради РС — ИРЛ.

Стр. 86. *Кремль.* Впервые — ОЗ, 1840, т. X, № 5, стр. 100. Вошло в Солд. изд., стр. 122. Написано в конце 1839 — начале 1840 гг. Список стихотворения без заглавия в тетради РС — ИРЛ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 87. *К <Е. В. Салиас>.* Впервые — ОЗ, 1841, т. XVII, № 8, стр. 158. Печатается по Лонд. изд. Написано в конце 1839 — начале 1840 гг. и посвящено дальней родственнице — Елизавете Васильевне Сухово-Кобылиной (1815—1892), сестре драматурга А. В. Сухово-Кобылина (по мужу Салиас де Турнемир), известной в литературе под именем писательницы Евг. Тур. Огарев встретился с вернувшейся из-за границы Салиас в Москве в последние месяцы 1839 г. В стихотворении вспоминается взаимная любовь между Салиас и Надеждиным. Брак между опальным разночинцем, журналистом-профессором и девушкой из аристократической семьи не состоялся. Салиас против воли была выдана замуж за разорившегося французского аристократа графа Салиас де Турнемир. В 50-е и 60-е годы салон Салиас был очень популярен, его посещали выдающиеся русские ученые, писатели, художники и музыканты.

Стр. 88. *Старый дом.* Впервые — ОЗ, 1840, т. X, № 5, стр. 99—100. Написано в конце 1839 — начале 1840 гг. В стихотворении изображен старый дом в Б. Власьевском переулке в Москве. В нем прошло детство А. Герцена и первые годы дружбы с Огаревым. Огарев вспоминает: «Беседы вдвоем с Александром рисуются отчетливо. Вот его кабинет с одним окном в бельэтаже дома, похожего на фабрику... Иван Алексеевич (отец Герцена, названный в стихотворении «недовольным стариком».— *Ред.*) купил рядом еще дом и перебрался в него. Старый дом заперли. Потом поселили в нижнем этаже бесприютного Зонненберга. Я пришел к Зонненбергу — попросил отпереть нижние комнаты.— Их открыли...» («Полярная звезда», апрель 1881, стр. 123—124). Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 90. *Из Гейне.* Впервые — РС, 1889, № 9, стр. 518. Написано

в 1840 г. Имеется автограф в ЦГАЛИ и список в тетради РС — ИРЛ, датированный 1840 г. Печатается по тетради РС.

Стр. 91. *Рыбачка.* Впервые — «Литературная газета», 1840, № 63, стр. 1409. Написано в 1840 г. Печатается по автографу ЦГАЛИ.

Стр. 92. *Ее портрет.* Впервые — «Литературная газета», 1840, № 63, стр. 1410. Написано в 1840 г. Печатается по автографу ЦГАЛИ.

Стр. 93. *У моря.* Впервые — «Литературная газета», 1840, № 63, стр. 1409. Написано в 1840 г. Автограф ЦГАЛИ и ИРЛ. Печатается по Солд. изд.

Стр. 94. *Желание.* Впервые — БС, т. I, стр. 71. Написано в 1840 г. Печатается по автографу ЦГАЛИ. Перевод стихотворения Гейне «Mädchen mit dem roten Mündchen» («Дева с свежими устами»).

Стр. 95. *Город.* Впервые — БС, т. I, стр. 72. Написано в 1840 г. Печатается по автографу ЦГАЛИ. Перевод стихотворения Гейне «Am fernen Horizonte» («Под дальним небосклоном»).

Стр. 96. *Двойник.* Впервые — БС, т. I, стр. 72. Написано в 1840 г. Перевод стихотворения Гейне «Still ist die Nacht, es ruhen die Gassen» («Тихо все ночью, и стогны в покое»). Печатается по автографу ЦГАЛИ.

Стр. 97. *Разлад.* Впервые — РС, 1889, № 8, стр. 300. Написано в 1840 г. Черновой автограф ИРЛ с пометой «17 апр.» и список в тетради РС — ИРЛ с датой «1840, 17 апр.». Печатается по тетради РС.

Стр. 98. *Мне было скучно в разговоре...* Впервые — «Русские пропилеи», т. II, М. 1916, стр. 170. Написано в июле 1840 г. Автограф в ИРЛ (в письме к М. Л. Огаревой) и ЦГАЛИ. Печатается по автографу ЦГАЛИ.

Стр. 99. *Деревенский сторож.* Впервые — ОЗ, 1840, т. XII, № 10, стр. 225. Написано в 1840 г. Автограф ГПБ. Список в тетради РС. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 100. *Туман над тусклою рекой...* Впервые — РС, 1889, № 4, стр. 5. Написано в 1840 г. Печатается по автографу в письме Огарева к А. И. Герцену от 20 октября 1840 г.— ЛБ.

Стр. 101. *Водопад.* Впервые — РС, 1889, № 8, стр. 446. Написано в 1840 г. Список в тетради РС — ИРЛ, с пометой: «1840». Печатается по тетради РС.

Стр. 102. *Там на улице холодом веет...* Впервые — РС, 1889, № 8, стр. 300. Написано в 1840 г. Список в тетради РС — ИРЛ, с пометой: «1840». Печатается по тетради РС.

Стр. 103. *Зимняя ночь.* Впервые — РС, 1889, № 8, стр. 438. Написано в 1840 г. Список рукой М. Л. Огаревой в тетради РС — ИРЛ, с пометой: «1840». Печатается по тетради РС.

Стр. 105. *Прощанье с краем, откуда я не уезжал.* Впервые — РС,

1889, № 8, стр. 386. Стихотворение написано в 1840 г., когда Огарев собирался за границу. Автограф ЛБ и список в тетради РС, с указанием даты: «1840». Печатается по тетради РС.

Стр. 106. *<К М. Л. Огаревой>*. Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 602. Написано 18 декабря 1840 г. в Ст. Акшено. Стихотворение связано с письмом к М. Л. Огаревой в Петербург. Печатается по автографу ЦГАОР. Восстанавливаются выпущенные в ЛН последние восемь стихов.

Стр. 108. *Много грусти!* Впервые — ОЗ, 1841, т. XVI, № 5, стр. 134. Автограф ИРЛ на сложенном вдвое листке, на котором написаны стихотворения «Фантазия», «Путник», «Она никогда его не любила...». Датируется концом 1840 — началом 1841 гг. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 109. *Друзьям.* Впервые — Солд. изд., стр. 5. Этим стихотворением открывался первый сборник стихов Огарева. Написано в 1840—1841 гг. Характерно для настроения поэта этих лет. Цитируется Чернышевским в рецензии на Солдатенковское издание стихотворений Огарева, а также Добролюбовым в рецензии на стихотворения Плещеева. Список стихотворения рукой Н. А. Герцен на одном листе со списком стихотворения «Утро» и «К Д<ушеньке Сухово-Кобылиной>» — ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 110. *Fashionable* (светский человек — *англ.*). Впервые — Солд. изд., стр. 11. Написано в 1840—1841 гг. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 111. *В альбом.* Впервые — Солд. изд., стр. 23—24. Написано в 1840—1841 гг. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 112. *Serenade.* Впервые — ОЗ, 1842, т. XX, № 1, стр. 44. Написано в 1840—1841 гг. Перевод стихотворения немецкого поэта Л. Рельштаба (1799—1860). Печатается по тексту ОЗ.

Стр. 113. *Путник.* Впервые — ОЗ, 1841, т. XV, № 3, стр. 44. Написано в 1840 — начале 1841 гг. В январе 1841 г. Огарев цитирует его в письмах к А. И. Герцену и И. П. Галахову. Автограф ЛБ и ИРЛ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 114. *Полдень.* Впервые — ОЗ, 1841, т. XIX, № 11, стр. 64. Стихотворение написано в 1840—1841 гг. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 115. *Звуки.* Впервые — ОЗ, 1841, т. XVII, № 8, стр. 159. Написано в 1840—1841 гг. Список рукой Н. А. Герцен в тетради со стихами Огарева — ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 116. *Вечер.* Впервые — ОЗ, 1841, т. XVI, № 5, стр. 91. Стихотворение написано в 1840—1841 гг. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 117. *Предчувствие воина.* Впервые — в тексте романса к музыке Шуберта, 1842 г. Перепечатано БС, т. I, стр. 77. Написано в 1840—1841 гг. Печатается по тексту романса.

Стр. 118. *Nocturno.* Впервые — ОЗ, 1841, т. XIV, № 1, стр. 46. Написано в 1840—1841 гг. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 120. *Nocturno.* Впервые — PC, 1888, № 11, стр. 475. Написано в 1840—1841 гг. Автограф ЛБ. На обороте стихотворение «Как пуст мой деревенский дом». Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 122. *Похороны.* Впервые — PM, 1911, № 1, стр. 148—149. Написано в 1840—1841 гг. Автограф ЦГАЛИ. Печатается по автографу.

Стр. 123. *Осень.* Впервые — Гершен., т. I, стр. 247. Написано в 1840—1841 гг. Автограф ЦГАЛИ. Печатается по автографу.

Стр. 124. *Стансы.* Впервые — ОЗ, 1841, т. XIX, № 12, стр. 183. Написано в начале 1841 г. Автограф ИРЛ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 125. *Фантазия.* Впервые — ОЗ, 1841, т. XVII, № 7, стр. 40. Тема музыки встречается часто в поэзии Огарева. Много стихотворений у него озаглавлено названиями музыкальных жанров: Nocturno, Serenade, Scherzo и т. д. Стихотворение написано в 1841 г. Автограф ИРЛ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 127. *Тантал.* Впервые — Гершен., т. I, стр. 270—271. Написано в 1841 г. Автограф ЛБ. Печатается по автографу.

Стр. 129. *Как жадно слушал я признанья...* Впервые — «Звенья», 1932, вып. 1, стр. 102—103. Написано весной 1841 г. и составляет начало письма к Грановскому. Автограф ЛБ. Печатается по автографу.

Стр. 130. *Поэзия.* Впервые — Гершен., «Образы прошлого», стр. 431. Написано в декабре 1841 г. Автограф ЛБ в письме к М. Л. Огаревой от 14 декабря 1841 г. Печатается по автографу.

Стр. 131. *Дорога.* Впервые — ОЗ, 1842, т. XXIV, № 10, стр. 174. Написано в декабре 1841 г. и положено Огаревым на музыку. Нотный автограф в ЦГАЛИ. Автограф в письме Огарева к М. Л. Огаревой — ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 132. *Кабак.* Впервые — ОЗ, 1842, т. XXI, № 3, стр. 2. Написано в декабре 1841 г. Автограф — ЛБ в письме Огарева к М. Л. Огаревой. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 133. *Тебе я счастья не давал довольно...* Впервые — Гершен., т. I, стр. 257. Написано в конце 1841 г. Посвящено Марии Львовне Огаревой. Огарев подводит итог прожитой совместно с женой жизни. Список рукой М. Л. Огаревой — ЛБ, с пометой: «5 decem. 1841. Naples à Marie Ogareff».

Стр. 134. *Le cauchemar* (кошмар — *франц.*). Впервые — Гершен., т. I, стр. 272—273. Написано в декабре 1841 г. Автограф ЛБ в письме из Рима к М. Л. Огаревой от 8 декабря 1841 г. Печатается по автографу.

Стр. 136. *Прометей.* Впервые — ОЗ, 1841, т. XVIII, № 10, стр. 161. Написано в начале 1840-х годов. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 138. *Когда тревогою бесплодной...* Впервые — ОЗ, 1842.

т. XXIII, № 8, стр. 287. Написано в конце 1841 г. Автограф ЛБ в письме Огарева к М. Л. Огаревой от 15/3 декабря. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 139. *Младенец.* Впервые — ОЗ, 1842, т. XXI, № 3, стр. 102. Написано в 1841 г. Автограф ЛБ. Печатается по ОЗ.

Стр. 140. *Gasthaus zur Stadt Rom* (гостиница в Риме — *нем.*). Впервые — ОЗ, 1843, № 2, стр. 364—366. Написано в декабре 1841 г., накануне разрыва с женой. Огарев писал ей об этих стихах. «На 4 стр. стихи, писанные в очень скорбную минуту в Дрездене. Они войдут в целое». Несмотря на неоднократную публикацию этого стихотворения при жизни самим Огаревым, оно так и не «вошло в целое». Таким целым для стихотворения, видимо, должна была служить поэма «Юмор», над которой Огарев в это время работал и к которой оно близко по содержанию и форме. Автограф ЛБ в письме Огарева к М. Л. Огаревой. Печатается по Лонд. изд.

Qual cuor tradesti — какое сердце предал ты *(итал.)*.

Стр. 143. *Туман упал на снег полей...* Впервые — Гершен., т. I, стр. 258. Написано в конце декабря 1841 г. Автограф ЛБ в письме Огарева к М. Л. Огаревой от 1 января ст. ст. 1842 г. Печатается по автографу.

Стр. 144. *Я наконец оставил город шумный...* Впервые — РВ, 1856, июль, кн. 1, стр. 192. Написано в 1841—1842 гг. Автограф ЦГАЛИ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 146. *Разорванность.* Впервые — «Весы», 1907, № 2, стр. 6. Написано в 1841—1842 гг. Автограф ИРЛ. Печатается по автографу.

Стр. 147. *Характер.* Впервые — ОЗ, 1842, т. XX, № 1, стр. 128. Написано в конце 1841 — начале 1842 гг. Автограф ЛБ в письме Огарева к М. Л. Огаревой от 14—15 января 1842 г. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 148. *Она никогда его не любила...* Впервые — ОЗ, 1842, т. XXI, № 3, стр. 270. Написано в 1841—1842 гг. Автограф ИРЛ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 149. *Изба.* Впервые — ОЗ, 1842, т. XXII, № 5, стр. 2. Написано в 1841—1842 гг. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 150. *Дилижанс.* Впервые — ОЗ, 1842, т. XXVIII, № 7, стр. 128. Написано в 1841—1842 гг. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 151. *Встреча.* Впервые — ОЗ, 1842, т. XXI, № 4, стр. 269. Написано в 1841—1842 гг. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 152. *Когда среди людей стою я одинок...* Впервые — Гершен., т. I, стр. 259. Написано в январе 1842 г., посвящено знаменитой танцовщице Марии Тальони (1804—1884). Печатается по автографу ЛБ в письме Огарева к М. Л. Огаревой от 10 января ст. ст. 1842 г. из Петербурга.

Стр. 153. *Америка.* Впервые — БС, т. I, стр. 107. Написано в ян-

варе 1842 г. Печатается по автографу стихотворения в письме Огарева к М. Л. Огаревой от 14—15 января 1842 г. из Петербурга — ЛБ.

Стр. 154. *Я помню робкое желанье...* Впервые — ОЗ, 1842, т. XXV, № 12, стр. 1. Написано в феврале 1842 г. в Москве. Автограф в письме Огарева к М. Л. Огаревой — ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 155. *Соседке.* Впервые — ОЗ, 1842, т. XXIII, № 8, стр. 159. Написано в Москве в феврале 1842 г. Автограф в письме Огарева к М. Л. Огаревой от 12/24 февраля 1842 г. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 156. *Обыкновенная повесть.* Впервые — ОЗ, 1843, т. XX, № 2, стр. 225. Написано в 1842 г. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 158. *Дяде Кроносу.* Впервые — ОЗ, 1845, т. X, № 7, стр. 173. Перепечатано Солд. изд., стр. 130. Перевод стихотворения Гёте «An Schwager Kronos». Датируется 1842 г. на основании упоминания о стихотворении в письме Белинского В. П. Боткину от марта 1842 г. (Белинский, Письма, СПБ. 1914, т. II, стр. 282), на что указано Н. П. Суриной (БС, т. I, стр. 379). Печатается по Солд. изд.

Кронос *(греч.)* — мифологически олицетворенное время.

Стр. 160. *К подъезду! — Сильно за звонок рванул я...* Впервые — ОЗ, 1842, т. XXIV, № 9, стр. 42. Написано в 1842 г. Посвящено дальней родственнице М. П. Н—вой, которую Огарев любил в студенческие годы. Ей же посвящены строки в поэме «Матвей Радаев» и «Исповедь лишнего человека». Об этой своей первой любви Огарев вспоминает в «Записках русского помещика». Печатается по Лонд. изд.

Стр. 161. *Исповедь.* Впервые — ОЗ, 1842, т. XXIV, № 10, стр. 175. Написано в 1842 г. Список рукой Н. А. Герцен — ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 162. *Когда встречаются со мной...* Впервые — ОЗ, 1842, т. XXV, № 11, стр. 70. Написано в 1842 г. Список рукой Марии Петровны Гурской из архива А. Н. Пыпина. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 163. *Что мне в сей жизни скучной?..* Впервые — «Русские пропилеи», т. II, 1916, стр. 170—171. Написано в первой половине 40-х годов. Печатается по автографу ЦГАЛИ.

Coeli lumen — свет небес *(лат.).*

Стр. 164. *Гуляю я в великом божьем мире...* Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 867. Написано в июле 1842 г. Автограф — ИРЛ в письме Огарева к Е. В. Сухово-Кобылиной от 22/10 июля 1842 г. из Карлсбада. О ней см. примеч. к стр. 191. Печатается по автографу.

Стр. 165. *Рейн.* Впервые — в сб. «Литературный вечер», посвященном памяти Вадима Пассека, М. 1844, стр. 31. Написано в 1842 г., вероятнее всего в середине года, во время поездки Огарева на Рейн. Печатается по автографу ЛБ.

Пассек Вадим Васильевич (1808—1842) — друг Огарева и Гер-

цена. В связи с их арестом в 1834 г. он был лишен предложенной ему профессорской должности в Харьковском университете. В конце 30-х годов примкнул к славянофилам. Это разрушило дружбу с ним Герцена и Огарева. После смерти Пассека его семья осталась без средств: сборник и был рассчитан на то, чтобы помочь жене и детям покойного.

Стр. 166. *На смерть Л<ермонтова>*. Впервые — БС, т. I, стр. 118—121. Написано в 1842 г. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 169. *На севере туманном и печальном...* Впервые — ОЗ, 1842, т. XXV, № 12, стр. 185. Написано в 1842 г. в Италии. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 170. *Весна*. Впервые — ОЗ, 1843, т. XXVI, № 1, стр. 1—2. Написано в 1842 г. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 172. *Небо да море. Волна за волной...* Впервые — Герцен., т. I, стр. 310. Написано в 1842 — 1843 гг. Черновой автограф ЛБ. Печатается по автографу.

Стр. 173. *Стучу — мне двери отпер ключник старый...* Впервые — ОЗ, 1843, т. XXI, № 9, стр. 90. Написано в 1842—1843 гг. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 174. *На море*. Впервые — Солд. изд., стр. 68. Написано в 1842—1843 гг. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 175. *Разговор*. Впервые — ОЗ, 1843, т. XXVII, № 4, стр. 228. Написано в 1842—1843 гг. Огарев высоко ценил А. Мицкевича, интерес к которому у него появляется в конце 30-х годов. Перевод близко передает поэтическую манеру А. Мицкевича. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 176. *Слова старца*. Впервые — ОЗ, 1843, т. XXVIII, № 5, стр. 26. Написано в 1843 г. Стихотворение является переводом одной строфы из «Greisenworte» Людвига Уланда. Автограф ИРЛ. Печатается по Солд. изд.

Уланд Людвиг (1787—1862) — немецкий поэт, поздний романтик, глава так называемой «швабской школы», идеализирующей прошлое Германии.

Стр. 177. *<Т. Н. Грановскому>*. Впервые — РМ, 1889, № 12, стр. 12—18. Написано в 1843 г. Стихотворение является началом письма Огарева к Т. Н. Грановскому от 18/6 апреля 1843 г. Печатается по автографу ЛБ. Написано в период напряженных раздумий и проникнуто лиризмом пушкинского романа «Евгений Онегин», с которым оно сходно по стихотворной форме.

Т. Н. Грановский — см. примеч. к стр. 286.

Im Allgemeinen — всеобщее (*нем.*); философский термин, заимствованный Огаревым, Герценом и их друзьями из немецкой идеалистической философии Канта, Шеллинга, Гегеля.

Кунцевские скитания — прогулки под Москвой в Кунцеве.

Ad absurdum — до абсурда (*лат.*).

Боткин Василий Петрович (1811—1869) — был в 30—40-х годах близок с Белинским, Герценом, Огаревым. Позже все яснее обнаруживались его реакционные идеалистические взгляды на искусство и враждебное отношение к передовой демократической мысли. Известен как идеолог теории «чистого искусства».

Стр. 184. *Крейцнах 8 августа.* Впервые — БС, т. I, стр. 128. Написано в 1843 г. Печатается по копии стихотворения — ИРЛ.

Стр. 186. *Хандра.* Впервые — ОЗ, 1844, т. XXXIII, № 6, стр. 160. Написано в начале 1840-х гг. Автограф первых стихов ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 187. *На сон грядущий.* Впервые — Солд. изд., стр. 58. Написано в начале 1840-х гг. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 188. *Livorno.* Впервые — Солд. изд., стр. 71. Написано в 1843 г. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 189. *Прощание с Италией.* Впервые — РВ, 1856, июль, кн. 1, стр. 237. В Лонд. изд. не перепечатывалось, видимо, потому, что в 50-е годы изменилось отношение Огарева к Италии, и он не мог, увидев национально-освободительную борьбу Гарибальди, повторить сказанное в стихотворении об Италии «Но жизнь людей твоих, Италия, пуста...» Написано в 1843 г. перед отъездом Огарева из Италии («И примет странника иная сторона...»). Печатается по Солд. изд.

Стр. 191. *Я поздно лег, усталый и больной...* Впервые — ПЗ, 1881, № 5, стр. 136. Стихотворение опубликовано в ПЗ под общим названием «Из альбома Е***», то есть Евдокии Васильевны Сухово-Кобылиной (1819—1896). Однако в альбоме, приобретенном в 1939 г. Институтом мировой литературы им. Горького Академии наук СССР у ее дочери М. М. Петрово-Соловово и хранящемся сейчас в архиве Института русской литературы Академии наук СССР, его нет.

Это стихотворение может служить комментарием, объясняющим возникновение мечтательной любви Огарева к Е. В. Сухово-Кобылиной, младшей сестре драматурга А. В. Сухово-Кобылина, с которой поэт познакомился еще в студенческую пору, в начале 30-х годов. С 1832 по 1839 год Огарев с Сухово-Кобылиными не встречался, но по возвращении из ссылки в Москву возобновил знакомство. В феврале 1840 г. он писал Герцену о Сухово-Кобылиных: «Марьи Ив — ы вторая дочь, Душенька, очень мила». Душенька, слывшая красавицей в светском обществе Москвы, становится предметом его поэтических мечтаний и романтической, никогда не высказанной любви, которая вылилась в форме дневника и посланий в цикл лирических стихов так называемого «Альбома Е ***».

Стр. 192—224. *Buch der Liebe* (Книга любви — *нем.*). Публикуемые далее под римской нумерацией 40 стихотворений входят в тет-

радь, подаренную Огареву Герценом 1 января 1842 г. в Новгороде, хранящуюся, как сказано выше, в ИРЛ. До 1939 г. она оставалась неизвестной. Цикл стихов озаглавлен Огаревым «Buch der Liebe. Отрывки из биографии». Всего в тетради 45 стихотворений. Я. З. Черняк, готовивший текст их к публикации в ЛН, 1953, т. 61, принял 10 стихотворений за 5, не обратив внимания на знак, которым поэт отделял стихотворения друг от друга. В настоящее издание нами включены 40 стихотворений: 35 публиковавшихся в разное время, в том числе в ЛН, и 5 публикуемых впервые. Пять стихотворений из 45 нами не включаются как менее интересные и повторяющие мотивы других стихотворений цикла. Цикл стихов «Buch der Liebe» представляет большой идейно-художественный и биографический интерес. В нем искренно и с глубоким лиризмом раскрывается «несбыточная» романтическая любовь Огарева к Е. В. Сухово-Кобылиной, его размышления об искусстве, о жизни и людях. По мастерству эти стихи принадлежат к лучшим лирическим монологам Огарева. Все стихотворения цикла печатаются по автографам в тетради ИРЛ.

Du Tor, du Tor! du prahlender Tor! || Du kummergequälter! — О глупец ты, глупец, хвастливый глупец! Горем замученный! *(нем.)* — строки стихотворения Гейне «Песни океанид».

I. Впервые — ОЗ, 1841, т. XVI, № 7, стр. 233. Перепечатано Солд. изд., стр. 13; Лонд. изд., стр. 11. Написано зимой 1841 г. Первое стихотворение из «Книги любви». Оно было переписано Огаревым в 1842 г. в подаренную Герценом тетрадь. Сверху над текстом надпись: «Москва», внизу: «Зима 1841 г.».

II. Печатается впервые. Написано в марте 1841 г., когда Огарев готовился к отъезду за границу. Дата в автографе.

III. Впервые — ОЗ, 1843, XXXI, № 12, стр. 192. Написано, как указано в автографе, в Москве, в первой половине 1842 г. В начале 1842 г. Огарев вернулся из-за границы, виделся с Е. В. Сухово-Кобылиной в Москве и был у них в Воскресенске, в подмосковной усадьбе. 20 июня 1842 г. Огарев снова уехал за границу.

IV. Печатается впервые. Написано, как указано в автографе, в середине 1842 г., после отъезда из Москвы за границу.

V—X. Впервые — ПЗ, 1881, № 5, стр. 136—143. Написаны, как указано в автографе, в 1842 г. в июле — августе.

XI—XII. Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 604—606.

Оба стихотворения написаны в Италии осенью 1842 г., как указано в автографе.

XIII. Впервые — ПЗ, 1881, № 5, стр. 142. Написано осенью 1842 г., как указано в автографе.

XIV. Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 606—607. Написано во Флоренции в октябре 1842 г., как указано в автографе.

Correggio (Корреджо) и Andrea del Sarto (Андреа дель Сарто) — художники итальянского Возрождения (XV—XVI вв.).

Dell'Annunziata — благовещения *(итал.)*.

XV. Впервые — ПЗ, 1881, № 5, стр. 142—143. Написано во Флоренции в октябре 1842 г. Дата указана в автографе.

XVI. Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 607—608. Написано в октябре 1842 г. Дата указана в автографе.

XVII. Впервые — ПЗ, 1881, № 5, стр. 143. Написано в октябре 1842 г., как указано в автографе.

XVIII—XXVII. Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 608—616. Кроме последнего стихотворения, все написаны в октябре — декабре 1842 г.; последнее — в январе 1843 г. в Риме.

«Von seinem Grame nicht genesen kann» (Не может излечиться от своей тоски — *нем.*) — сокращенная цитата двух стихов Шиллера: «Doch das Herz von seinem Grame nicht genesen kann» («Ritter Toggenburg») (в переводе Жуковского: «Но душа в нем все тоскою прежнею болит»).

XXVIII и XXIX. Публикуются впервые. Написаны в январе 1843 г. в Риме, как указано в автографе.

Albano — предместье Рима.

XXX—XXXVII. Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 616—623. Написаны в январе — октябре 1843 г., как указано в автографе.

Клара Анастасия Новелло (1818—1908) — итальянская оперная певица.

XXXVIII. Публикуется впервые. Написано в мае 1844 г., как указано в автографе.

Tramontano — ветер с гор *(итал.)*.

XXXIX—XL. Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 623—628. Написаны в Берлине в июне 1844 г., как указано в автографе.

Стр. 225. *Длинный день проходит вяло...* Впервые — «Русские пропилеи», 1916, т. II, стр. 172. Написано в 1843 г. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 226. *Миннезингер.* Впервые — «Русские пропилеи», 1916, т. II, стр. 171—172. Написано в 1843 г. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 227. *Тускло сквозь сереньких тучек...* Впервые — «Русские пропилеи», 1916, т. II, стр. 173. Написано в 1843 г. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 228. *Эмс.* Впервые — в сб. «Литературный вечер», 1844, стр. 29. Написано в 1843 г. Печатается по автографу.

Стр. 229. *Пустой дом.* Впервые — там же, стр. 30—31. Написано в 1843 г. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 231. *Он уж был испытан...* Впервые — там же, стр. 32. Написано в 1843 г. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 232. *Ожидание*. Впервые — там же, 1844, стр. 32—33. Написано в 1843 г. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 233. *Ночь*. Впервые — ОЗ, 1844, т. XXXIII, № 3. Написано в 1843—1844 гг. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 234. *Aurora-Walzer* (вальс «Аврора» — *нем.*). Впервые — ОЗ, 1844, т. XXXII, № 2, стр. 47. Написано в 1843—1844 гг. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 235. *Праздник*. Впервые — ОЗ, 1844, т. XXXII, № 3, стр. 196. Написано в 1844 г. Печатается по Солд. изд.

Стр. 236. *Еще любви безумно сердце просит...* Впервые — ОЗ, XXXIV, № 5, стр. 1. Написано в 1844 г. Список ИРЛ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 237. *К*** <М. Л. Огаревой>*. Впервые — РВ, 1856, июнь, стр. 600. Написано в конце 1844 г. в Берлине. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 239. *Тучи серые бродят в поднебесьи...* Впервые — ЛН, т. 61, 1953, стр. 628. Написано в конце 1846 г. в связи с отъездом Герцена за границу. Автограф ЦГАОР. Печатается по автографу ЦГАОР.

Родные горы — Воробьевы горы в Москве (ныне Ленинские), где была произнесена Герценом и Огаревым их знаменитая клятва.

Стр. 240. *Монологи*. Впервые — Совр., 1847, № 3, стр. 204, без второго монолога этого цикла: «Скорей, скорей топи...», и с цензурной купюрой двух стихов. Печатается по Лонд. изд. Цикл этих стихов возник в конце 1844 г., о чем свидетельствует письмо Огарева к Герцену от 29/17 декабря 1844 г., в котором приводятся шесть стихов из четвертого монолога: «Теперь товарищ мне иной дух отрицания...» Работу над этим циклом Огарев продолжал до 1847 г. Временем создания «Монологов» нужно считать 1844—1847 гг. Они занимают важное место в идейно-художественном развитии Огарева. Здесь выразились типичные переживания передовых людей 40-х годов, преодолевавших в процессе выработки материалистических взглядов на жизнь традиции философского идеализма и абстрактной романтики. Чернышевский писал: «Лицо, чувства и мысли которого вы узнаете из поэзии г. Огарева, лицо типическое. Вот как оно обрисовано перед вами сполна в прекрасной пьесе «Монологи» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. III, стр. 565). Далее Чернышевский приводит все четыре монолога. Белинский же отнесся к «Монологам» отрицательно, видя в их дидактизме поэтический недостаток, а в их рефлексии идейно уже пройденный этап. Для Белинского Огарев был современник и соратник, поэтому он хотел видеть в нем человека, уже преодолевшего мученья внутренней борьбы, отвечающего передовым запросам времени. Чернышевский же, видя в Огареве предшественника людей 60-х годов, подходил к нему исторически. «Монологи»

имели в 50—60-е годы большой успех у читателей и влияние на развитие демократической поэзии. Отличаясь глубоким внутренним драматизмом и лирической силой, подчиняющими себе внешний поэтический дидактизм, они поэтически родственны поздней лирике Лермонтова.

Стр. 244. *Искандеру.* Впервые — ПЗ, 1857. Написано летом 1846 г., а не в 1847 г., как ошибочно указывает А. И. Герцен в копии этого стихотворения (ЛБ). Печатается по Лонд. изд.

Написано по поводу возникших в 1846 г. принципиальных философских разногласий Огарева и Герцена с их друзьями, главным образом с Грановским. Об этом писали Герцен в «Былом и думах» и Огарев в своем стихотворении: «Я правды речь вел строго в дружнем круге. Ушли друзья в младенческом испуге».

Стр. 245. *Совершеннолетие.* Впервые — ПЗ, 1857, стр. 167. Написано в 1846 г. Стихотворение является откликом на происшедший летом 1846 г. разрыв с Грановским, которому оно и посвящено. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 246. *«Бываю часто я смущен внутри души...».* Впервые — Совр., 1847, № 1, стр. 90. Написано в 1846 г. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 247. *Отъезд.* Впервые — Совр., 1847, № 2, стр. 196. Относится к 1846—1847 гг. Печатается по Солд. изд.

Стр. 248. *Упование.* Впервые — ПЗ, 1857, стр. 151, под заглавием: «Упование. Год 1848». Перепечатано в Лонд. изд., стр. 203—205, под заглавием: «Год 1848», но в оглавлении: «Упование»; очевидно, в тексте это слово случайно опущено. Стихотворение проникнуто революционным пафосом и верой в будущее. Оно вызвано начавшимися революционными событиями в Италии в 1848 г., о которых сообщали Огареву Герцен и А. А. Тучков. Печатается по Лонд. изд.

Anno cholerae morbus — в холерный год *(лат.)*; Огарев имеет в виду эпидемию холеры в 1847—1848 гг.

Стр. 250. *Fatum* (судьба — *лат.*). Впервые — Совр., 1850, кн. 1, стр. 52. Написано в 1849 г. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 251. *Забыто.* Впервые — Совр., 1850, кн. 1, стр. 52—53. Написано, видимо, в том же 1849 г. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 252. *Купанье.* Впервые — РВ, 1856, кн. 2, стр. 771. Перепечатано Солд. изд. Написано в 1849—1850 гг. Автограф ЛБ и ИРЛ. Печатается по Солд. изд.

Стр. 254. *1849 год.* Впервые — ПЗ, 1847, стр. 172. Написано в 1849 г. в ответ на жестокую реакцию, начавшуюся в 1849 г. в Европе. Поражение революции 1848 г. тяжело переживалось Огаревым и вызвало у него пессимизм и глубокие сомнения в близкой победе народа. Копия ЛБ. Печатается по сб. «Лютня», II, Лейпциг, 1874, стр. 58—59.

Стр. 255. *Арестант.* Впервые — ПЗ, 1857, стр. 254. Написано в 1850 г. во время заключения Огарева в III отделении. Об этом рассказывает Н. А. Тучкова-Огарева в своих «Воспоминаниях». Стихотворение стало широко известно как народная солдатская песня. Список ИРЛ. Под текстом написано: «В третьем отделении в 1850 г.». Печатается по сб. «Лютня», вып. I, Лейпциг, 1869, стр. 36.

Стр. 257. *К Н. <А. Тучковой>.* Впервые — ПЗ, 1857, стр. 155. Написано после ареста 1850 г., до заключения официального брака со второй женой Натальей Алексеевной Тучковой, которой посвящено это стихотворение. «Незаконный» брачный союз был поводом для многих страданий Н. А. Тучковой. Список — ИРЛ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 258. *Барышня.* Впервые — РВ, 1856, апрель, стр. 668. Написано в начале 1850-х гг. Список рукой Н. А. Огаревой — ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 260. *Опять знакомый дом, опять знакомый сад...* Впервые — РВ, 1856, июнь, кн. 2, стр. 770. Написано в первой половине 1850-х гг. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 261. *Бегство.* Впервые — Солд. изд., стр. 120—121. Написано в первой половине 1850 г. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 262. *Старик, как прежде, в час привычный...* Впервые — ОЗ, 1853, т. CX, № 9, стр. 28. Лонд. изд., стр. 216—217. Написано в 1853 г. Автограф ЛБ.

Стр. 264. *Проклясть бы мог свою судьбу...* Впервые — РВ, 1856, май, кн. 1, стр. 184. Написано в октябре 1854 г. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 265. *Старик.* Впервые — РВ, 1888, апрель, кн. 1, стр. 665. Написано в первой половине 1850-х гг. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 266. *На мосту.* Впервые — РВ, 1856, апрель, кн. 1, стр. 670. Написано в первой половине 1850-х гг. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 267. *К Лидии.* Впервые — РВ, 1856, апрель, кн. 1, стр. 667. Написано в первой половине 1850-х гг. Автограф ЦГАОР. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 268. *Весною.* Впервые — РВ, 1856, апрель, кн. 1, стр. 666. Написано в середине 1850-х гг. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 269. *Ты сетуешь, что после долгих лет...* Впервые — РВ, 1856, апрель, кн. 1, стр. 667. Написано в первой половине 1850-х гг. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 270. *Домой я воротился очень поздно...* Впервые — Солд. изд., стр. 65. Написано в первой половине 1850-х гг. Автограф неизвестен. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 271. *Сон.* Впервые — ПЗ, 1861, стр. 325. Написано в 1854 г. Стихотворение является ярким свидетельством глубоких революцион-

но-демократических тенденций в мировоззрении Огарева задолго до реформы 1861 г. Печатается по ПЗ.

Стр. 272. *Сплин.* Впервые — РВ, 1856, июль, кн. 2, стр. 419. Печатается по Лонд. изд. Посвящено Н. А. Огаревой. Написано в 1854—1855 гг., что видно из упоминания о Крымской войне. В последней строфе Огарев вспоминает о близких ему умерших людях: друге Н. И. Астракове, бывшем члене кружка Герцена, о своем отце, об утонувшем сыне и матери Герцена. Стихотворение отражает глубокое разочарование Огарева в его преобразовательской и промышленной деятельности на Тальской фабрике.

Status quo — существующее положение *(лат.).*

Стр. 275. *Первая любовь.* Впервые — РВ, 1856, январь, кн. 1, стр. 328—329. Написано в 1855 г. Автограф в письме к Анненкову от 3 июня 1855 г.— ИРЛ и автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 276. *Кокетке.* Впервые — РВ, 1856, кн. 1, стр. 329. Написано 15 ноября 1855 г. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 278. *Die Geschichte* (история — *нем.*). Впервые — РВ, 1856, июнь, кн. 2, стр. 768. Написано в 1855—1856 гг. Список рукой Н. А. Огаревой — ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 279. *Портреты.* Впервые — РВ, 1856, июнь, кн. 2, стр. 768. Написано в 1855—1856 гг. Список рукой Н. А. Огаревой — ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 280. *В пирах безумно молодость проходит...* Впервые — Солд. изд., стр. 63. Написано в 1855—1856 гг. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 281. *Sehnsucht* (томление — *нем.*). Впервые — Гершен., т. I, стр. 307. Написано в 1855—1856 гг. Список рукой Н. А. Огаревой — ЛБ. Печатается по списку ЛБ.

Стр. 282. *Aurora Musae amica* (заря — подруга музы — *лат*). Впервые — РВ, 1856, июнь, кн. 2, стр. 769. Написано в 1855—1856 гг. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 284. *И<сканде>ру.* Впервые — ПЗ, 1857, стр. 157. Написано в 1855—1856 гг. в ответ на полученное известие от Герцена. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 285. *Кавказскому офицеру.* Впервые — ПЗ, 1857, стр. 156. Написано в 1855—1856 гг. Автограф и список ИРЛ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 286. *Мертвому другу.* Впервые — ПЗ, 1888, стр. 128. Написано не раньше конца 1855 г. и не позже 1857 г. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд. Посвящено Тимофею Николаевичу Грановскому (1813—1855) — другу Огарева и Герцена, профессору истории Московского университета, яркому представителю прогрессивной дворянской интеллигенции 40-х годов.

Стр. 289. *Немногим.* Впервые — Солд. изд., стр. 167. Написано в 1856 г Автограф ЛБ в письме к Н. М. Сатину от 14 марта 1856 г. Печатается по Лонд. изд.

Сатин Николай Михайлович (1814—1873) — поэт и переводчик, друг Огарева со студенческих лет, член кружка Огарева — Герцена.

Стр. 290. *Коршу.* Впервые — в сб. «Помощь голодающим», М. 1892, стр. 525—527. Написано в 1856 г. по приезде в Англию и послано Е. Ф. Коршу. Печатается по автографу ЛБ.

Корш Евгений Федорович (1810—1897) — журналист, переводчик, друг Огарева и Герцена, в 40-е годы либеральный западник, близкий Грановскому; в общественной борьбе 60-х годов стал активным противником революционной демократии. Уже в середине 50-х годов наметились резкие разногласия с ним Огарева, позднее приведшие к полному разрыву.

Стр. 292. *И<скандe>ру.* Впервые — ПЗ, 1857, стр. 205. Написано в 1856 г. по приезде в Лондон, где Огарев вскоре заболел. Он начал лечение и вел строгий режим, о чем упоминается в стихотворении. Стихотворение посвящено А. И. Герцену. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Курт Шпренгель (1766—1833) — немецкий врач и ученый-физиолог, из его сочинения взят Огаревым эпиграф: «Die Rothweine regen die Kreislauf sorgene stark auf» («Красное вино сильно возбуждает органы кровообращения»).

Стр. 294. *Будущность.* Впервые — ПЗ, 1857, стр. 34. Стихотворение написано в 1856 г. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 295. *Ворцель.* Впервые — РМ, 1902, № 3, стр. 12. Стихотворение написано в 1857 г. на смерть Ворцеля. Печатается по автографу ЛБ.

Ворцель Станислав Габриэль (1799—1857) — руководитель польской демократической эмиграции, преданный сторонник идеала демократической республики, вопреки гонениям и личной драме, остался верен своим убеждениям. Был близок Герцену, всегда оказывавшему ему материальную помощь. О Ворцеле писал Герцен в «Былом и думах» (ч. VI, гл 55).

Стр. 296. *Предисловие к «Колоколу».* Впервые — «Колокол», 1 июля 1857 г. Написано в 1857 г. Стихотворением открывался первый номер газеты «Колокол». Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 298. *Отступнице.* Впервые — ПЗ, 1858, стр. 302—304 Написано в 1857 г. в ответ на стихотворение гр. Е. П. Ростопчиной «Простой обзор», напечатанное в «Северной пчеле» в июне 1857 г. В этом стихотворении были не пропущенные цензурой строки, осуждающие Герцена. Стихи были приведены в «Колоколе» в статье «Страницы из

графской лиры Ростопчиной». Автограф ЛБ. Печатается по Лонд изд.

Ростопчина Евдокия Петровна (1811—1858), урожденная Сушкова — в 30-е годы начала литературную деятельность и приобрела быстро успех у публики. В студенческие годы с ней познакомился Огарев, восхищавшийся ее обаянием и свободомыслием. В 50-е годы она отошла от своих либеральных настроений и вступила на путь воинствующей реакции. Революционно-демократическая критика относилась к Ростопчиной в 50-е годы резко отрицательно. В 1856 г. Чернышевский осмеял в «Современнике» ее поэзию. Стихотворение Огарева «Отступнице» — беспощадное обвинение поэтессы.

Стр. 301. *Осенью.* Впервые — ПЗ, 1858, стр. 308. Написано в 1857—1858 гг. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 302. *Изабелла.* Впервые — РМ, 1902, № 5, стр. 172—173. Написано в 1857—1858 гг. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 303. *У моря.* Впервые — ПЗ, 1858, стр. 305—306. Написано 1857—1858 гг. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 305. *Твое письмо меня нашло...* Впервые — «Газета Гатцука». 1879, №№ 3 и 6; затем в воспоминаниях Т. П. Пассека «Из дальних лет», изд. 2, т. III, стр. 61—62. В «Газете Гатцука» ошибочно было включено в поэму «Матвей Радаев»; в воспоминаниях Пассека опубликовано как отдельное стихотворение с заглавием «Письмо к Вареньке». Написано в 1857—1858 гг. на обороте 11-го листа автографа поэмы «Радаев». Печатается по автографу ИРЛ.

Стр. 307. *Мне снилося, что я в гробу лежу...* Впервые — ПЗ, 1859, стр. 296—298. Написано в 1857—1858 гг. Автограф неизвестен. Печатается по сб. «Лютня», вып. I, Лейпциг, 1869, стр. 209.

Стр. 310. *Тайна.* Впервые — ПЗ, 1859, стр. 285—286. Перепечатано Гершен., т. I, стр. 168. Написано в 1857—1858 гг. Печатается по ПЗ.

Перевод эпиграфа: «...что вы тогда, увидев меня, || Не станете руками делать знаков, || Ни головой качать... || ...Или другим неявственным намеком || Не скажете, что дело вам известно... || Клянитесь! *Шекспир («Гамлет»).*

Стр. 413. *Летом.* Впервые Лонд. изд., стр. 413—415. Написано в 1857—1858 гг. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 315. *Я помню — в тиши яснолунных ночей...* Впервые — Лонд. изд., стр. 412. Написано в 1858 г. Автограф второй строфы ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 316. *Напутствие.* Впервые — Лонд. изд., стр. 409—410. Написано в 1858 г. Автограф ЛБ и листовка «Пражской коллекции» (ЦГАОР), относящаяся к 1869 г. Имеются варианты в четвертой строфе:

Учи того, кто не успел
С ума сойти в их жизни ложной,
Кто ищет, искренен и смел,
Рассудка простоты несложной.

Печатается по Лонд. изд.

Стр. 317. *Современное.* Впервые — «Колокол», 15 августа 1858 г., л. 21, стр. 173—174. Перепечатано ЛН, 1953, т. 61, стр. 581. Написано в 1858 г. Принадлежность Огареву установлена Я. З. Черняком по автографу ЛБ. Стихотворение иллюстрирует статьи в «Колоколе», в которых разбираются проекты «освобождения». Печатается по «Колоколу».

Стр. 319. *Разлука.* Впервые — ПЗ, 1858, стр. 307. Написано в 1858 г. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 320. *Весною.* Впервые — Лонд. изд., стр. 411. Написано в 1858 г. Автограф ЛБ. Печатается по Лонд. изд.

Стр. 321. *Свобода.* Впервые — ПЗ, 1858, стр. 309—310. Написано в 1858 г. Автограф ЛБ. В автографе Лонд. изд. заглавие «Искандеру»; в ПЗ и «Лютне», вып. I, 1869, «Свобода». Печатается по сб. «Лютня».

Стр. 323. *По краям дороги...* Впервые — Гершен., т. I, стр. 317—318. Написано в 1858 г. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 324. *Дитятко! милость господня с тобою...* Впервые — ПЗ, 1859, стр. 282. Написано в 1858 г. Автограф ЛБ, с заглавием: «Ex profundis» («Из глубины»). Печатается по ПЗ, где заглавия нет.

Стр. 325. *К****. Впервые — ПЗ, 1859, стр. 283—284. Написано в 1858 г. Автограф ИРЛ. Обращено, по всей вероятности, к В. А. Панаеву, дважды встречавшемуся в Лондоне с Герценом и Огаревым: в 1858 и в 1859 гг. Панаев привлек внимание Огарева взглядами на общину, о которой он писал в «Современнике». Печатается по сб. «Лютня», вып. II, Лейпциг, 1874, стр. 120—122.

Панаев Валериан Александрович (1824—1899) — инженер путей сообщения, был близок к кругу «Современника», в частности к Некрасову.

«...с берега Британии туманной || Живою жилою под морем нить прошла || До мира нового...» — Имеется в виду завершение в 1858 г. прокладки телеграфного морского кабеля между Англией и Америкой.

«И вижу я иные племена || Тут — за морем... Их жажда — кровь, война... || Хоть завтра же они скуют народы...» — Разоблачая буржуазию вообще, Огарев имел в виду в этом стихотворении военные замыслы Наполеона III против Англии.

Стр. 327. *Бабушка.* Впервые — ПЗ, 1859. Написано в 1859 г.

Автограф ИРЛ, без заглавия. В 1857 г. Огарев задумал написать автобиографию, чему способствовала работа Герцена над мемуарами «Былое и думы». В это время Огарев писал воспоминания «Моя исповедь» и обрабатывал цикл стихотворений «Воспоминания детства». В стихотворении отражены впечатления детства поэта. Печатается по ПЗ, 1859 г.

Стр. 328. *Франция.* Впервые — РМ, 1902, № 3, стр. 10. Написано в 1859 г. в связи с террором во Франции после провозглашения императором Луи Бонапарта. Автограф ЛБ и ЦГАОР. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 329. *Сторона моя родимая...* Впервые — БС, т. I, стр. 223. Написано в 1858 г. Автографы ЛБ и ИРЛ. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 330. *И я тебя сегодня не видал!..* Впервые — Гершен., т. I, стр. 365—367, как два стихотворения. Установлено Я. З. Черняком, что это одно стихотворение. Написано в 1858 г. и обращено к Мэри Сэтерленд. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 332. *Вырос город на болоте...* Впервые — «Красный декабрь», Л. 1926. Написано в 1858—1859 гг. Связано с занятиями Огарева историей Петра I, в котором он видел «царя-революционера». Автограф ЛБ.

Стр. 333. *Ночью.* Впервые — РМ, 1902, № 3, стр. 5. Написано в 1858—1859 гг. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 334—336. *Воспоминания детства.* Стихотворения, озаглавленные Огаревым «Воспоминания детства», создавались в разное время с 1854 по 1859 г., но представляют собой единый цикл. Поэтому в порядке исключения помещены в ряд стихотворений 1859 г. по последней их дате.

1. *Рассвет.* Впервые — Солд. изд., стр. 59. Стихотворение относится к 1854—1855 гг. Печатается по автографу ЦГАОР.

2. *Лес.* Впервые — ПЗ, 1858, стр. 101. Написано в 1857 г. Автограф ЛБ. Печатается по автографу ЦГАОР.

3. *Кривая береза.* Впервые — ПЗ, 1861, стр. 333. Написано в 1859 г. Печатается по автографу ЦГАОР.

4. *Две любви.* Впервые — ПЗ, 1861, стр. 334. Написано в 1859 г. Автограф ЛБ и ЦГАОР. Печатается по автографу ЦГАОР.

5. *Первая дружба.* Впервые — ПЗ, 1861, стр. 335. Написано в 1859 г. В стихотворении вспоминается дружба с Герценом и их клятва на Воробьевых горах. Печатается по автографу ЦГАОР.

6. *Новый год.* Впервые — ПЗ, 1861, стр. 336. Написано в 1859 г. Печатается по автографу ЦГАОР.

7. *Дувр.* Впервые — ПЗ, 1861, стр. 337. Написано в 1859 г. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 337. *Свисти ты, о ветер, с бессонною силой...* Впервые — РМ, 1902, № 3, стр. 5. Написано в 1859 г. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 338. *Юноше.* Впервые — ПЗ, 1859, стр. 173—174. Написано в 1859 г. Автограф ЛБ. Печатается по ПЗ, 1859.

Стр. 340. *Возвращение.* Впервые — ПЗ, 1859, стр. 287—288. Написано в 1859. Автограф ИРЛ. Печатается по ПЗ, 1859.

Стр. 342. *Памяти Рылеева.* Впервые в издании «Дум» К. Ф. Рылеева (Лондон, 1860, стр. V—VI), куда вошло как предисловие. Написано в 1859 г. Автограф ЛБ. Печатается по изданию: «Думы» К. Ф. Рылеева, Лондон, 1860.

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — русский поэт-декабрист, участник восстания 14 декабря 1825 г. Казнен в июле 1826 г.

Стр. 344. *Дедушка.* Впервые — РМ, 1902, № 4, стр. 173. Написано в 1859 г. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 345. *Среди сухого повторенья...* Впервые — Гершен., т. I, стр. 368. Написано в 1859—1860 гг. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 346. *Труп ребенка, весь разбитый...* Впервые — БС, т. I, стр. 174. Написано в 1859—1860 гг. Печатается по списку Н. А. Огаревой в ЛБ и ЦГАЛИ.

Стр. 348. *Лизе.* Впервые — БС, т. I, стр. 234—235. Написано в мае 1860 г. Печатается по автографу ЦГАОР.

Лиза — дочь Огаревой и Герцена, родилась в 1858 г. В мае 1860 г. Н. А. Огарева, измученная сложными отношениями с семьей Герцена, дети которого к ней были холодны, решила уехать из Лондона в Германию и взяла с собой дочь Лизу. Лиза носила фамилию Огаревой. Огарев ее глубоко любил, был к ней очень привязан и мучительно переживал предстоящую разлуку. В августе 1860 г. он писал Огаревой в Германию: «Всю мою любовь к тебе, всю мою нежность я перенес на Лизу. Ты у меня отнимаешь ее. За что? Ведь я люблю ее до безумия» («Русские пропилеи», т. IV, стр. 226). Этими переживаниями вызвано стихотворение.

Стр. 350. *Музыканту.* Впервые — ПЗ, 1869, стр. 172. Перепечатано Гершен., т. I, стр. 193. Написано в начале 1860-х гг. Автограф ЛБ. Печатается по ПЗ, 1869.

Стр. 351. *И если б мне пришлось прожить еще года...* Впервые — в ПЗ, 1861, стр. 345, как стихотворная вставка в отрывке из воспоминаний «Кавказские воды». Как отдельное стихотворение впервые — Гершен., т. I, стр. 199. Огарев вспоминает свою встречу в 1838 г. с декабристами, сосланными на Кавказ. Последние семь стихов («И тот из них...») относятся к декабристу А. Одоевскому. Написано в 1860—1861 гг. Печатается по ПЗ, 1861.

А. И. Одоевский — см. примеч. к стр. 416.

Стр. 352. *Она со мною так добра...* Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 628—629. Написано в 1860—1861 гг. Беловой автограф отрывка ЦГАОР. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 353. *С какой тревогой ожиданья...* Впервые — там же, стр. 628. Написано в 1860—1861 гг. Печатается по автографу наброска ЦГАОР.

Стр. 354. *Рудольфов трапп.* Впервые — там же, стр. 629—630. Написано в 1861 г. Стихотворение навеяно Огареву произведением знакомого Л. Толстому и Огареву музыканта Рудольфа, о котором они вспоминали при встрече в 1861 г. По свидетельству близких Л. Толстого, он послужил прототипом героя рассказа «Альберт». Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 356. *Отрывки.* Впервые — там же, стр. 630—631. Относится к 1861—1862 гг. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 358. *В степи.* Впервые — там же, стр. 631—632. Написано в 1861—1862 гг. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 359. *О Lacrymarum fons!* (О источник слез — *лат.*). Впервые — там же, стр. 632. Написано в 1861—1862 гг. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 360. *Развратные мысли.* Впервые — там же, стр. 632—633. Написано в 1861—1862 гг. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 361. *Бал.* Публикуется впервые. Написано в 1861—1862 гг. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 363. *Фантазия.* Публикуется впервые. Написано в 1861—1862 гг. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 364. *У моря.* Впервые — ПЗ, 1869, стр. 176. Написано в июне 1862 г. Автограф ЛБ. Печатается по ПЗ, 1869 г.

Стр. 365. *Михайлову.* Впервые — «Колокол», 1862, л. 119—120. Автограф ЦГАОР. Печатается по «Лютне», II.

Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865) — поэт, беллетрист, переводчик, публицист, революционный демократ, друг Чернышевского и Добролюбова. Вместе с Шелгуновым написал в 1861 г. прокламацию «К молодому поколению», которую отпечатал в типографии А. И. Герцена и в августе того же года привез в Россию. В сентябре Михайлов был арестован и приговорен к каторжным работам. В 1865 г. он умер в Восточной Сибири в Кадаинском руднике. В том же номере «Колокола», где было напечатано стихотворение Огарева, Герцен писал в заметке, озаглавленной «Годовщина четырнадцатого декабря в С.-Петербурге»: «Утром четырнадцатого (26) декабря прочли перед Ситным рынком приговор Михайлову; он осужден в рудники на шесть лет... Шесть лет каторжной работы за то, что из груди, переполненной любви и негодования, вырвалась страстная речь... Иди же с упованием, молодой страдалец, в могилу рудни-

ков; в подземной ночи их, между ударами молота и скрипом тачки, ты еще ближе услышишь стон народа русского, а иной раз долетят до тебя и голоса друзей — их благословение, их слезы, их любовь, их гордость тобою. А там... мало ли что может быть в шесть лет!» Тем же пафосом любви к герою и верой в будущее проникнуто и стихотворение Огарева. Стихи «Закован в железо с тяжелою цепью» стали популярной песней революционного подполья.

Стр. 368. *Тате (Г<ерцен>).* Впервые — Гершен., т. I, стр. 332—333. Написано 11 декабря 1862 г. на отъезд в Италию детей А. И. Герцена Натальи и Ольги. Печатается по автографу ЦГАОР.

Тата — старшая дочь Герцена — Наталья Александровна.

Стр. 369. *Выпьем, что ли, Ваня...* Впервые — Гершен., т. I, стр. 385. Стихотворение предположительно датируется 1862—1863 гг. Оно является развитием темы раннего произведения «Кабак» (1841) и показывает, что жизнь крестьян не изменилась, несмотря на прославляемую либералами реформу 1861 г. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 370. *Мой русский стих, живое слово...* Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 633—634. Написано в 1862—1864 гг. Стихотворение обращено к Мэри Сэтерленд. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 372. *Настоящее и думы.* Впервые — там же, стр. 636—641. Под общим заглавием «Настоящее и думы» объединены три стихотворных послания Герцену, написанные в январе 1863 г., когда болела скарлатиной Лиза, дочь А. И. Герцена и Н. А. Огаревой. Из этого цикла были опубликованы впервые в «Русских пропилеях» (М. 1916, т. II, стр. 174—177) стихи из «Второго письма» со слов: «О! ради наших прошлых дней...» до конца письма. Они были посланы Огаревым в письме к Н. Огаревой: «Ночь 14 июля 1856 г. Натали, сегодня день твоего рожденья. Я долго бродил удрученный. В памяти моей переходило много вещей,— и пришел мне на память отрывок из моих неизвестных стихов во время скарлатины Лизы. Я его пишу тебе, потому что лучше ничего не умею (далее текст указанных стихов из 2-го письма.— *Ред.*). Вот мое воспоминание! Теперь одно прошу — возьми себе в сердце две недавние смерти и возведи свою жизнь до богослужения, то есть до служения тому, что для нас составляет цель, до служения любви и добру» («Русские пропилеи», там же). Печатается по автографу стихотворения «Настоящее и думы» — ЦГАОР.

Анненков Павел Васильевич (1812—1887) — критик, историк литературы, редактор первого научного издания сочинений Пушкина, в 1840-е гг. член кружка Белинского.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ, крупнейший представитель идеалистической философии конца XVIII — начала XIX вв.

Леонтьева с Катковым — см. примеч. к стр. 428, 432.

Стр. 379. *Exil* (изгнание — *франц.*). Впервые — Гершен., т. I, стр. 334—335. Написано в 1863 г. под впечатлением воспоминаний, вызванных чтением своих стихов, среди которых было стихотворение, посвященное первой жене — Марии Львовне Огаревой, умершей в 1853 г. Четыре стиха («Прощай! на жизнь, быть может, взглянем...») — автоцитата из указанного стихотворения. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 380. *Сим победиши.* Впервые — «Колокол», 1 ноября 1863 г. Написано в октябре 1863 г. в ответ на статью в «Колоколе» от 1 октября 1863 г. «Братское слово П. по поводу заявления московских и харьковских студентов», подписанную: «Один из многих». Автор «Братского слова» говорит о Герцене и Огареве как об учителях передовой молодежи, защищая их дело пропаганды от нападок реакционной журналистики. «Да, речи или возгласы с «того берега»,— писал «Один из многих»,— одиночны, но не одиночно то сочувствие, которое они пробуждают к себе в самой России, и пусть будет скрыто между нами до поры до времени то сочувствие, и пусть растет оно втихомолку. Возгласы с «того берега» одиночны, но эти одиночные возгласы не раз заставляли дрожать целые сонмы холопов, злодеев и грабителей. Эти одиночные возгласы будили от мертвого сна целые сотни лучшей русской молодежи...» Кто именно «Один из многих»— не установлено. Существующее предположение, что им был А. А. Слепцов, участник «Земли и воли», недостаточно обосновано. Автограф ЛБ. Печатается по «Колоколу».

Стр. 382. *Призрак.* Впервые — РМ, 1902, № 5, стр. 171—172. Написано в 1863 г. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 383. *Мчатся кони вороные...* Впервые — Гершен., т. I, стр. 340—341. Опубликована только половина стихотворения. А. В. Аскарянц установлено, что напечатанные в БС (т. I, стр. 246—247, и т. II, стр. 398) как два отдельных стихотворения «Мчатся кони вороные...» и «А покойника знавал я...» составляют одно стихотворение. Написано в 1863 г. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 385. *Из Гейне.* Перевод стихотворного монолога из II главы «Buch Le Grand» Гейне. Написано в 1863 г. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 386. *Береза в моем стародавнем саду...* Впервые — там же, стр. 641—642. Написано в 1863 г. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 387. *Картины из странствия по Англии.* Впервые — там же, стр. 634. Написано в 1863 г., в пору жизни Огарева в Ричмонде. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 388. *Scherzo.* Впервые — Гершен., т. I, стр. 346. Написано в 1863—1864 гг. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 389. *Ответ князю П. А. Вяземскому на его заметки, помещенные в сентябрьской книжке «Русского вестника».* Впервые — «Колокол», 1 января 1864 г., л. 176, стр. 1450. Написано в конце 1863 г. в ответ на реакционное стихотворение Вяземского, направленное против «Колокола». Стихи Огарева были напечатаны с предисловием, заканчивавшимся следующими словами: «Пусть их сиятельство разуверится: статью «Братское слово» писали не мы. Надо радоваться, что между многими пишущими и мыслящими юношами находятся люди, которые гнушаются разыгрывать роль или стать под знамя русского Коцебу. Мы заключим наш ответ стихами, приближаясь, насколько возможно, к слогу их сиятельств». Автограф ЛБ. Печатается по «Колоколу».

Стр. 390. *Il giorno di Dante* (день Данте — *итал.*). Впервые — Гершен., т. I, стр. 345. Написано в 1865 г., повидимому в связи с шестисотлетием со дня рождения Данте. Стихотворение имеется в черновом автографе ЛБ и в списке в письме А. И. Герцена к сыну. Два источника имеют разночтения. Печатается по герценовской копии.

Готовь умы к концу твоих невзгод.— Имеется в виду национально-освободительное движение в Италии во главе с Гарибальди.

Стр. 391. *Предисловие к неизданному и недоконченному.* Впервые — ПЗ, 1869, стр. 178. Перепечатано Гершен., т. I, стр. 198. Написано в 1866 г. Беловой автограф ЛБ. Черновой автограф ИРЛ. Печатается по ПЗ, 1869 г.

Стр. 392. *Осужденному.* Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 642. Написано во второй половине августа 1866 г. Оно обращено к Каракозову Дмитрию Владимировичу (1840—1866), приговоренному к смертной казни за совершенное им 4 апреля 1866 г. покушение на Александра II. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 393. *Предисловие.* Впервые — там же, стр. 644. Написано в 1866—1867 гг. Стихотворение не завершено. В нем по-новому ставится вопрос о значении и роли поэзии. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 395. *Моцарт.* Впервые — Гершен., т. I, стр. 363—364. Написано во второй половине 60-х годов, когда Огарев жил в Женеве. Стихотворение напоминает картину женевской жизни, нарисованную Л. Толстым в рассказе «Люцерн». Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 397. *Она была больна, а я не знал об этом...* Впервые в альманахе «Литературная мысль» № 1, 1922, стр. 232. Написано в феврале 1867 г. и обращено к Н. А. Огаревой в связи с болезнью Лизы. Автограф ЛБ и ЦГАЛИ. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 398. *Студент.* Впервые — в листовке в Женевской типографии Чернецкого. Написано в 1867—1868 гг. в память умершего 24 декабря

1866 г. друга Огарева — Сергея Ивановича Астракова. На обороте листа с автографом стихотворения «Студент (Посвящается памяти моего друга Сергея Астракова)» рукою Бакунина написано: «Великолепно — а лучше бы, полезнее для дела было бы, если бы заместо памяти Астракова ты посвятил это стихотворение молодому другу Нечаеву». В 1869 г. появилась листовка с тем же стихотворением, но с подзаголовком: «Молодому другу Нечаеву». Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 399. *Надежды падают, и рушатся мечты...* Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 643—644. Написано в 1867 г. Огарев обращается в стихотворении к Лизе Герцен в связи с намерением ее матери Н. А. Огаревой уехать в Россию и увезти с собою дочь. Автограф ЦГАЛИ и ЦГАОР. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 400. *До свиданья.* Впервые — «Колокол», 1 июля 1867 г., л. 244—245. Написано в связи с перерывом издания «Колокола» с 1 июля 1867 г. по 1 января 1868 г. Автограф ЦГАОР. Печатается по «Колоколу».

Стр. 401. *Наташе.* Впервые — «Русские пропилеи», М. 1916, т. 2, стр. 177—178. Печатается по указанному источнику, так как автограф, которым располагал М. О. Гершензон, в настоящее время неизвестен. Датируется 1867 г. на основании того, что автограф был вклеен в дневник Н. А. Огаревой между записями 5 и 11 ноября 1867 г.

Стр. 403. *Грановскому.* Впервые — ПЗ, 1869, стр. 177. Написано, по всей вероятности, в 1868 г. Автограф в записной книжке Огарева ЦГАОР. Печатается по ПЗ, 1869.

Т. Н. Грановский — см. примеч. к стр. 286.

Стр. 404. *С утра до ночи.* Впервые — «Литературная мысль», П. 1922, № 1, стр. 229—230. Печатаемые четыре стихотворения, очевидно, входили по замыслу в какое-то большое произведение, задуманное в драматической форме, но до конца не осуществленное. Этот замысел получил у Огарева название «С утра до ночи», не оправданное содержанием имеющегося текста. Написаны в 1869 г. Печатаются по автографу ЛБ.

Стр. 407. *Встреча.* Листовка, изданная в Женеве в 1869 г. Написано в сентябре 1869 г. Печатается с листовки ЦГАОР.

Стр. 409. *Памяти друга.* Впервые — ПЗ, 1881, № 5, стр. 135. Написано в 1870—1871 гг. Автограф неизвестен. Печатается по БС, т. I, стр. 265.

Стр. 410. *Сегодня настроен мой мозг музыкально...* Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 645. Написано в 1870—1871 гг. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 411. *Песня русской няньки у постели барского ребенка.* Впервые — с пропусками — Гершен., т. I, стр. 385—386. Полностью

по автографу ЛБ напечатано в БС, т. I, стр. 265. Написано в 1871 г. Автограф ЛБ и ЦГАОР. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 413. *Памяти Л. Чернецкого.* Впервые — газета «Свобода» (Сан-Франциско), 1872, № 2, стр. 4. Написано в 1872 г. на смерть Чернецкого. Автограф ЛБ. Печатается по автографу ЛБ.

Чернецкий Людвиг — польский эмигрант, работавший с Герценом с основания Вольной русской типографии в качестве ее заведующего. Он был верным другом и неутомимым помощником Герцена, писавшего ему: «Помощь, которую вы мне сделали упорной, неусыпной, всегдашней работой, страшно мне облегчила весь труд». Чернецкий умер в Женеве 18 июня 1872 г.

Стр. 414. *Издателю «Свободы» в Сан-Франциско.* Впервые — в газете «Свобода». Написано в 1872 г. Газета выходила недолго, издавалась бывшим русским священником Андреем Гончаренко. Печатается по тексту газеты «Свобода».

Эпиграф — последняя строфа стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву» (1818), несколько измененная Огаревым.

Стр. 415. *К моей биографии. Мое надгробное.* Впервые — БС, т. I, стр. 270. Написано в 1874—1876 гг. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 416. *Героическая симфония Бетховена.* Впервые — РМ, 1902, № 3, стр. 3—4. Написано в середине 1870-х гг. Печатается по автографу ЛБ.

Одоевский Александр Иванович (1802—1839) — русский поэт-декабрист; за участие в восстании декабристов в 1825 г. был приговорен к каторжным работам. После 10-летнего пребывания на каторге был отправлен рядовым на Кавказ, где и погиб.

Стр. 417. *На Новый год.* Впервые — Гершен., т. I, стр. 357. Стихи написаны в 1876 г. В письме к Лаврову 29 ноября Огарев писал: «Вот, друг Лавров, Вам стихи. Не знаю, понравятся или нет, но напишите ваше мнение. Мне они покамест по сердцу, и я к ним подлаживаю музыку». Автограф в письме Огарева к Лаврову — ЛБ. Печатается по автографу ЛБ.

Лавров Петр Лаврович (1823—1900) — русский социолог и публицист, идеолог народничества.

Vive la patrie — да здравствует родина *(франц.)*.

ЭПИГРАММЫ

Стр. 421. *Длинный Панин повалился...* Впервые — БС, т. II, стр. 345. Печатается по автографу ЛБ. Написана в связи с назначением нового помощника попечителя Московского учебного округа, графа Алексея Уварова. В ведении помощников находилось наблюдение над университетами. В царствование Николая I на должность

помощника попечителя назначались люди, отличавшиеся крайней реакционностью. В своей служебной деятельности они приобрели славу гонителей просвещения. Такими мракобесами были А. Н. Панин — чиновник особых поручений при попечителе Московского учебного округа кн. С. М. Голыцине, Д. П. Голохвастов (1796—1849), занимавший должность помощника попечителя с 1832 по 1847 г., В. Н. Муравьев, Зиновьев и т. д. Назначение А. Уварова, известного своей прогрессивностью, было встречено сочувственно, как проявление либерализма.

Стр. 422. *Я не люблю попов ни наших, ни чужих...* Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 58. Написана, повидимому, в 1858 г. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 423. *Кн. Черкасскому.* Впервые — Гершен., т. I, стр. 412. Написана в 1859 г. Автограф ЛБ. Эпиграмма осмеивает кн. Черкасского В. А. (1824—1878), члена редакционной комиссии по подготовке «Положения о крестьянах», который в 1858 г. выступил с проектом учреждения судов с правом телесного наказания крестьян. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 424. *Ростовцевская комиссия.* Впервые — Гершен., т. I, стр. 411. Написана в 1859 г. Автограф ЛБ. Осмеивается комиссия по выработке проекта положения о крестьянах, председателем которой был назначен в 1859 г. Я. И. Ростовцев (1803—1860), а членами Н. А. Милютин (1818—1872), Е. И. Ламанский (1825—1904), И. П. Арапетов, Ю. Ф. Самарин (1819—1876), Я. А. Соловьев и др. По проекту Ростовцева крестьяне освобождались с землею, которую они должны были выкупить у помещиков по добровольному соглашению с ними.

Стр. 425. *Эпитафия.* Впервые — в статье С. А. Переселенкова «Из литературного наследия Н. П. Огарева» в сб. «Литература», 1923, стр. 191—192. Написана в 1859 г. В эпиграмме имеется в виду русский консул Егор Константинович Крамер, умерший осенью 1859 г. Через него Огареву было объявлено 18 августа вторичное приказание Александра II возвратиться в Россию. Печатается по автографу ЛБ.

Стр. 426. *Палач свободы по призванью.* Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 58. Написана в 1862 г. Автограф ЦГАОР. Эпиграмма на Чичерина Б. Н. (1828—1904), выпустившего в 1862 г. сборник своих статей «Несколько современных вопросов», в котором он перепечатал письмо против Герцена — «Обвинительный акт». Чичерин возглавлял начавшуюся травлю «Колокола», к которой примкнули некоторые из бывших друзей Герцена. Печатается по автографу ЦГАОР.

Коцебу Август (1761—1819) — немецкий писатель, тайный агент Александра I, убит студентом Зандом.

Стр. 427. *Что за год бесчеловечий!..* Впервые — Гершен., т. I, стр. 412. Написана в 1862 г. Автограф ЛБ. Печатается по автографу.

Греч Николай Иванович (1787—1867) — русский реакционный журналист и писатель, вместе с Булгариным, агентом III отделения, издавал газету «Северная пчела» и журнал «Сын отечества».

Стр. 428. *Историк будущий, ценя...* Впервые — БС, т. II, стр. 346. Написана в начале 1863 г. Печатается по автографу ЛБ. Газета «Наше время», называвшаяся после 1863 г. «Русские ведомости», была реакционным органом и издавалась на средства министерства внутренних дел.

Леонтьев П. М. (1822—1874) — соредактор Каткова по «Московским ведомостям», реакционный публицист, идеолог классической системы образования. Герцен писал в 1862 г. Н. Сатину: «Что за скотный двор, в котором Катков боровом, а Леонтьев филологом».

Стр. 429. *Пример неправильных, но справедливых ударений.* Впервые — Гершен., т. I, стр. 411. Написана в 1863 г. Печатается по автографу ЛБ.

Газету «Голос» издавал Краевский А. А. (1810—1889) с 1863 по 1884 г. Газета субсидировалась из средств министерства внутренних дел, маскируясь умеренным либерализмом.

Головнин Александр Васильевич (1821—1886) — министр народного просвещения в 1862—1866 гг.; в годы усилившейся реакции смещен за умеренный либерализм; его сменил крайний реакционер Д. А. Толстой.

Валуев П. А. (1814—1890) — министр внутренних дел.

Стр. 430. *Продолжение литературных наблюдений.* Впервые — Полн. собр. соч. А. И. Герцена под ред. Лемке, т. XVIII, стр. 50. Написано в 1863 г. Печатается по автографу ЛБ.

Скарятин В. Д. — крепостник, противник крестьянской реформы, реакционный публицист, редактор газеты «Весть».

Стр. 431. *<Н. В. Поггенполю>.* Впервые полностью — «В. П. Батуринский, Герцен и его друзья», Пб., 1904, стр. 65. Написано в 1863 г. Печатается по автографу ЛБ.

Поггенполь Н. П. (1824—1894) — редактор газеты «Nord», выходившей в Брюсселе с 1856 г. Газета субсидировалась русским правительством. О ней Герцен писал Тургеневу в декабре 1856 г.: «Это самый подлейший орган и с каждым номером все хуже и хуже».

Стр. 432. *<М. Н. Каткову>.* Впервые — полностью БС, т. II, стр. 346. Написана в 1863 г. Печатается по автографу ЛБ.

Катков М. Н. (1818—1887) — с 1856 г. редактор журнала «Русский вестник» и с 1863 г. — газеты «Московские ведомости». Начал свой путь умеренным либералом, был в 30-е годы близок Огареву, но в 60-е годы становится крайним реакционером, яростным врагом

«Колокола». Во время начавшегося правительственного террора в связи с майскими пожарами в Петербурге Катков напечатал статью против Огарева и Герцена «Заметки для издателя «Колокола».

Стр. 433. *Бранной лиры, бранной славы...* Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 593. Написано в 1863 г. Имеется в виду общая политика самодержавия, подавление польского восстания и разнузданная пропаганда войны реакционной печатью. Эпиграф из стихотворения Пушкина «В. Л. Пушкину». Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 434. *Надгробное.* Впервые — «Вольный песенник», вып. 2, Женева, 1869, стр. 20—22. Автограф ЦГАОР. Написано в последние месяцы 1866 г. Имеется в виду М. Н. Муравьев-Вешатель, скоропостижно умерший за четыре дня до казни своей жертвы — Д. Каракозова. Печатается по указанному источнику.

Стр. 435. *Т<ургене>ву.* Впервые — ЛН, 1953, т. 61, стр. 59. Написано в мае 1867 г. Автограф ЦГАОР. Имеется в виду роман И. С. Тургенева «Дым», появившийся в «Русском вестнике» в марте 1867 г. Печатается по автографу ЦГАОР.

Стр. 436. *Я сижу в раздумии...* Впервые — в «Вестнике Европы», 1907, № 5, стр. 275. Написано в 1867 г. Печатается по автографу в письме к А. И. Герцену от 13 декабря 1867 г.— ЛБ.

Филарет (1782—1867) — митрополит Московский.

Стр. 437. *А. Майкову.* Впервые — БС, т. II, стр. 364. Написано в 1863 г. Печатается по автографу ЛБ. Стихотворение является ответом на послание А. Майкова «Князю Друцкому-Любецкому» («Русский вестник», май 1868 г.), в котором прославляется воссоединение России, Литвы и Польши.

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897) — русский поэт, сторонник «чистого искусства»; в 1860-е гг. перешел от умеренного либерализма к реакционной идеологии панславизма и защиты русского самодержавия.

...вслед за коляской...— Огарев имеет в виду верноподданническое стихотворение Майкова «Коляска», посвященное Николаю I.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

«А вы меня забыли!.. Что вам я...» — 195.

Алхимик («В убогой келье в час ночной...») — 82.

Америка («Среди океана...») — 153.

«А помните, как амазонкою вы смелой...» — 196.

Арестант («Ночь темна. Лови минуты...») — 255.

Augenblick («Нет, право, эта жизнь скучна...») — 75.

Aurora-Walzer («В моей глуши однообразной...») — 234.

Aurora Musae amica («Зимой люблю я встать поутру рано...») — 282.

«А часто не хотел себе я верить...» — 197.

Бабушка («Я помню как сквозь сон — когда являлась в зале...») — 327.

Бал («Пышный бал блестит огнями...») — 361.

Барышня («В деревне барышня стыдливо...») — 258.

Бегство («Ступай,— сказал он,— под венец...») — 261.

«Береза в моем стародавнем саду...» — 386.

«Бранной лиры, бранной славы...» — 433.

Будущность («Я видел девочку с кудрями золотыми...») — 294.

Buch der Liebe *(Отрывки из автобиографии)* — 192—224.

«Бываю часто я смущен внутри души...» — 246.

В альбом («Хотя живу я и давно...») — 111.

«Вдали от вас я только тем живу...» — 194.

Весна («Еще лежит, белеясь средь полей...») — 170.

Весною («Брожу я по лесу тропою каменистой...») — 268.

Весною («Весною и зеленью пахнет в саду...») — 320.

Вечер («Когда настанет вечер ясный...») — 116.

Водопад («Не одну слезу из глаз я...») — 101.

Возвращение («Что навстречу ветер стонет...») — 340.

Ворцель («У гроба твоего в торжественной печали...») — 295.

Воспоминания детства — 334—336.
«В пирах безумно молодость проходит...» — 280.
«В прогулке поздней видел я...» — 80.
В степи («По степи зеленой...») — 358.
Встреча («Друзья они смолоду были...») — 151.
Встреча («Идет мужичок с сенокоса домой...») — 407.
«В тиши ночной аккорд печальный...» — 203.
«В тюрьму я был брошен, отослан в изгнанье...» — 72.
«Вчера был теплый день, и веяло весной...» — 213.
«Вчера она пела, Клара Новелло...» — 211.
«Вчера я в церковь dell'Annunziata...» — 202.
«Вы выросли, любя отца и мать...» — 199.
«Вы дружбу мне хранить глубоко...» — 205.
«Выпьем, что ли, Ваня...» — 369.
«Вырос город на болоте...» — 332.
«Вы скажете, что в тиши досужной...» — 405.

Gasthaus zur Stadt Rom («Луна печально мне в окно...») — 140.
Героическая симфония Бетховена («Я вспомнил вас, торжественные звуки...») — 416.
А. Герцену («Друг! весело летать мечтою...») — 38.
Город («Под дальним небосклоном...») — 95.
Город («Смеркаться начинает...») — 79.
Грановскому («Вспомнил я, товарищ...») — 403.
<Т. Н. Грановскому> («Твое печальное посланье...») — 177.
«Гуляю я в великом божьем мире...» — 164.
Gute Gesellschaft («Как эти люди скучны, глупы...») — 76.

«Дай расскажу тебе, мой друг...» — 107.
«Два дня я не видал моей статуи...» — 205.
Две любви («Я помню барышню в семействе нам родном...») — 335.
Двойник («Тихо все ночью и стогны в покое...») — 96.
Дедушка («Ох! изба ты моя невысокая...») — 344.
Деревенский сторож («Ночь темна, на небе тучи...») — 99.
Die Geschichte («За днями идут дни, идет за годом год...») — 278.
Дилижанс («Уж смерклося почти, когда мы сели...») — 150.
«Дитятко! милость господня с тобою...» — 324.
«Длинный день проходит вяло...» — 225.
«Длинный Панин повалился...» — 421.
«Домой я воротился очень поздно...» — 270.
Дорога («Тускло месяц дальний...») — 131.
До свиданья («Смолкает *«Колокол»* на время...») — 400.
Другу Герцену («Прими, товарищ добрый мой...») — 37.
Друзьям («Мы в жизнь вошли

с прекрасным упованьем...») — 109.
Дувр («У моря шумного, на склоне белых скал...») — 336.
Дяде Кроносу («Ну, скорей, Кронос...») — 158.

Ее портрет («Стоял я в мрачной думе...») — 92.
Exil («Я том моих стихотворений...») — 379.
«Еще любви безумно сердце просит...» — 236.

Желание («Дева с свежими устами...») — 94.
Желание покоя («Опять они, мои мечты...») — 77.

Забыто («Я ему сказала...») — 251.
«Залог блаженства в жизни скучной...» — 200.
«Заснула Пиза в тишине ночной...» — 198.
Звуки («Как дорожу я прекрасным мгновеньем...») — 115.
Зимняя ночь («Ночь темна, ветер в улице дует широкой...») — 103.

«И вот уже прошло еще полгода...» — 218.
«И год прошел, прошло и больше года...» — 207.
«И если б мне пришлось прожить еще года...» — 351.
Изабелла («Ты вовсе сам еще не знаешь...») — 302.
Изба («Небо в час дозора...») — 149.
Из Гейне («В старинных сказках — замки золотые...») — 385.
Из Гейне («Звезды с ножками златыми...») — 90.
Издателю «Свободы» в Сан-Франциско («Хотя я стих переменил немного...») — 414.
Il giorno di Dante («Италия! земного мира цвет...») — 390.
«И ночь и мрак! Как все томительно пустынно...» — 240.
И<скандe>ру («В уныньи медленном недуга и леченья...») — 292.
И<скандe>ру («О! если б ты подумать только мог...») — 284.
Искандеру («Я ехал по полю пустому...») — 244.
Исповедь («Мой друг, тебе хотел бы я...») — 161.
«Историк будущий, ценя...»—428.
«И я тебя сегодня не видал...» — 330.

Кабак («Выпьем, что ли, Ваня...») — 132.
Кавказскому офицеру («Огни, и музыка, и бал...») — 285.
«Как жадно слушал я признанья...» — 129.
«Как часто я, измученный страданьем...» — 196.
«Как школьник на скамье, опять сижу я в школе...» — 242.
Картины из странствия по Англии («Отравляясь никотином...») — 387.
<М. Н. Каткову> («Михайло Никифорыч старый...») — 432.
К друзьям («Я по дороге жизни этой...») — 51.
К Д<ушеньке Сухово-Кобылиной> («Как все чудесно, стройно в вас...») — 192.

К*** («Когда в цепи карет, готовых для движенья...») — 325.
К Лидии («Когда ты, грустная, слезу стерев с ресницы...») — 267.
К моей биографии («Несмотря на все пороки...») — 415.
Кн. Черкасскому («Нет! Чужда тебе Россия...») — 423.
К*** <М. Л. Огаревой> («Расстались мы — то, может, нужно...») — 237.
<К М. Л. Огаревой> («Хочу еще письмо писать...») — 106.
«Когда встречаются со мной...»— 162.
«Когда среди людей стою я одинок...» — 152.
«Когда тревогою бесплодной...»— 138.
Кокетке («Зачем томишь ты друга моего...») — 276.
Коршу («Из края бедных, битых и забитых...») — 290.
«К подъезду! — Сильно за звонок рванул я...» — 160.
Крейцнах 8 августа («Вчера на горе мы два друга блуждали...») — 184.
Кремль («За тучами чуть видима луна...») — 86.
Crescendo aus der Symphonie meines Ichs im Verhältnisse zu seinen Freunden — 40.
Кривая береза («У нас в большом лесу глубокий был овраг...») — 335.
К <Е. В. Салиас> («Вы были девочкой, а я...») — 87.
К Н. <А. Тучковой> («На наш союз святой и вольный...») — 257.
Купанье («Чьей легкой ножки при реке...») — 252.

Е. Г. Л<евашевой> («Я с юных лет знал тяжкие гоненья...») — 62.
Le cauchemar («Мой друг! меня уж несколько ночей...») — 134.
Лес («На горной крутизне я помню шумный лес...») — 334.
Летом («Мой друг, не вижу я средь английских полей...») — 313.
Livorno («Подъезжая под Livorno...») — 188.
«Livorno спит, озарено луною...»— 208.
Лизе («Дитя мое, тебя увозят вдаль...») — 348.
«Любовь моя мне стала тайным светом...» — 203.

А. Майкову («Аполлон ты, Аполлон...») — 437.
Марии, Александру и Наташе («Благодарю тебя, о провиденье...») — 64.
Мертвому другу («То было осенью унылой...») — 286.
Миннезингер («Нет у певца страны родной...») — 226.
Михайлову («Сон был нарушен. Здесь и там...») — 365.
Младенец («Сидела мать у колыбели...») — 139.
«Мне было скучно в разговоре...» — 98.
«Мне говорили, будто в сердце вы...» — 204.
«Мне снилося, что я в гробу лежу...» — 307.
Много грусти! («Природа зноем дня утомлена...») — 108.

«Мой русский стих, живое слово...» — 370.
«Мой стих от прошлых дней откажется едва ль...» — 406.
Молдаваны («Ночь луною озарило...») — 84.
Монологи — 240—242.
Моцарт («Толпа на улице и слушает, как диво...») — 395.
Моя молитва («Молю тебя, святое бытие...») — 57.
Музыканту («За совершенство исполненья...») — 350.
«Мчатся кони вороные...» — 383.

Надгробное («Что тебя прихлопнуло...») — 434.
«Надежды падают и рушатся мечты...» — 399.
На море («Бутылка выпита до дна...») — 174.
На мосту («Я на мосту стоял. Река...») — 266.
На Новый год («Мне звуки слышатся с утра до поздней ночи...») — 417.
Напутствие («Забудь уныния язык...») — 316.
«На севере туманном и печальном...» — 169.
На смерть Л<ермонтова> («Еще дуэль! Еще поэт...») — 166.
На смерть поэта («Зачем душа тоски полна...») — 46.
На сон грядущий («Ночная тьма безмолвие приносит...») — 187.
Настоящее и думы («Отвыкли мы от философских тем...») — 372.
Наташе («И день и ночь, дитя мое...») — 401.
«Небо да море. Волна за волной...» — 172.
«Не знаю почему, певица эта...» — 212.
Немногим («Я покидал вас, но без слез...») — 289.
Новый год («Вот год еще прошел, как сновиденье...») — 60.
Новый год («То было за полночь на самый Новый год...») — 336.
Nocturno («Волна течет, волна шумит...») — 120.
Nocturno («Как пуст мой деревенский дом...») — 118.
Ночь («Когда во тьме ночной, в мучительной тиши...») — 233.
Ночь («Тихо в моей комнатке...») — 73.
«Ночь туманная темна...» — 74.
Ночью («Опять я видел вас во сне...») — 333.
«Но я письма от вас не получил...» — 211.

Обыкновенная повесть («Была чудесная весна...») — 156.
Ожидание («Открылась даль, заря зажглась...») — 232.
O Lacrymarum fons! («Когда пред глупостью людской...») — 359.
«Она была больна, а я не знал об этом...» — 397.
«Она никогда его не любила...» — 148.
«...Она со мною так добра...» — 352.
«Он уж был испытан...» — 231.
«Опять знакомый дом, опять знакомый сад...» — 260.
«Опять уже прошло так много дней...» — 214.

Осеннее чувство («Ты пришло уже, небо туманное...») — 71.
Осень («Когда осеннею порою...») — 123.
Осенью («Как были хороши порой весенней неги...») — 301.
Осужденному («Ну! выстрелил ты дерзновенно в царя...») — 392.
Ответ князю П. А. Вяземскому на его заметки, помещенные в сентябрьской книжке «Русского вестника» («О! Не великий князь (когда-то либерал)...») — 389.
Отрывки («День за день — робко — шаг за шаг...») — 356.
Отступнице («Теперь идет существованье...») — 298.
Отцу («Отец! вот несколько уж дней...») — 69.
Отъезд («Ну, прощай же, брат! я поеду вдаль...») — 247.

«Палач свободы по призванью...» — 426.
Памяти друга («Друг детства, юности и старческих годов...») — 409.
Памяти Рылеева («В святой тиши воспоминаний...») — 342.
Памяти Л. Чернецкого («Мы с ним работали, то были годы...») — 413.
Первая дружба («Я помню отрока с кудрявой головой...») — 335.
Первая любовь («В вечернем сумраке долина...») — 275.
Песня русской няньки у постели барского ребенка («Спи, потомок благородья...») — 411.
Песня («Ты откуда, туча, туча...») — 65.
<Н. В. Поггенполю> («В Nord'e сквозь все тонкости...») — 431.
«По краям дороги...» — 323.
Полдень («Полуднем жарким ухожу я...») — 114.
Портреты («Печально я смотрю на дружние портреты...») — 279.
«По тряской мостовой я ехал молча...» — 193.
Похороны («Уж тело в церкви. Я взошел...») — 122.
Поэзия («Когда сижу я ночью одиноко...») — 130.
Праздник («Что год, то меньше шлет мне праздник ликований...») — 235.
Предисловие к «Колоколу» («Россия тягостно молчала...») — 296.
Предисловие к неизданному и недоконченному («Не унывай среди томящей скуки...») — 391.
Предисловие («Обычной жизни сор мятежный...») — 393.
Предчувствие воина («Кругом весь лагерь в тишине...») — 117.
Призрак («В одну из тех ночей весеннего тепла...») — 382.
Пример неправильных, но справедливых ударений («Голос влажный, голос невский...») — 429.
Продолжение литературных наблюдений («Но уж кто — хоть и не внятен...») — 430.
«Проклясть бы мог свою судьбу...») — 264.
Прометей («Прочь, коршун! больно! Подлый раб...») — 136.
«Проходит день, и ночь проходит...» — 45.

«Прощайте! В сердце это слово...» — 193.
Прощание с Италией («На море тихое ложится мрак ночной...») — 189.
Прощанье с краем, откуда я не уезжал («Прощай, прощай, моя Россия...») — 105.
Пустой дом («Стоит опустелый...») — 229.
Путник («Дол туманен, воздух сыр...») — 113.

Развратные мысли («Когда идет по стогнам града...») — 360.
Разговор («Мой друг, для нас что могут разговоры значить...») — 175.
Разлад («Есть много горестных минут...») — 97.
Разлука («Ночь была прозрачна...») — 319.
Разорванность («Я много думал — и постиг...») — 146.
Рассвет («Мне детство предстает, как в утреннем тумане...») — 334.
Рейн («Рейна широкого воды зеленые...») — 165.
Ростовцевская комиссия («Там, во школе во Фламандской...») — 424.
Рудольфов трапп («Воскрешают эти звуки...») — 354.
Рыбачка («Прекрасная рыбачка...») — 91.

«Свисти ты, о ветер, с бессонною силой...» — 337.
Свобода («Когда я был отроком тихим и нежным...») — 321.
«Сегодня колоколен звон печальный...» — 206.
«Сегодня настроен мой мозг музыкально...» — 410.
Sehnsucht («О! если бы я мог хотя на миг один...») — 281.
Serenade («Песнь моя летит с мольбою...») — 112.
«Серые облаки по небу тянутся...» — 405.
Сим победиши («Мой друг, твой голос молодой...») — 380.
«С какой тревогой ожиданья...» — 353.
Scherzo («Зорька где-то догорела...») — 388.
«Скорей, скорей топи средь диких волн разврата...» — 241.
Слова старца («Ко мне, мое дитя, ты жизнь моя...») — 176.
«С моей измученной душою...» — 50.
Смутные мгновенья («Есть в жизни смутные, тяжелые мгновенья...») — 53.
Совершеннолетие («Спокойно вижу я годов минувших даль...») — 245.
Современное («Вот Семен Авдеич...») — 317.
Сон («Когда сменился день молчаньем темной ночи...») — 271.
Соседке («В деревне, в мирном уголке...») — 155.
Сплин («Да, к осени сворачивает лето...») — 272.
«С полуночи ветер холодный подул...» — 68.
«Среди могил я в час ночной...» — 58.
«Среди сухого повторенья...» — 345.
Стансы («Ни одна не станет в споре...») — 124.

Станция («Я вспомнил, как ты здесь страдала...») — 61.
Старик («Еще я бодр! Еще, тоскуя...») — 265.
«Старик, как прежде, в час привычный...» — 262.
Старый дом («Старый дом, старый друг, посетил я...») — 88.
«Сторона моя родимая...» — 329.
Студент («Он родился в бедной доле...») — 398.
«Стучу — мне двери отпер ключник старый...» — 173.
С утра до ночи («Лениво я смотрю на пробужденье...») — 404.

Тайна («Тебя ищу я целый день...») — 310.
«Там на улице холодом веет...» — 102.
Тантал («Вокруг меня журчит струя...») — 127.
Тате (Г<ерцен>) («В дорогу дальнюю тебя я провожаю...») — 368.
«Твое письмо меня нашло...» — 305.
«Тебе я счастья не давал довольно...» — 133.
«Тот жалок, кто под молотом судьбы...» — 81.
«Труд не пропал, учился я не тщетно...» — 207.
«Труп ребенка, весь разбитый...» — 346.
«Туман над тусклою рекой...» — 100.
«Туман упал на снег полей...» — 143.
Т<ургене>ву («Я прочел ваш вялый «Дым»...») — 435.
«Тускло сквозь сереньких тучек...» — 227.
«Тучи серые бродят в поднебесьи...» — 239.
<А. А.> Тучкову («Я знаю, друг, что значит слово мать...») — 67.
«Ты сетуешь, что после долгих лет...» — 269.
1849 год («Вы знаете: победа дряхлой власти...») — 254.

Удел поэта («Страдай и верь,— сказало провиденье...») — 49.
«Уж было поздно: надо было мне...» — 194.
«Уже давно я в книге этой...» — 214.
У моря («Дождь и холод! А ты все сидишь на скале...») — 303.
У моря («Над морем позднею порой...») — 93.
У моря («Ночь и буря с черной мглою...») — 364.
Упование. Год 1848 («Все говорят, что ныне страшно жить...») — 248.
Утро («Лениво я смотрю на пробужденье...») — 404.
«Учусь! Учусь! и жажда знанья мучит...» — 224.

Фантазия («Тихо склонилось вечернее солнце...») — 363.
Фантазия («Свеча горит. Печальным полусветом...») — 125.
Fatum («Вхожу я в церковь — там стоят два гроба...») — 250.
Fashionable («Я люблю, мой fashionable...») — 110.
Франция («Мне живо памятно, как умирал отец...») — 328.

Хандра («Бывают дни, когда душа пуста...») — 186.

Характер («Ребенком он упрям был и резов...») — 147.
«Хочу еще письмо писать...» — 106.

Чего хочу?.. Чего?.. О! так желаний много...» — 242.
«Что за год бесчеловечий!..» — 427.
«Что мне в сей жизни скучной...» — 163.

Шекспир («На землю ступай,— провиденье сказало...») — 54.

Эмс («Горы спят под дымкой...») — 228.
Эпитафия («Меж тем, как в решете везде встречая чудо...») — 425.

Юноше («Ступай, мой сын! Постранствуй! Погляди...») — 338.

«Я вам сказать хотел бы много...» — 219.
«Я взял коня и поскакал в Albano...» — 210.
«Я видел вас, пришельцы дальних стран...» — 55.
«Я возле вас сидел во сне...» — 217.
«Я изнывал в глуши печальной...» — 217.
«Я наконец оставил город шумный...» — 144.
«Я не люблю попов ни наших, ни чужих...» — 422.
«Я новому искусству предался...» — 207.
«Я ночью подъезжал к святому граду...» — 209.
«Я одарен способностью ужасной...» — 204.
«Я поздно лег, усталый и больной...» — 191.
«Я помню — в тиши яснолунных ночей...» — 315.
«Я помню робкое желанье...» — 154.
«Я по Флоренции бродил печально...» — 201.
«Я проезжал печальные края...»— 216.
«Я сижу в раздумии...» — 436.
«Я сорвал ветку кипариса...» — 197.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Платонович Огарев. Вступительная статья Вл. Путинцева 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Другу Герцену 37
А. Герцену 38
Crescendo aus der Symphonie meines Ichs im Verhältnisse zu seinen Freunden 40
Проходит день, и ночь проходит... 45
На смерть поэта (По перечтении Е. О.) 46
Удел поэта 49
С моей измученной душою... 50
К друзьям 51
Смутные мгновенья 53
Шекспир 54
Я видел вас, пришельцы дальних стран... 55
Моя молитва 57
Среди могил я в час ночной... 58
Новый год 60
Станция 61
Е. Г. Л<евашевой> 62
Марии, Александру и Наташе 64
Песня («Ты откуда, туча, туча...») 65

<А. А.> Тучкову (21-го июля) 67
С полуночи ветер холодный подул... 68
Отцу 69
Осеннее чувство 71
В тюрьму я был брошен, отослан в изгнанье... 72
Ночь («Тихо в моей комнатке...») 73
Ночь туманная темна... 74
Augenblick 75
Gute Gesellschaft 76
Желание покоя 77
Город 79
В прогулке поздней видел я... 80
Тот жалок, кто под молотом судьбы... 81
Алхимик 82
Молдаваны 84
Кремль 86
К <Е. В. Салиас> 87
Старый дом 88
Из Гейне («Звезды с ножками златыми...») 90
Рыбачка (Из Гейне) 91
Ее портрет (Из Гейне) 92
У моря (Из Гейне) 93
Желание 94
Город («Под дальним небосклоном...») 95
Двойник 96
Разлад 97
Мне было скучно в разговоре... 98
Деревенский сторож 99
Туман над тусклою рекой... 100
Водопад (Из Мюллера) 101
Там на улице холодом веет... 102
Зимняя ночь 103
Прощанье с краем, откуда я не уезжал 105
<К М. Л. Огаревой> («Хочу еще письмо писать...») 106
Много грусти! 108
Друзьям 109
Fashionable 110
В альбом 111
Serenade 112
Путник 113
Полдень 114
Звуки 115
Вечер 116

Предчувствие воина 117
Nocturno 118
Nocturno («Волна течет, волна шумит...») 120
Похороны 122
Осень 123
Стансы (Из Байрона) 124
Фантазия 125
Тантал 127
Как жадно слушал я признанья... 129
Поэзия 130
Дорога 131
Кабак 132
Тебе я счастья не давал довольно... 133
Le cauchemar 134
Прометей 136
Когда тревогою бесплодной... 138
Младенец 139
Gasthaus zur Stadt Rom 140
Туман упал на снег полей... 143
Я наконец оставил город шумный... 144
Разорванность 146
Характер 147
Она никогда его не любила... 148
Изба 149
Дилижанс 150
Встреча 151
Когда среди людей стою я одинок... 152
Америка 153
Я помню робкое желанье... 154
Соседке 155
Обыкновенная повесть 156
Дяде Кроносу (Из Гёте) 158
К подъезду! — Сильно за звонок рванул я... 160
Исповедь 161
Когда встречаются со мной... 162
Что мне в сей жизни скучной?.. 163
Гуляю я в великом божьем мире... 164
Рейн 165
На смерть Л<ермонтова> 166
На севере туманном и печальном... 169
Весна («Еще лежит, белеясь средь полей...») 170
Небо да море. Волна за волной... 172
Стучу — мне двери отпер ключник старый... 173

На море 174
Разговор (Из Мицкевича) 175
Слова старца (Из Уланда) 176
<Т. Н. Грановскому> («Твое печальное посланье...») . . . 177
Крейцнах 8 августа (Брату Сатину) 184
Хандра 186
На сон грядущий 187
Livorno 188
Прощание с Италией 189
Я поздно лег, усталый и больной... 191
Buch der Liebe (Отрывки из автобиографии)
I. К Д<ушеньке Суховой-Кобылиной> 192
II. Прощайте! В сердце это слово... 193
III. По тряской мостовой я ехал молча... 193
IV. Уж было поздно: надо было мне... 194
V. Вдали от вас я только тем живу... 194
VI. А вы меня забыли!.. Что вам я?.. 195
VII. А помните, как амазонкою вы смелой... . . . 196
VIII. Как часто я, замученный страданьем... 196
IX. А часто не хотел себе я верить... 197
X. Я сорвал ветку кипариса... 197
XI. Заснула Пиза в тишине ночной... 198
XII. Вы выросли, любя отца и мать... 199
XIII. Залог блаженства в жизни скучной... 200
XIV. Я по Флоренции бродил печально... 201
XV. Вчера я в церковь dell'Annunziata... 202
XVI. Любовь моя мне стала тайным светом... 203
XVII. В тиши ночной аккорд печальный... 203
XVIII. Мне говорили, будто в сердце вы... 204
XIX. Я одарен способностью ужасной... 204
XX. Вы дружбу мне хранить глубоко... 205
XXI. Два дня я не видал моей статуи... 205
XXII. Сегодня колоколен звон печальный... 206
XXIII. И год прошел, прошло и больше года... 207
XXIV. Я новому искусству предался... 207
XXV. Труд не пропал, учился я не тщетно... 207
XXVI. Livorno спит, озарено луною... 208
XXVII. Я ночью подъезжал к святому граду... 209
XXVIII. Я взял коня и поскакал в Albano... 210
XXIX. Но я письма от вас не получил... 211
XXX. Вчера она пела, Клара Новелло... 211
XXXI. Не знаю почему, певица эта... 212
XXXII. Вчера был теплый день, и веяло весной... . . . 213

XXXIII. Уже давно я в книге этой... 214
XXXIV. Опять уже прошло так много дней... 214
XXXV. Я проезжал печальные края... 216
XXXVI. Я возле вас сидел во сне... 217
XXXVII. Я изнывал в глуши печальной... 217
XXXVIII. И вот уже прошло еще полгода!.. 218
XXXIX. Я вам сказать хотел бы много... 219
XL. Учусь! Учусь! и жажда знанья мучит!.. 224
Длинный день проходит вяло... 225
Миннезингер 226
Тускло сквозь серeньких тучек... 227
Эмс 228
Пустой дом 229
Он уж был испытан... 231
Ожидание 232
Ночь («Когда во тьме ночной, в мучительной тиши...») 233
Aurora-Walzer 234
Праздник 235
Еще любви безумно сердце просит... 236
К *** <М. Л. Огаревой> 237
Тучи серые бродят в поднебесьи... 239
Монологи
I. И ночь и мрак! Как все томительно пустынно!.. 240
II. Скорей, скорей топи средь диких волн разврата... 241
III. Чего хочу?.. Чего?.. О! так желаний много... 242
IV. Как школьник на скамье, опять сижу я в школе... 242
Искандеру («Я ехал по полю пустому...») 244
Совершеннолетие (Посвящено Грановскому) 245
Бываю часто я смущен внутри души... 246
Отъезд 247
Упование. Год 1848 248
Fatum 250
Забыто 251
Купанье 252
1849 год 254
Арестант 255
К Н. <А. Тучковой> 257
Барышня 258
Опять знакомый дом, опять знакомый сад... 260
Бегство 261
Старик, как прежде, в час привычный... 262
Проклясть бы мог свою судьбу... 264
Старик 265

На мосту 266
К Лидии 267
Весною («Брожу я по лесу тропою каменистой...») 268
Ты сетуешь, что после долгих лет... 269
Домой я воротился очень поздно... 270
Сон 271
Сплин (Посвящено Н. <А. Тучковой>) 272
Первая любовь 275
Кокетке 276
Die Geschichte 278
Портреты 279
В пирах безумно молодость проходит... 280
Sehnsucht 281
Aurora Musae amica 282
И<сканде>ру («О! если б ты подумать только мог...») 284
Кавказскому офицеру 285
Мертвому другу 286
Немногим 289
Коршу 290
И<сканде>ру («В уныньи медленном недуга и леченья...») 292
Будущность 294
Ворцель 295
Предисловие к «Колоколу» 296
Отступнице (Посвящено гр. Р<остопчино>й) 298
Осенью («Как были хороши порой весенней неги...») 301
Изабелла (Отрывок из комедии без конца) 302
У моря 303
Твое письмо меня нашло... 305
Мне снилося, что я в гробу лежу... 307
Тайна 310
Летом 313
Я помню — в тиши яснолунных ночей... 315
Напутствие 316
Современное 317
Разлука 319
Весною («Весною и зеленью пахнет в саду...») 320
Свобода 321
По краям дороги... 323
Ди́тятко! Милость господня с тобою!.. 324
К *** («Когда в цепи карет, готовых для движенья...») 325
Бабушка 327
Франция 328
Сторона моя родимая... 329

И я тебя сегодня не видал!.. 330
Вырос город на болоте... 332
Ночью («Опять я видел вас во сне...») 333
Воспоминания детства
1. Рассвет 334
2. Лес 334
3. Кривая береза 335
4. Две любви 335
5. Первая дружба 335
6. Новый год 336
7. Дувр 336
Свисти ты, о ветер, с бессонною силой... 337
Юноше (Подражание Полонию) 338
Возвращение 340
Памяти Рылеева 342
Дедушка 344
Среди сухого повторенья... 345
Труп ребенка, весь разбитый... 346
Лизе 348
Музыканту 350
И если б мне пришлось прожить еще года... 351
...Она со мною так добра... 352
С какой тревогой ожиданья... 353
Рудольфов трапп (Л. Н. Толстому) 354
Отрывки 356
В степи 358
О Lacrymarum fons! 359
Развратные мысли 360
Бал 361
Фантазия (Для музыки) 363
У моря («Ночь и буря с черной мглою...») 364
Михайлову 365
Тате (Г<ерцен>) 368
Выпьем, что ли, Ваня... 369
Мой русский стих, живое слово... 370
Настоящее и думы (Письма к Герцену) 372
Exil 379
Сим победиши (Ответ писавшему «Братское слово». «Колокол», № 171) 380
Призрак 382
Мчатся кони вороные... 383
Из Гейне («В старинных сказках — замки золотые...») . . . 385

Береза в моем стародавнем саду... 386
Картины из странствия по Англии (Подражание Гейне) . . . 387
Scherzo («Зорька где-то догорела...») 388
Ответ князю П. А. Вяземскому на его заметки, помещенные в сентябрьской книжке «Русского вестника» 389
Il giorno di Dante 390
Предисловие к неизданному и недоконченному 391
Осужденному 392
Предисловие («Обычной жизни сор мятежный...») 393
Моцарт 395
Она была больна, а я не знал об этом!.. 397
Студент (Посвящается памяти моего друга Сергея Астракова) 398
Надежды падают и рушатся мечты... 399
До свиданья 400
Наташе 401
Грановскому («Вспомнил я, товарищ...») 403
С утра до ночи (Посвящается Тате <Герцен>) 404
Встреча (Посвящено духовенству) 407
Памяти друга 409
Сегодня настроен мой мозг музыкально... 410
Песня русской няньки у постели барского ребенка (Подражание Лермонтову) 411
Памяти Л. Чернецкого 413
Издателю «Свободы» в Сан-Франциско 414
К моей биографии. Мое надгробное 415
Героическая симфония Бетховена (Памяти А. Одоевского) . . 416
На Новый год (Лаврову) 417

ЭПИГРАММЫ

Длинный Панин повалился... 421
Я не люблю попов ни наших, ни чужих... 422
Кн. Черкасскому 423
Ростовцевская комиссия 424
Эпитафия 425
Палач свободы по призванью... 426
Что за год бесчеловечий!.. 427
Историк будущий, ценя... 428
Пример неправильных, но справедливых ударений 429
Продолжение литературных наблюдений 430
<Н. В. Поггенполю> («В Nord'е сквозь все тонкости...») . . 431
<М. Н. Каткову> («Михайло Никифорыч старый...») . . . 432

Бранной лиры, бранной славы... 433
Надгробное 434
Т<ургене>ву 435
Я сижу в раздумии... 436
А. Майкову (По прочтении его стихов в <№ 5> «Русского вестника») 437
Примечания 441
Алфавитный указатель стихотворений 474

Николай Платонович
Огарев

Избранные произведения, т. 1

Редактор *Ю. Акимов*

Оформление художника
И. Николаевцева

Художественный редактор *К. Буров*

Технический редактор *Ф. Артемьева*

Корректоры
В. Знаменская и *З. Жигур*

*

Сдано в набор 17/X—55 г. Подписано к печати 6/I — 56 г. А 00405. Бумага 84 X 108 1/32 — 30 3/4 печ. л. = 25,2 усл. печ. л. 17,71 уч.-изд. л. + 1 вкл. = 17,76 л. Тираж 75 000. Заказ № 889.
Цена 7 р. 35 к.

Гослитиздат,
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

3-я типография
«Красный пролетарий»
Главполиграфпрома
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16